

ВЕСТНИК

ТВЕРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия: История

№ 3 (71), 2024

Научный журнал

Основан в 2007 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-61026 от 5 марта 2015 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный университет»

Редакционная коллегия серии:

д-р ист. наук, проф. Т.Г. Леонтьева (*глав. редактор*);
канд. ист. наук, доц. С.В. Богданов (*отв. секретарь*);
д-р ист. наук, ст.науч. сотр. В.Б. Аксенов (ИРИ РАН, г. Москва);
д-р ист. наук, проф. доц. А.В. Белова;
д-р ист. наук, глав. науч. сотр. В.П. Булдаков (ИРИ РАН, г. Москва);
д-р ист. наук А.М. Ермаков (ЯрГПУ, г. Ярославль);
д-р ист. наук, проф. Н.Л. Пушкин (ИЭА РАН, г. Москва);
д-р ист. наук, проф. А.С. Ходнев (ЯрГПУ, г. Ярославль);
д-р ист. наук, проф. В.В. Шелохов (ИРИ РАН, г. Москва);
д-р гум. наук, проф. Е. Икэда (Токийский университет, Япония);
проф. истории Д. Орловски (Южный методистский университет, г. Даллас, США);
проф. истории Гр. Фриз (университет Брандейса, г. Уолтем, США);

Адрес редакции:

Россия, 170100, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31, каб. 201
Тел.: +7(4822)34-16-85

*Все права защищены. Никакая часть этого издания
не может быть reproduced без письменного разрешения издателя.*

© Тверской государственный
университет, 2024

Series: History

№ 3 (71), 2024

Scientific Journal

Founded in 2007

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
PI № ФС77-61026 of March 5, 2015

Translated Title:

Herald of Tver State University. Series: History

Founder:

Federal State Budget Educational Institution
Of Higher Education
«Tver State University»

Editorial Board of the Series:

- D. Sc. In History, prof. T.G. Leontieva (*editor-in-chief*);
Cand. Sc. in History S.V. Bogdanov (*executive secretary*);
D. Sc. in History, V.B. Aksenov (IRI RAS, Moscow);
D. Sc. in History, prof. A.V. Belova;
D. Sc. in History V.P. Buldakov (IRI RAS, Moscow);
D. Sc. in History A.M. Ermakov;
D. Sc. in History N.L. Pushkareva (IEA RAS, Moscow);
D. Sc. in History, prof. A.S. Khodnev;
D. Sc. in History V.V. Shelokhaev (IRI RAS, Moscow);
Prof. of Humanities Y. Ikeda (The University of Tokyo, Japan);
Prof. of History D. Orlowsky (Southern Methodist University, Dallas, USA);
Prof. of History Gr. Freeze (Brandeis University, Waltham, USA);

Editorial Office:

Office 201, 16/31, Trehsvyatetskaya st., Tver, 170100, Russia
Tel.: +7(4822)34-16-85

*All rights reserved. No part of this publication
may be reproduced without the written permission of the publisher.*

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ РОССИИ

<i>Баранова О.В.</i> История российской антропологии в лицах. Князь В.Н. Тенишев	5
<i>Беговатов Д.А.</i> Подражание объектам Святой Земли в Валаамском Свято-Преображенском монастыре: история и современность.....	19
<i>Жукова Е.Н.</i> А.С. Башкиров в Калининском педагогическом институте	36
<i>Мраморнов А.И.</i> Деятельность уставного отдела Всероссийского поместного собора 1917–1918 годов	55

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Литовченко Е.В.</i> Чаша Сидония, кубок Эннодия и кольцо Авита: экфрасис в поздней античности	75
<i>Петров К.А.</i> Проблема экономической и политической депривации женщин в обществах постколониальной тропической Африки в 1980–2000 годах.....	88

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

<i>Генералова О.В.</i> Заставить «говорить» вещь: приёмы использования коллекций мемориальных музеев для реконструкции женской повседневности	103
<i>Ермоченко К.П.</i> Религиозность «новой советской женщины» в 1920-х гг.: практики и механизмы регулирования	111
<i>Пуневский Я.В.</i> Роль органов городского самоуправления в деле помощи фронту в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и русско-японской войны 1904–1905 гг. (по материалам Ярославской губернии)	124
<i>Сnedков Г.А.</i> «Evict the tourists, not migrants»: повседневный опыт мигрантов в Исландии в начале 2020-х годов	138

СООБЩЕНИЯ

<i>Леонтьева О.Г.</i> Дарственные надписи как информационный комплекс в личных фондах тверских архивов.....	147
---	-----

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Булдаков В.П.</i> К вопросу о происхождении историографических нелепостей	155
СВЕДЕНИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	167

CONTENTS

THE HISTORY OF RUSSIA

<i>O.V. Baranova</i> History of Russian anthropology in persons. Prince V.N. Tenishev	5
<i>D.A. Begovatov</i> Imitation of the Holy Land objects in the Valaam Holy Transfiguration Monastery: history and modernity	19
<i>E.N. Zhukova</i> A.S. Bashkirov at the Kalinin Insntitute	36
<i>A.I. Mramornov</i> Activities of the Charter Department of All-Russian Local Council 1917–1918	55

THE GENERAL HISTORY

<i>E.V. Litovchenko</i> The Bowl of Sidonius, the Cup of Ennodius and the Ring of Avitus: Ekphrasis in Late Antiquity	75
<i>K.A. Petrov</i> The Problem of Economic and Political Deprivation of Women in Post-Colonoal Tropical Africa in the 1980–2000s	88

THE PAGE OF THE POST-GRADUATE STUDENT

<i>S.V. Generalova</i> Making a Thing «Talk»: Technoques for Using the Colltction of Memorial Museums to Reconstruct Women's Everiday Life	103
<i>K.P. Ermochenko</i> Relogiosity of the «New Soviet Woman» in the 1920s: Practices and Mechanism of Regulation	111
<i>Ya.V. Punevsky</i> The Role of City Government in Helping the Front and Rear During the Russian-Turkish War of 1877–1878 and the Russian-Japanese War of 1904–1905 (Based on the Materials of the Cities of the Yaroslavl Province)	124
<i>G.A. Snedkov</i> «Evict the tourists, not migrants»: everyday experiences of migrants in Iceland in the early 2020s	138

THE REPORTS

<i>O.G. Leonteva</i> Gift Inscriptions as an Information Complex in the Personal Funds of Tver Archives	147
---	-----

THE CRITICISM. THE BIBLIOGRAPHY. THE SCIENTIFIC LIFE

<i>V.P. Buldakov</i> On the question of the origin of historiographical absurdities	155
INFORMATION FOR AUTHORS	167

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47)+929:Тенишев+572+39
DOI 10.26456/vthistory/2024.3.005–018

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ В ЛИЦАХ. КНЯЗЬ В.Н. ТЕНИШЕВ

О.В. Баранова

ФГБОУ ВО «Смоленский государственный медицинский университет»
МЗ РФ, г. Смоленск, Россия

В статье дан анализ социально-антропологических взглядов Вячеслава Николаевича Тенишева. Выдающийся российский промышленник, предприниматель, меценат и общественный деятель, князь Тенишев изучил общедоступные данные о биологическом разнообразии видов и поведения и обнаружил механизмы организации социума у людей, схожие с таковыми у животных. Он предположил, что изучение социального устройства и культуры народов в составе Российской империи позволит повысить эффективность управления, и создал для этого Этнографическое Бюро, научно обосновал программу его деятельности. Тематика исследований и основные выводы В.Н. Тенишева актуальны в современном научном дискурсе. Предложенный им подход к анализу социальных институтов лежит в основе организованной им практикоориентированной системы образования.

Ключевые слова: история, антропология, социальное поведение, биологическое поведение, Вячеслав Николаевич Тенишев, Талашикино.

В условиях современного трансформационного процесса в науке историографические вопросы актуализируются, поэтому важно показать вклад отечественного мыслителя в развитие социальной антропологии. В.Н. Тенишев представлен в отечественной историографии как разносторонняя и яркая личность. Различные исследования отражают его деятельность в качестве промышленника, мецената, организатора культурного и просветительского центра в ранее непримечательном селе Талашикино Смоленской губернии¹. Однако его взгляды на социальную антропологию, на наш взгляд, остаются практически за кадром.

Изучение социально-антропологических взглядов В.Н. Тенишева наиболее эффективно на основе анализа его сочинений и статистических и

¹ Журавлева Л.С. Педагогическое наследие князей Тенишевых. Смоленск. 2000; Калягина В.М. К биографии князя В.Н. Тенишева // Смоленская старина: сборник смоленского областного краеведческого общества. Смоленск, 2018. С 105–127.

аналитических материалов, созданных в результате работы сформированного им Этнографического бюро. Наиболее широко в отечественной историографии изучены «Программа этнографических исследований кн. В.Н. Тенишева», которая представляет собой разработку цикла вопросов для сбора информации агентами бюро. Их количество достигает пятисот. Этот круг вопросов был сформирован на основе теоретической работы «Деятельность человека» и анализа двенадцати созданных ранее разными авторами программ этнографических исследований, из которых только две имели общеэтнографический характер. Остальные же восемь были ориентированы на изучение юридических обычаев народа и две – на анализ уровня грамотности крестьянского населения России². «Сам текст программы состоит из цитат, отсылающих к множеству научных и культурных источников. В такой перспективе программу можно одновременно рассматривать и как источник по истории развития науки, и, собственно, как этнографический источник, позволяющий хотя бы частично реконструировать накопленные к моменту ее рождения знания, на основе которых и были сформулированы вошедшие в программу вопросы», – писал В.Н. Добровольский³. Работа самого В.Н. Добровольского, члена общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском государственном университете, одного из активных участников деятельности Этнографического бюро В.Н. Тенишева, также была использована как ценный источник из комплекса документов Этнографического бюро. В ней содержатся комментарии, разъясняющие содержание подхода князя Тенишева к исследованию материала.

В качестве дополнительных источников, позволяющих зафиксировать факты личной биографии Вячеслава Николаевича, мы использовали официальные документы государственных учреждений⁴.

На её основе собранные и обобщённые ответы респондентов представлены в опубликованных и находящихся на сегодняшний день в стадии подготовки к публикации материалах Этнографического бюро. Система взглядов князя В.Н. Тенишева представлена в двух его произведениях, связанных внутренним содержанием: «Деятельность животных» и «Деятельность человека». Эти работы, как и личность В.Н. Тенишева, недостаточно подробно изучены, хотя нашли отражение в рамках разных этапов становления отечественной историографии.

Целью данного исследования является определение роли В.Н. Тенишева в истории социальной антропологии.

Изучая взгляды В.Н. Тенишева на механизмы социального поведения человека, мы ставим перед собой следующие задачи:

² Тенишев В.Н. Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России кн. В.Н. Тенишева. Смоленск, 1898.

³ Добровольский В.Н. Дополнения к программе этнографических сведений о крестьянах центральной России. Смоленск, 1897. С. 11.

⁴ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 20. Оп. 2. Д. 1316. Л. 75; Ф. 23. Оп. 7. Д. 1691. Л. 59.

- рассмотреть сущность социально-антропологической концепции В.Н. Тенишева;
- выявить научную актуальность идей в контексте времени ее создания и в современный период.

Отечественная публикационная активность в вопросах социальной антропологии человека, в том числе в исторической коннотации проблемы, на сегодняшний день велика. При этом особенностью исследовательского поля данной тематики является значительный терминологический разброс. В отечественной исследовательской литературе мы встречаем синонимичное использование терминов «социальная антропология», «этнография» и «этнология». И.А. Шахова иллюстрирует такую ситуацию вариативностью названий кафедр, специализирующихся на изучении человека как сложного социального существа⁵. Такое разнообразие терминов можно констатировать, проведя мониторинг научных журналов, специализирующихся на изучении становления социального типа современного человека с позиций социальной психологии, культурной эволюции и развития социальных институтов. Важно отметить, что в дореволюционной России преобладал термин «этнография».

В этой связи важным критерием нашего исследования является его собственная терминологическая база. Мы определяем изучаемую область взглядов В.Н. Тенишева как социальную антропологию. Сам же князь использовал термин «этнография». В связи с этим уместно небольшое пояснение. Термин «этнография» пришёл в русский язык как заимствование из немецкого. В первичном звучании этнографические исследования сосредотачивались на описании малоразвитых народов, позже распространились на остальные этносы. Именно на описании, поскольку жизнь таких общностей долго казалась европейцам примитивной, несложной. Немецкие научные традиции в России восходят к периоду формирования Академии наук как средоточию института научных исследований в стране. Однако на сегодняшний день в гуманитарном дискурсе произошли существенные изменения, касающиеся как его культурно-географической, так и его научно-философской ориентации. Поэтому исследования, направленные на выявление черт истории русского народа князем Тенишевым и его сподвижниками, мы определяем как социально-антропологические. Термин «антропология» пришёл из англоязычного научного пространства, однако, кроме лингвистической специфики, он привнёс в науку собственные акценты. Главным из них можно назвать гуманистическую этику. Согласно характеристике, данной В.А. Тишковым⁶, социальная антропология изучает культурное многообразие человечества и его социальную жизнь, в отличие от физической антропологии, которая концентрирует внимание на физиче-

⁵ Шахова И.А. Курс лекций по социальной антропологии. Благовещенск, 2014.

⁶ Антропология и этнология: учебник для бакалавриата и магистратуры// под ред. академика В.А. Тишкова. М., 2018. С. 9.

ском становлении вида. На стыке физической и культурной антропологии находится этология.

Исходя из вышесказанного, мы рассматриваем исследования князя Тенишева с позиций превалирующего сегодня социально-антропологического дискурса. При этом сохраняем ценность аутентичности исследования, помня о том, что сам Тенишев определял свои исследования как этнографические.

Период деятельности князя (вторая пол. XIX – начало XX в.) период «этнографического настоящего», т. е. времени, когда исконные народы не утратили своей аутентичности во многих проявлениях. Поэтому очень эффективными выглядели такие методы, как наблюдение, описание, сравнение культур. В России большой популярностью пользовался предложенный К.Д. Кавелиным «метод пережитков»⁷.

Анализируя основные этапы становления социальной антропологии, И.А. Шахова отметила В.Н. Тенишева в одном ряду с Татищевым, Н.Я. Данилевским, К.М. Бэрром. Она отметила вклад этих учёных в разработку антрополого-этнографической проблематики⁸. В советский период исследователи акцентировали внимание на явно присутствовавшем в работах В.Н. Тенишева отражении классовой борьбы и интересов общественной элиты⁹.

Акцент на изучении социально-антропологических взглядов у В.Н. Тенишева сделала исследовательница А.С. Сидорова. В сфере её внимания находится представление князя о структуре человеческих потребностей и социальная мимикрия. По её мнению, В.Н. Тенишев описал явление социальной мимикрии как у животных, так и у человека, проиллюстрировав тем самым биологическую составляющую природы человека¹⁰.

В качестве основных методов исследования выбран сравнительный и историко-семантический анализ текста, историко-генетический метод. Мы видим большой потенциал для исследователя нарративного материала в обращении к методике, предложенной школой «истории понятий». В нашем исследовании особенно важен акцент на определение референтных для терминологии из работ В.Н. Тенишева значений и определение социально-философских концептов, поднятых в них. Наиболее ярким примером можно считать использование термина «деятельность» применительно как к животным, так и к человеку (включая деятельность телесную и душевную). Более того, по мнению В.Н. Тенишева, в «непрерывной деятельности

⁷ Горшков М.К. Социология в России: становление и развитие //Социологическая наука и социальная практика. 2017. № 2(18). С. 7–29.

⁸ Шахова И.А. Курс лекций по социальной антропологии. Благовещенск, 2014.

⁹ Сидорова А.С. В.Н. Тенишев о социальной мимикрии // Духовное наследие М.К. Тенишевой и проблемы сохранения, развития традиционной народной культуры: материалы научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения М.К. Тенишевой. Смоленск, 2008. С. 214–217.

¹⁰ Сидорова А.С. В.Н. Тенишев о природе потребностей человека // Социология. 2013. № 3. С. 151–154.

сти» находятся также вещества в теле человека¹¹. Именно через них мы сможем избежать модернизации или, наоборот, архаизации содержания текстов В.Н. Тенишева.

Вячеслав Николаевич Тенишев родился в 1844 г. в Варшаве в семье крупного чиновника Николая Ивановича Тенишева. Следуя по стопам отца, он получил высшее техническое образование и, будучи организатором железнодорожного производства, достиг больших успехов. Благодаря его разработкам Россия значительно сократила импорт железнодорожных рельсов, покрывая свои потребности отечественными продуктами¹². В 1900 г. ему была поручено возглавить российскую делегацию на Всемирной выставке в Париже в качестве генерального комиссара¹³. Уже к моменту её подготовки Вячеслав Николаевич был причастен к изучению этнографии. На выставке большим успехом пользовались изделия крестьянских ремесленных мастерских, организованных его первой супругой, Анной Дмитриевной.

На принадлежащем ему участке земли в Санкт-Петербурге по адресу Моховая улица, д. 33 он организовал и отстроил¹⁴ «Тенишевское училище с дополнительным коммерческим классом». Причиной тому было стремление реализовать особые методы преподавания, основанные на принципах наглядности и интерактивного обучения¹⁵.

Во введении к научному сочинению, которое можно считать ключевым для понимания его научной концепции, – «Деятельность животных» – исследователь отметил, что его интересует не изученная ещё проблема объяснения и прогнозирования поведения человека. В частности, он констатировал «отсутствие систематического собрания фактов, дающего общие выводы для применения их в частных случаях». Князь Тенишев ищет причины поведения человека, выходящие за рамки индивидуальной психологии, указывает границы возможностей психологов в формировании человеческого поведения и, как следствие, фиксирует наличие в поступках людей причин объективного характера. Способ их обнаружения он видит в сфере теоретических исследований и наблюдений: «Наблюдения убеждают нас в том, что деятельность человека, кроме того, что связана с чувствами, имеет основания, на которые нередко можно указать»¹⁶. В поведении жи-

¹¹ Тенишев В.Н. Деятельность животных. СПб., 1889. С. 3.

¹² Калыгина В.М. К биографии князя В.Н. Тенишева // Смоленская старина: сборник смоленского областного краеведческого общества. Смоленск, 2018. С 105–127.

¹³ РГИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1316. Л. 75; Ф. 23. Оп. 7. Д. 1691. Л. 59.

¹⁴ Мандельштам О.Э. Шум времени // Мандельштам О.Э. Сочинения в двух томах. Т. 2. М. 2002. [Электронный ресурс]. URL: https://rvb.ru/20vek/mandelstam/dvuhtomnik/01text/vol_2/01prose/0628.htm (дата обращения: 25.08.2023); Калыгина В.М. К биографии князя В.Н. Тенишева // Смоленская старина: сборник смоленского областного краеведческого общества. Смоленск, 2018. С 105–127.

¹⁵ Мец А.Г. Тенишевское училище и другие работы об Осипе Мандельштаме и его времени. СПб., 2020.

¹⁶ Тенишев В.Н. Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России кн. В.Н. Тенишева. Смоленск, 1898. С. 2.

вотных автор работы видит источник обнаружения реакций на вызовы окружающей среды, которые коррелируются со стимулируемым ими поведением¹⁷. По его мнению, в человеческом обществе эти взаимосвязи сохраняются, однако ещё существуют социальные, интеллектуальные и психологические наслоения.

Одновременно В.Н. Тенишев проявлял большой научный и практический интерес к этнокультурным процессам. В частности, знамениты ремесленные школы для крестьян в селе Талашкино Смоленской губернии, организованные князем и его второй супругой Марией Клавдиевной. Обучение в этих школах велось согласно педагогической программе, разработанной князем на основе данных этнографического бюро¹⁸.

Научные интересы В.Н. Тенишева с современной позиции можно охарактеризовать как социально-антропологические и этнографические. В конце XIX – начале XX вв. гуманитарные науки, в частности, антропология, тяготели к позитивизму. Внимание многих исследователей привлекало поведение народа в связи с изменением экономических и социальных условий жизни, политикой власти, появлением новых соседей¹⁹. По его инициативе в 1897 г. было создано Этнографическое бюро – сложно организованная структура, имевшая сеть региональных организаций, нанимавших агентов для сбора информации. Агентами работали люди разного происхождения и уровня образования, поэтому ответы на вопросы записывались не по единой форме. В связи с этим одновременно растет охват респондентов и территорий и возникает сложность интерпретации материалов, собранных агентами бюро.

В исследование были включены самые разнообразные факторы: природные условия, инфраструктура населённого пункта, структура власти, способ вертикальной социальной коммуникации, особенности семейных отношений и др. Однако научные интересы Вячеслава Николаевича были ещё шире. В своих работах «Деятельность животных» и «Деятельность человека»²⁰ он выступает как эволюционист, находя корни человеческого поведения в животной природе *Homo sapiens*. В свою очередь, *Homo sapiens* он рассматривает как часть живой природы со всеми присущими ей закономерностями. И хотя он не указывает прямо на теорию эволюции Дарвина, из структуры его работы следует видение усложнения животного мира от одного вида к другому, а именно от птиц к млекопитающим. Более того, самыми высокоорганизованными животными он называет обезьян, а именно мартышек и павианов, поскольку они имеют заботу друг о друге и за-

¹⁷ Тенишев В.Н. Указ. соч. С. 9.

¹⁸ Дробышева Л.М., Колонтаев В.М. Становление биологического образования в России в первой половине двадцатого столетия // Вестник ТГУ. 2003. Т. 8. № 2. С. 323–329; Журавлева Л.С. Педагогическое наследие князей Тенишевых. Смоленск, 2000. С. 39; Тенишев В.Н. Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России кн. В.Н. Тенишева. Смоленск, 1898. С. 16.

¹⁹ Лоренц К. Агрессия, так называемое зло. М., 1994. С. 9–15.

²⁰ Тенишев В.Н. Указ. соч.; Тенишев В.Н. Деятельность человека. СПб., 1897.

щищают слабых²¹. Именно павианы были выбраны в качестве объекта изучения знаменитым современным антропологом Робертом Сапольски как наиболее близкий к человеку вид²². Основным источником фактической информации для Тенишева при написании труда был популярный среди образованных людей того времени труд А. Брема «Жизнь животных». Общедоступный фактический материал, собранный и описанный естествоиспытателем, он проанализировал и выявил основные адаптивные свойства и закономерности, присущие различным видам живых существ, которые проявились в деятельности и социальной жизни человека. В связи с этим Тенишев указывал на такую проблему современной ему психологии, как попытка ограничить свои знания теоретическими штудиями древних мифов, утверждая, что «психологи уходят от естествознания»²³.

В 1864 г. в Москве появилось Общество любителей естественной истории при МГУ, к таковой была причислена и этнография. Его участники находились под влиянием позитивистских взглядов Э. Дюркгейма. В это время происходит активное накопление данных антропологической науки. В 1879 г. здесь прошла первая в мире Антропологическая выставка, были опубликованы материалы экспедиции Н.Н. Миклухо-Маклая в Папуа–Новую Гвинею и создан антропологический музей и антропологический институт при МГУ. На тот момент основным методом исследования был позитивизм со свойственным ему нарративом, еще не была разработана теория социального эксперимента как метода антропосоциологического исследования. В.Н. Тенишев, по мнению ряда исследователей, социологию, антропологию и математику считал одинаково позитивистскими науками²⁴.

Созданная Тенишевым система описания деятельности человека носила аналитический характер и предвосхитила созданную известным исследователем функционалистского направления Б.К. Малиновским теорию потребностей²⁵. Исследование В.Н. Тенишева возникло в обстановке довольно жёсткого политического и идеологического контроля. В Российской империи господствовала теория официальной народности, разработанная ещё в 1833 г. графом С.С. Уваровым. «Три кита» её – православие, самодержавие, народность – базировались на ортодоксальной христианской доктрине, которая, в силу своего слияния с государственным монархическим аппаратом, носила исключительно косный характер. Иначе говоря, Россия, переживая промышленный переворот, по-прежнему опиралась на концепцию «золотого века»²⁶.

²¹ Тенишев В.Н. Программа этнографических сведений ... С. 162.

²² Сапольски Р. Биология добра и зла. М, 2019.

²³ Тенишев В.Н. Программа этнографических сведений... С. 230.

²⁴ Сидорова А.С. В.Н. Тенишев о социальной мимикрии. С. 214–217.

²⁵ Там же. С. 214–217.

²⁶ РГИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1316. Л. 75.

Цель сбора этнографических данных, по мнению Д.А. Баранова²⁷, у князя Тенишева была самая практическая: научиться предвидеть поступки людей, повысить эффективность политического управления обществом²⁸. Можно сравнивать научные выводы Тенишева со всемирно известными исследованиями австрийского ученого К. Лоренца, основателя этологии. Однако нельзя забывать, что теория Лоренца создавалась в период противостояния фашистского, коммунистического и капиталистического режимов. Вопрос управления человеческим поведением находился в центре практического внимания политиков и ученых, при этом сами по себе социальный и политический аспекты не входили в сферу исследований Лоренца²⁹.

Важно учитывать терминологические особенности изложения, имеющиеся в работах Тенишева. В своей «Программе...», например, он рассматривал в качестве культурных составляющих развития общества письменность, бюрократию и науку³⁰. Он ставил целью изучить наличие гендерной и имущественной дискриминации³¹ и видел в качестве одного из формирующих человека качеств национальную культуру. В тексте программы национальная специфика определялась термином «расовые различия»³². Однако, с точки зрения современной науки, раздел был посвящён изучению социально-культурных условий жизни, а не биологических констант. Сам же термин «раса» в данном случае можно считать архаизмом, поскольку в современном понимании он отражает именно врождённые генотипические признаки.

Термин «глобализация» стал широко использоваться в научном обицо ве в 1980-х гг. Он был применён для описания деятельности ТНК. Однако князь Тенишев использует его в своей программе, говоря о культурно-идеологической экспансии христианства и ислама³³.

Современная социальная и биологическая антропология в процессе своего становления получила источник качественно новой информации в накопленной базе специальных экспериментов и наблюдений за жизнью примитивных человеческих сообществ. Среди учёных, которые достигли большой известности исследованиями биологической составляющей *Homo sapiens*, Конрад Лоренц, Роберт Сапольски и другие. Роберт Сапольски – американский нейроэндокринолог, профессор биологии, неврологии и нейрохирургии в Стенфордском университете, исследователь и автор книг³⁴. Конрад Лоренц – лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине, основатель Института Физиологии поведения имени Макса План-

²⁷ Баранов Д.А. «Крестьянская программа» кн. В.Н Тенишева: текст и контекст //Антрапологический форум. 2021. № 4. С. 176–188.

²⁸ Там же. С. 177.

²⁹ Mandelstam O.E. Op. cit.

³⁰ Тенишев В.Н. Программа этнографических сведений... С. 38.

³¹ Там же. С. 66–78.

³² Там же. С. 40.

³³ Там же. С. 78–82.

³⁴ Сапольски Р. Указ. соч. С. 136.

ка, автор работы «Агрессия, так называемое зло» и многих других научных сочинений³⁵. Даже из краткого резюме авторов работ видно, что объектом их пристального внимания должна была стать физиология поведения человека. Примечательно, что на основании логических выводов Тенишева на основании изучения трудов А. Брэма³⁶ провёл те же аналогии в жизни животных и человека, которые были экспериментально обоснованы в трудах этих исследователей. Для многих современных учёных важным и нерешищенным остаётся вопрос о том, какие же составляющие жизни современного *Homo sapiens* имеют социальную, а какие – биологическую природу.

Отметим, что сам Тенишев не даёт прямого ответа на вопрос об отличиях человека от животного. Однако имплицитно в его труде присутствует некая сила, создающая условия для жизни видов. У животных это природа, а у человека – государство и общество как социальная реальность. В частности, он видит проявление хищнического поведения человека в рамках института аукционных торгов, уподобляет школьную зубрежку дрессировке, которая положена в основу обращения института образования и науки к античным традициям. Патриотизм, по мнению Тенишева, является собой пример врождённого коллективизма в рамках института государства.

В свою очередь, природа коллективизма, или социальности человека, по его мнению, проистекает из социальности животных – объединение для путешествий подобно структурированному функционально клину перелетных птиц, которые вместе могут обеспечить себе безопасность даже от крупных хищных птиц. И природа морали, которая выделяет человека из биологической среды, также находится в ценности социальности как таковой. Такое объединение для безопасности характерно, по его словам, для галок, грачей и других. Отсюда вытекает его функциональная теория социального неравенства. Первым импульсом формирования социума как сложной системы исследователь называет выделение «класса защитников». Дальнейшее формирование разных социальных и производственных задач также находит отражение в структурировании общества. Отсюда логично следует сделанный В.Н. Тенишевым вывод о корреляции степени развитости общества и сложности его социальной организации. В свою очередь, общество как проявление сущности человека формирует уже его самого. Созданная им картина потребностей человека предельно динамична, например, он утверждал: «Наше суждение о том, какая потребность в данный момент руководит человеком, – гадательно».

Ввиду этого важно рассуждение об опыте как адаптивном механизме, присущем живым существам. Исследователь утверждает: «Поведение животных определяется природными инстинктами, опытом, подражанием родителям и дрессировкой»³⁷. Применяя данное утверждение к человеческому обществу, Тенишев делает следующее наблюдение: «Потребность усво-

³⁵ Тенишев В.Н. Программа этнографических сведений... С. 148, 163, 164

³⁶ Брэм А. Жизнь животных. В 10 томах. СПб., 1893–1896.

³⁷ Тенишев В.Н. Деятельность животных. С. 199; Тенишев В.Н. Деятельность человека. С. 202.

ения опыта и адаптации особенно сильна у подростков. Часто образование подобно дрессуре, оно не имеет связи с жизнью... наука ради науки... зубрёжка. Это противоречит необходимости развития способности адаптироваться к жизни, которая существует у людей также, как и у животных»³⁸. Такая интенция усиливается утверждением о том, что «умным мы называем то животное, которое приобретает и пользуется опытом»³⁹. Обосновывая собственную систему образования, Тенишев опирается на законы памяти. Он описывает закон ассоциаций, процесс угасания рефлекса как механизмы, лежащие в основе процесса социализации и, в частности, образования. Более того, он отмечает наличие конфликта между биологическими потребностями человека и задачей его социализации. Из вышесказанного В.Н. Тенишев выводит внутренние правила, необходимые для успешного хода социализации⁴⁰.

Говоря о формировании в обществе социальной структуры и патриотизма, он приводит примеры коллективного сосуществования в природе. В частности, он рассуждал о поведении животных и человека в экстремальных ситуациях. У животных присутствует коллективный инстинкт: волки охотятся сообща, американские индейки высаживают не только свои яйца, но и яйца других членов стаи, гнезда австралийских ласточек выстраиваются в колонии численностью до пятидесяти семей, южно-африканские ткачики коллективно строят гнезда, а мартышки информируют друг друга об изменениях во внешней среде и защищают сородичей. Исследуя человеческую общину, Тенишев на основе такого научного дискурса внес в Программу вопросы, касающиеся организации общины, взаимодействия людей внутри неё⁴¹.

Также в природе В.Н. Тенишев находит аналогии семейной организации человеческого общества. Он приводит большое количество примеров того, что образование семьи у птиц и животных сопровождается реализацией инстинкта строительства гнезда, причём чем сложнее поведение животного, тем более вероятно участие обоих родителей в воспитании отпрыска, долгое сохранение пары. Устойчивость брачных пар, по его замечанию, сочетается с высокой конкуренцией в стае. У хищных млекопитающих – собак и волков – появляется гендерное распределение ролей, при котором самец отвечает за добычу пропитания, а самка берёт на себя заботу о детенышах⁴².

Таким образом, Вячеслав Николаевич Тенишев сформулировал свою концепцию в конце XIX – начале XX в. на основании практического изучения жизни народа и теоретического анализа научных работ А. Брема в условиях формирования капиталистических отношений в императорской России, сопровождающегося ростом интереса к естествознанию при сохранении традиционной системы образования и науки. В.Н. Тенишев выделил

³⁸ Тенишев В.Н. Деятельность человека. С. 219–220.

³⁹ Там же. С. 215.

⁴⁰ Там же. С. 29, 34–35.

⁴¹ Тенишев В.Н. Программа этнографических сведений... С. 60.

⁴² Там же. С. 124.

многие механизмы поведения людей, которые происходят именно из биологической принадлежности человека к миру животных. И при этом он придавал большое значение изучению региональных культурных особенностей. Таким образом, именно в механизмах адаптации он видел скрытый ход эволюции человеческого социума. В этом смысле для исследователя социальные институты становились формой выражения сущности социального взаимодействия, которое во многом подчинялось биологическим законам. Он также предложил практические рекомендации, вытекающие из знания сущности этих механизмов. Например, введение практического обучения в школе, развитие корпоративного начала как способ формирования патриотизма, поддержание существующих в обществе брачных ритуалов. Он также предупреждал об опасности для существующего строя со стороны людей, лишившихся средств к существованию, поскольку именно такой человек, подобно животному в экстремальной ситуации, «решается на преступление»⁴³. Можно сделать вывод о том, что князь В.Н. Тенишев внёс вклад в процесс формирования теоретических наук и развитие практической и теоретической педагогики в рамках применения тезиса об эффективности практического обучения в Тенишевской гимназии в Санкт-Петербурге и в школах для крестьянских детей в селе Талашкино. Важно отметить, что исследования князя носили во многом междисциплинарный характер и во многом опережали своё время, хотя сам он не имел специальной профессиональной подготовки в этой области. Как и многие выдающиеся мыслители своего времени в России, он был, по сути, самоучкой, хотя и получившим хорошее базовое образование, начитанным и разносторонне развитым человеком. При этом надо отметить, что князь обогатил методологическую базу этнографических исследований введением социологического материала – систематических массовых данных, собранных на основе разработанной анкеты. Он ввел мощный аналитический пласт, который не только углубил знания в одной области, но и способствовал интеграции описательной науки этнографии в широкое пространство гуманитарных исследований. Подытоживая наше исследование, важно отметить, что заслуга В.Н. Тенишева состояла в том, что из общедоступного собрания фактов о биологической жизни видов он выделил фактор социальности и представил его в биологической коннотации. Таким образом, он назвал социальность с вполне определённым набором форм, определяемых универсальными потребностями живого существа, эволюционным механизмом. Далее, описывая суть человеческого общества, он обнаружил в её основе тот же механизм. Таким образом, биологическая и социальная коннотации представали в междисциплинарном контексте и образовали качественно новое знание. Одно из главнейших знаний, определивших развитие гуманитарных наук в XX в. Сам исследователь обозначил своё изучение как этнографическое, причём целью изучения он видел сбор информации, полезной для решения внутриполитических задач Российской империи.

⁴³ Тенишев В.Н. Деятельность человека. С. 179.

Именно такая трактовка и привела к тому, что его работы не имели должной популярности ни в Российской империи, где дарвинистский по сути подход не поддерживался официальными покровителями науки, ни в Советской России, где этнография была признана лжен наукой. Говоря о статусе научных изысканий Тенишева, мы считаем, что в ходе многолетней работы по сбору и анализу информации, а параллельно по изучению вопросов биологии и этологии, по сути, он подошёл к формированию социально-антропологической теории. Внезапная смерть исследователя прервала работу по анализу собранного этнографического (описательного) материала, и идеи князя не были включены в единое систематизированное знание. На сегодняшний день концептуальный подход, предложенный В.Н. Тенишевым, разработан и подтверждён многолетними теоретическими и практическими исследованиями ведущих современных социальных антропологов и более широкого международного научного сообщества.

Список литературы:

1. Баранов Д.А. «Крестьянская программа» кн. В.Н Тенишева: текст и контекст //Антрапологический форум. 2021. №4. С. 176–188.
2. Брэм А. Жизнь животных. В 10 томах. СПб.: изд-е товарищества «Общественная польза». 1893–1896.
3. Горшков М.К. Социология в России: становление и развитие. //Социологическая наука и социальная практика. 2017. №2(18). С. 7–29.
4. Дробышева Л.М., Колонтаев В.М. Становление биологического образования в России в первой половине двадцатого столетия // Вестник ТГУ. 2003. Т. 8. № 2. С. 323–329.
5. Журавлева Л.С. Педагогическое наследие князей Тенишевых. Смоленск: Свиток. 2000. – 39 с.
6. Калыгина В.М. К биографии князя В.Н. Тенишева // Смоленская старина: сборник смоленского областного краеведческого общества. Смоленск: Свиток, 2018. С 105–127.
7. Лоренц К. Агрессия, так называемое зло. М.: Прогресс, 1994. – 766 с.
8. Мец А.Г. Тенишевское училище и другие работы об Осипе Мандельштаме и его времени. СПБ: Гиперион, 2020. – 357 с.
9. Сапольски Р. Биология добра и зла. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. – 1320 с.
10. Сидорова А.С. В.Н. Тенишев о природе потребностей человека // Социология. 2013. № 3. С. 151–154.
11. Сидорова А.С. В.Н. Тенишев о социальной мимикрии // Духовное наследие М.К. Тенишевой и проблемы сохранения, развития традиционной народной культуры: материалы научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения М.К. Тенишевой. Смоленск, 2008. С. 214–217.
12. Шахова И.А. Курс лекций по социальной антропологии. Благовещенск: АмГУ, 2014. – 102 с.

Об авторе:

БАРАНОВА Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра философии, биоэтики, истории медицины и гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Смоленский государственный медицинский университет», (214019, Смоленская обл., г. Смоленск, ул. Крупской, д. 28), e-mail: Olgapoyarkova@yandex.ru SPIN-код 7808-6853, Autor ID 742044

**HISTORY OF RUSSIAN ANTHROPOLOGY IN PERSONS.
PRINCE V.N. TENISHEV**

O.V. Baranova

Smolensk State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, *Smolensk, Russia*

The article analyzes the socio-anthropological views of Vyacheslav Nikolaevich Tenishev. An outstanding Russian industrialist, entrepreneur, philanthropist and public figure, Prince Tenishev studied publicly available data on the biological diversity of species and behavior and discovered mechanisms of social organization in humans similar to those in animals. He suggested that the study of the social structure and culture of the peoples within the Russian Empire would increase the efficiency of management and created an Ethnographic Bureau for this, scientifically justified the program of its activities. The research topics and the main conclusions of V.N. Tenishev are relevant in modern scientific discourse. His proposed approach to the analysis of social institutions underlies the practice-oriented education system he organized.

Keywords: *history, anthropology, social behavior, biological behavior, Vyacheslav Nikolaevich Tenishev, Talashkino.*

About the author:

BARANOVA Olga Viktorovna – Candidate of History, Associate Professor of the Department of Philosophy, Bioethics, History of Medicine and Humanities, Smolensk State Medical University, (214019, Smolensk region, Smolensk, Krupskaya str., 28), e-mail: Olgapoyarkova@yandex.ru . SPIN code 7808-6853, Autor ID 742044

References:

- Baranov D.A., «*Krestianskaya programma*» kn. V.N. Tenisheva: tekst I kontekst, Antropologicheskiy forum, 2021, № 4, S. 176–188.
- Gorshkov M.K., *Sociologiya v Rossii: stanovlenie i razvitiye*, Sociologicheskaiia nauka i socialnaia practica, 2017, № 2(18), S. 7–29.
- Drobisheva L.M., Kolontaev V.M., *Stanovleniye biologicheskogo obrazovaniya v Rossii v pervoy polovine dvadtsatogo stoletia*, Vestnik TGU, 2003, T. 8, № 2, S. 323–329.

- Juravlyova L.C., *Pedagogicheskoe nasledie kniazei Tenishevih*, Smolensk, Svitok, 2000. – 39 s.
- Kaligina V.M., *K Biografii kniazia V.N. Tenisheva*, Smolenskaia starina: sbornik smolenskogo oblastnogo kraevedcheskogo obschestva, Smolensk, Svitok, 2018, S. 105–127.
- Lorents K., *Agressia, tak nazivaemoe zlo*, M., Progress, 1994. – 766 s.
- Metz A.G., *Tenishevskoe uchilische I drugie raboti ob Osipe Mandelshtame i ego vremeni*, SPB., Giperion, 2020. – 357 s.
- Sapolsky R., *Biologia dobra i zla*, M., Alpina non fikshn, 2019. – 1329 s.
- Sidorova A.S., *V.N. Tenishev o prirode potrebnostey chelovec*, Sociologia, 2013, № 3, S. 151–154.
- Sidorova A.S., *Tenishev o sotsialnoy mimikrii*, Duhovnoe nasledie M.K. Tenishevoy I problema sohraneniya, razvitiya traditsionnoy narodnoy kulturi: materiali nauchno-practicheskoy konferentsii, posvyaschennoy 150-letiyu so dnia rojdeniya M.K. Tenishevoy, Smolensk, 2008, S. 214–217.
- Shahova I.A., *Kurs lektsiy po sotsialnoy antropologii*, Blagoveschensk, AmGU, 2014. – 102 s.

Статья поступила в редакцию 21.07.2024 г.

Подписана в печать 24.09.2024 г.

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94 (47)"18/20"+281.93+(47-271Валлам)
DOI 10.26456/vthistory/2024.3.019–035

ПОДРАЖАНИЕ ОБЪЕКТАМ СВЯТОЙ ЗЕМЛИ В ВАЛААМСКОМ СВЯТО-ПРЕОБРАЖЕНСКОМ МОНАСТЫРЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Д.Н. Беговатов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия

В статье рассматривается история складывания в Валаамском Спасо-Преображенском монастыре объектов-подражаний и топографии христианской Палестины, а также судьба данного комплекса в XX – начале XXI вв. Исследование построено с учётом контекста истории взаимоотношений России и Финляндии с опорой на опубликованные интервью, воспоминания, делопроизводственные документы, публицистические сочинения и научную литературу. Анализ недавно введённых в научный оборот документов зарубежных архивов позволил уточнить детали истории «палестинских» объектов Валаама в 1930-е – начале 1940-х гг., а изучение устноисторических и мемуарных источников дало важную информацию касательно 1950–1980-х гг. Делается вывод о важности валаамского «Северного Иерусалима» для поддержания духовных связей России со Святой Землёй.

Ключевые слова: Валаам, Валаамский Спасо-Преображенский монастырь, Святая Земля, Иерусалим, Палестина, Гроб Господень, Северный Иерусалим, подражание.

Святая Земля и город Иерусалим связаны с событиями земной жизни Иисуса Христа, а потому всегда являлись объектами притяжения для христиан всего мира. В русской традиции ещё в эпоху Средневековья появляется описание «хожёний» верующих на Ближний Восток для поклонения местам, о которых повествуется в Священном Писании или память о которых отложилась в Священном Предании; самый ранний из таких памятников относится к началу XII в. и связан с именем Даниила, «игумена земли Русской»¹.

¹ Житие и хожение Даниила, игумена Русской земли // Слово Древней Руси / Состав., вступ. статья О. В. Гладковой. М., 2000. С. 174–186; Данилевский И.Н., Турлов А.А. Даниил // Православная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/171234.html?ysclid=lmmpgu2gv7d212563309> (дата обращения 04.09.2024 г.).

Посещение Иудеи, Галилеи, Самарии и других областей ближневосточного региона являлось мечтой многих людей, однако осуществление такого путешествия становилось уделом единиц. В этой связи создание на Родине объектов, которые являлись в определённой степени подражанием Святой Земле и напоминанием о ней, могло отчасти удовлетворить запрос верующих, стать зримым олицетворением евангельских сюжетов и событий земной жизни Иисуса Христа и Божией Матери.

Самый известный комплекс такого рода в России является детищем патриарха Никона и был создан в XVII в.: это Воскресенский Новоиерусалимский монастырь, который именуют «иконой Святой Земли» и «Русской Палестиной»². Впрочем, знаменитая подмосковная обитель не является единственным подражанием в истории русского православия. Порой эту функцию могло выполнять что-то очень небольшое и близкое. Например, тверской архиепископ Сильвестр (Холмский), который находился на тверской кафедре в 1720–1723 гг., в загородной архиерейской резиденции «Трёхсвятское» насыпал холм, который получил наименование «Фавор» (название горы в Галилее, на которой, по Преданию, произошло Преображение Господне)³; так у архиерея появилось зримое напоминание об одном из важнейших событий евангельской истории. Архиепископ Митрофан (Слотвинский), возглавлявший тверскую кафедру с 1738 по 1752 гг., стремился к укреплению духовных связей епархии со Святой Землей и продолжил начинание владыки Сильвестра (Холмского). Для этого он переименовал село Ямники Тверского уезда в Эммаус: основанием для такой аналогии послужило то, что данное поселение находилось от г. Твери приблизительно на том же расстоянии, что и иудейский Эммаус от Иерусалима⁴.

«Фавор» в «Трёхсвятском» или Эммаус под Тверью – это частные случаи тренда, который начал формироваться в традиции русского православия ещё в средневековый период. Между тем в начале XX в. в Российской империи возник ещё один крупный комплекс–подражание Святой Земле, пусть и несколько менее известный, чем Новоиерусалимская обитель: им стал Валаамский Спасо-Преображенский мужской монастырь («Жемчужина Ладоги»)⁵. Данную обитель также часто называют «Северным Афоном», и это специфическое именование возникло ещё в дореволюционный период, а отчасти сохраняется и сегодня⁶. Ввиду сказанного

² Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь [Электронный ресурс]. URL: <https://n-jerusalem.ru/> (дата обращения 04.09.2024 г.).

³ Храмовая празднества в г. Твери. Выпуск второй. Тверь, 1904. С. 84.

⁴ Тверская епархия в XVIII – нач. XX в. // Православная энциклопедия. Т. LXVII. М., 2022. С. 592–593.

⁵ Пискунова Н. Образы святой земли. Валаамский монастырь как образ земного и Небесного Иерусалима // София. 2003. № 4. С. 17–24.

⁶ См., напр.: Вениамин (Федченков) Лики святой Руси. М., 2013. С. 165–278; Светозарский А. Предисловие // Исиахазм [Электронный ресурс]. URL: https://www.hesychasm.ru/library/athon/north_athon.htm (дата обращения 04.09.2024 г.); Валаам Христовой Руси. М., 2000. С. 5; Серафим (Покровский). Слово к читателю // Сокровенный Валаам. Фотоальбом. Спасо-Преображенский Валаамский монастырь,

эпитет «Святая Земля», который встречается в литературе, применительно к Валааму имеет двойное значение: как подобие евангельской Палестины и как место особого присутствия божественной благодати⁷.

Ещё с середины XIX в. в России стали появляться мемуарные и публицистические сочинения, отражавшие опыт посещения Валаамского монастыря, однако многие из них были созданы до возникновения «Северного Иерусалима». Так, о Святой Земле на Валааме не мог написать еп. Игнатьй (Брянчанинов), который посетил остров в 1846 г., А. Томилин, бывший там в 1854 г., Н. С. Лесков, который побывал в обители в 1872 г., В. И. Немирович-Данченко, поездка которого состоялась в 1876 г., И. С. Шмелёв, который совершил по Ладоге свадебное путешествие в 1895 г. (всего за несколько лет до начала процесса создания на острове образа Палестины)⁸. В некоторых случаях авторы по неясным причинам умалчивали о подобного рода объектах: например, будущий митр. Вениамин (Федченков), который студентом Санкт-Петербургской духовной академии посетил Валаам в мае 1905 г., не упоминает «палестинскую топографию» и соответствующие объекты, хотя они к тому моменту уже начали появляться⁹.

Публикаций, в которых бы рассматривалось формирование и функционирование валаамского подобия Святой Земли, очень мало. Наиболее полную информацию по этому вопросу даёт брошюра, изданная ещё до революции¹⁰. Судьба «Северного Иерусалима» в советский период затрагивается в путеводителях, очерках и воспоминаниях лиц, которые работали на Валааме или посещали остров¹¹. Современные авторы обращаются к

2014; Пути Святой Горы. От Афона до Валаама. Каталог. Фотовыставка. Париж, 2012. С. 59; Кирилл (Гундяев). Валаам. Чудо возрождения // Монастырский вестник. 2014. № 12 (декабрь). С. 13; Берташ А. Спасо-Преображенский Валаамский ставропигиальный мужской монастырь // Там же. С. 19; Панкратий (Жердов). Честно нести монашеский крест // Там же. С. 22; Калашикова Е., Ткачёва Т., Фёдорова М. Обитель русской души // Там же. С. 36; Если вы приняли монашеский постриг, никогда об этом не жалейте // Монастырский вестник. 2017. № 7 [43] (июль). С. 66; Мельникова Е.А. Разломы валаамской памяти: мемориальное сообщество Валаама в поисках утраченного острова // Этнографическое обозрение. 2023. № 1. С. 59.

⁷ Серафим (Покровский) Указ. соч.; Мельникова Е.А. Указ. соч. С. 55.

⁸ Игнатьй (Брянчанинов) Посещение Валаамского монастыря // Он же. Полное собрание творений и писем: в 8 т. Т. 1. М., 2014. С. 438–461; Томилин А. Коневец и Валаам // Иллюстрация для всех из жизни русской земли. Книга для чтения взрослых и детей. СПб., 1874 С. 130–134; Лесков Н.С. Очарованный странник: Повести и рассказы. М., 1984. С. 130–207; Немирович-Данченко В.И. Крестьянское царство: в 2 т. СПб., 1882; Он же. Мужицкая обитель. СПб., 1912; Шмелёв И.С. Старый Валаам: очерк. М., 2015.

⁹ Вениамин (Федченков) Указ. соч.

¹⁰ Воскресенский скит на Валааме и в нем Кувуклия с подобием Гроба Господня. Пг., 1915.

¹¹ См., напр.: Рыевкин В.Р. Валаам. Архитектурно-природные ансамбли Валаамского архипелага. Петрозаводск, 1981; Исаков В. З. Прогулки по Валааму. М., 1984. [Электронный ресурс]. URL: <https://valamo.ru/isakov-hozyain-valaama/> (дата обращения 05.09.2024 г.); Левиаш Т.Л. Государственный историко-архитектурный и природный

данной тематике редко, порой лишь косвенно касаясь её¹². Данная тема требует более глубокого изучения с привлечением обширного документального материала, однако решение этой задачи осложняется тем, что монастырский архив досоветского периода находится в Нововалаамском монастыре в Финляндии и фактически закрыт для посетителей¹³. В этой связи есть насущная необходимость в сведении воедино разрозненной и фрагментированной информации, которая встречается в интервью, воспоминаниях, делопроизводственных документах, публицистике и научной литературе относительно истории «палестинских» объектов на ладожском острове, для составления наиболее полной картины прошлого этого уникального комплекса.

В предреволюционные десятилетия Валаам был крупнейшим мужским монастырём в империи, важным центром православия Великого княжества Финляндского и России в целом, одним из главных мест паломничества в стране. Для поклонения святыням сюда стекалось большое количество людей, однако в начале XX в. привлекательность обители усилило создание подобия объектов Святой Земли¹⁴.

Сердцем «валаамской Палестины» («Северного Иерусалима», «Нового Иерусалима», «Новой Палестины») является скит Воскресения Христова, расположенный в нескольких километрах от Центральной усадьбы (главной части монастыря)¹⁵. История основания скита связана с именем И. М. Сибирякова – сибирского золотопромышленника, предпринимателя и известного мецената второй половины XIX в. Этот исключительно богатый человек испытывал тягу к монашеской жизни и закончил свои дни схимником на г. Афон в 1901 г.¹⁶. За несколько лет до этого, в 1896 г., он посетил

заповедник Валаам. Петрозаводск, 1989. [Электронный ресурс]. URL: <https://valamo.ru/leviash/> (дата обращения 05.09.2024 г.); Кузнецов Е.П. Валаамская тетрадь. СПб., 2003; Печёрина Л. Музей-заповедник // Сердоболь. 2013. Вып. 13–14. С. 30–40; Рыстов В. Дом инвалидов // Там же. С. 20–29.

¹² Валаамский монастырь и его подвижники. СПб., 2011; Мельникова Е.А. Указ. соч. С. 45–66; Пискунова Н. Указ. соч.

¹³ Архив // Valamon luostari [Электронный ресурс]. URL: <https://valamo.fi/ru/%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D1%86%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%80%D1%85%D0%B8%D0%B2> (дата обращения 05.09.2024 г.).

¹⁴ Томилин А. Указ. соч. С. 133–134; Воскресенский скит на Валааме... С. 24–25; Вениамин (Федченков) Указ. соч. С. 174–176; Шмелёв И.С. Указ. соч. С. 19–21; Афанасий (Нечаев) Старый Валаам. [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/fiction/staryj-valaam-arhim-afanasiy-nechaev/> (дата обращения 05.09.2024 г.); Пискунова Н. Указ. соч.; Валаамский монастырь и его подвижники. С. 92; Берташ А. Указ. соч. С. 17.

¹⁵ Воскресенский скит на Валааме ... С. 6–7, 12; Кузнецов Е.П. Указ. соч. С. 72; Пискунова Н. Указ. соч.; Валаамский монастырь и его подвижники. С. 98, 176.

¹⁶ Воскресенский скит на Валааме... С. 9; Святая Гора Афон. Каруля. Жизнеописание схимонаха Иннокентия (Сибирякова) / сост. Т. Никитина. М., 2015. С. 4–6, 23–41, 45–47, 57–59.

Валаам и пожертвовал 10 000 руб. на создание нового скита. По ряду причин строительные работы начались лишь через 5 лет – в 1901 г., при этом возникли сложности из-за твёрдого грунта и лесистого характера местности¹⁷. Было решено главную церковь скита посвятить Воскресению Христову, а в нижнем храме устроить подобие Кувуклии (усыпальницы) с Гробом Господнем¹⁸.

Церковь была выполнена в русско-византийском стиле по проекту В. И. Баранкеева, при этом её купол и колокольня имели определённое сходство с иерусалимским храмом¹⁹. Строительные и отделочные работы продолжались с 1902 по середину 1906 г., после чего храм был освящён²⁰. Примечательно, что на рукописной карте 1903 г., которую, предположительно, выполнил один из насельников обители, место, где позже вырастет ансамбль Воскресенского скита, уже названо «Новым Иерусалимом», тогда как остальные элементы «палестинской топографии» ещё отсутствуют (объекты носят «обычные» названия)²¹.

Создание Воскресенского скита велось при трёх валаамских настоятелях: игуменах Гаврииле (Гаврилове), Виталии (Батракове) и Пафнутии (Андрееве), при этом следующий настоятель – Маврикий (Баранов) – также принимал в этом участие, ещё будучи казначеем монастыря и членом строительной комиссии²². Формирование ансамбля Воскресенского скита, который порой называли «Красным» или просто «Иерусалимом», было завершено в 1910 г.²³

Ядром валаамского Иерусалима стал нижний храм скита, освящённый в честь апостола Андрея Первозванного. Пространство, в котором расположен храм, практически целиком высечено в скале, что делает его полуподземным. В досоветский период истории Валаама над входом в храм висел перламутровый образ Воскресения Христова, который был приобретён на Святой Земле и освящён на Гробе Господнем²⁴.

¹⁷ Воскресенский скит на Валааме ... С. 10.

¹⁸ Там же. С. 10.

¹⁹ Там же. С. 13; Валаамский монастырь и его подвижники. С. 176–177.

²⁰ Воскресенский скит на Валааме... С. 11; Валаамский монастырь и его подвижники. С. 91, 98.

²¹ Рукописная карта монашеского острова // Монастырский вестник. 2017. № 7 [43] (июль). С. 130–131.

²² Воскресенский скит на Валааме... С. 12; Валаамский монастырь и его подвижники. С. 88–99.

²³ Материалы к истории Спасо-Преображенского монастыря на острове Валаам и в местности Папинниеми в Финляндской Республике в 1939–1944 гг. / вступ. ст. и публ. А. К. Клементьева и О. В. Скворцовой // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2017. № 4 (20). С. 236, 313, 331; Генплан 1982–1987 гг. // Сердоболь. 2013. Вып. 13–14. С. 112; Исаков В.З. Хозяин Валаама // Он же. Указ. соч. [Электронный ресурс]. URL: <https://valamo.ru/isakov-hozyain-valaama/> (дата обращения 05.09.2024 г.); Левиаш Т.Л. Воскресенский храм // Она же. Указ. соч. [Электронный ресурс]. URL: <https://valamo.ru/leviash-voskresenskij-skit/> (дата обращения 05.09.2024 г.).

²⁴ Воскресенский скит на Валааме... С. 14; Кузнецов Е.П. Указ. соч. С. 74.

В самом храме под резной позолоченной сенью находился «камень помазания», сделанный из красного гранита и покрытый плащаницей²⁵. За ним располагалась мраморная Кувуклия, которая, как и настоящая Кувуклия в иерусалимском храме, состояла из двух помещений. Первым являлся придел Ангела, в котором находился красный мраморный камень; он олицетворял собой тот камень, которым был закрыт вход в пещеру с телом погребённого Иисуса Христа и который, согласно Евангелию, отвалил сошедший с неба ангел. В валаамском подражании иерусалимской святыне находилась частица настоящего камня, которая была привезена со Святой Земли²⁶.

За приделом Ангела в валаамской Кувуклии располагался узкий проход, который вёл в подражание пещере Гроба Господня. Здесь находилось мраморное ложе – образ места, на котором лежало тело Иисуса Христа; камень был покрыт плащаницей и содержал фрагмент подлинного камня от Гроба Господня²⁷.

Нижний храм Воскресенского скита не являлся точной копией иерусалимского храма Гроба Господня ни в плане архитектуры, ни в отношении размеров – впрочем, задача добиться этого не ставилась изначально. Однако наличие подлинных частиц христианских святынь словно бы соединяло два Иерусалима (Восточный и Северный), что играло важную миссионерскую и духовно-просветительскую роль, особенно для данного региона страны, который обладал религиозной и национальной спецификой²⁸. Паломников из разных частей Российской империи привлекала возможность поклониться подобию Гроба Господня, помолиться за ежедневно совершааемым пасхальным молебном и услышать практически в любой день года торжественный возглас: «Христос воскресе!»²⁹.

Нижним храмом Воскресенского скита духовное родство Валаама и православного Востока не ограничивалось: на острове довольно быстро появилась развитая «палестинская топография». Уже упоминавшийся Маврикий (Баранов) до поступления в обитель посетил Святую Землю; в процессе возведения Воскресенского скита он часто бывал в западной части острова и, судя по всему, заметил сходство рельефа с ландшафтом и природными объектами Палестины. Вероятно, именно игумен Маврикий стал автором идеи устройства на Валааме «Северного Иерусалима», а т. к. он лично посещал восточные христианские святыни, то игумены Виталий (Батраков) и Пафнутий (Андреев) прислушивались к его мнению относительно

²⁵ Воскресенский скит на Валааме... С. 16.

²⁶ Там же. С. 16–17.

²⁷ Там же. С. 19.

²⁸ Воскресенский скит на Валааме... С. 24–25; Пискунова Н. Указ. соч.

²⁹ Валаамский монастырь. Краткое историческое описание и стихотворение, посвящённое обители. Новое издание Валаамского монастыря. СПб., 1912. С. 30; Воскресенский скит на Валааме... С. 12, 27, 32.

но размещения подобий священных мест на ладожском острове³⁰. В итоге возникают новые наименования, аналогии и ассоциации, «приближающие» находящегося на Валааме человека к палестинским первообразам.

Так как иерусалимский храм Воскресения Христова стоит на горе Сион, то и валаамская Никоновская гора, на которой был возведён Воскресенский скит, стала именоваться Сионом³¹. На Святой Земле при движении от Сионской горы к Елеонской (Масличной) путник пересекал пересохший Кедронский поток и у подножия Елеона оказывался в Гефсимании; данное место связано с двумя событиями Священной истории: здесь Иисус Христос молился перед арестом и крестными страданиями, и здесь же была похоронена Божия Матерь.

Аналогичная «топография» появляется и на Валааме: спуск от Воскресенского скита (с местного «Сиона») ведёт через овраг с протокой, которая соединяет Никоново озеро и Малую Никоновскую бухту, а потому её можно рассматривать как Кедронский ручей. После пересечения ручья слева возникает скалистый массив высотой в несколько десятков метров – возвышенность, которая стала местным «Елеоном» (или «Масличной горой»); в 1912 г. её украсила пятиглавая часовня, поставленная на самой высокой точке гряды и освящённая в честь Вознесения Господня³².

У подножия валаамского Елеона рядом с Малой Никоновской бухтой был создан образ Гефсимании: сначала появилась деревянная часовня (1906 г.), которая потом была расширена и перестроена в церковь, ставшую центром Гефсиманского (Жёлтого) скита. Скитский комплекс дополняли часовня с большой иконой «Моление о чаше» и два келейных корпуса. В Евангелии о Гефсимании говорится как о саде, а потому на Валааме в этой местности были высажены пихтовые аллеи, кусты сирени, роща из дубов, ясеней, клёнов, лип и пр. В данном скиту 17 августа (по старому стилю) совершался особый чин погребения Божией Матери³³.

³⁰ Воскресенский скит на Валааме... С. 12–13, 28, 32; Валаамский монастырь и его подвижники. С. 96, 98, 176; Валаамские праведники: Старое братское кладбище на острове Валаам / сост. В.Ф. Киселькова, В.Г. Горбачева. СПб., 2014. С. 86.

³¹ Воскресенский скит на Валааме ... С. 28; Валаамский монастырь и его подвижники. С. 98; Булах А.Г. Три Валаама моей души. Россия, Северная Америка, Финляндия. СПб., 2015. С. 32;

³² Материалы к истории... 2017. № 4 (20). С. 236; Воскресенский скит на Валааме... С. 28, 30; Левиаш Т.Л. Вознесенская часовня // Она же. Указ. соч. [Электронный ресурс]. URL: <https://valamo.ru/leviash-gethsemen3/> (дата обращения 06.09.2024 г.); Кузнецов Е.П. Указ. соч. С. 72; Валаамский монастырь и его подвижники. С. 98–99, 179–180, 189; Булах А.Г. Указ. соч. С. 32, 51–53; Лисовой Н.Н. Елеонская гора // Православная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/189763.html> (дата обращения 05.09.2024 г.).

³³ Материалы к истории... 2017. № 4 (20). С. 236; Валаамский монастырь. Краткое историческое описание... С. 30; Воскресенский скит на Валааме... С. 30; Исааков В.З. Хозяин Валаама; Левиаш Т.Л. Гефсиманский скит // Она же. [Электронный ресурс]. Указ. соч. URL: <https://valamo.ru/leviash-gethsemen2/> (дата обращения 06.09.2024 г.); Кузнецов Е.П. Указ. соч. С. 72; Валаамский монастырь и его подвижники. С. 98, 179–180; Булах А.Г. Указ. соч. С. 32.

Путь от Гефсимании в сторону Центральной усадьбы по Большой монастырской дороге проходит мимо обширного Никоновского поля, которое получило наименование библейской «Иосафатовой долины»; далее путь лежит мимо канала, через который в начале XX в. на кирпичный завод обители подавалась вода – его прозвали рекой Иордан. Лещевское озеро стало именоваться «Мёртвым морем», а кирпичный завод превратился в «Село скудельниче». Сердцем обители являлся собор Преображения Господня, который расположился на высоком холме, а т. к. Преображение произошло на горе Фавор, то и эта валаамская возвышенность стала именоваться так же³⁴. Таким образом, весь путь от Воскресенского скита до Центральной усадьбы пролегал по местам, напоминавшим путнику о Святой Земле и земной жизни Спасителя³⁵.

К 1913 г. дореволюционный облик Валаама сложился окончательно; последними появляются Гефсиманский скит (1911 г.) и часовня на г. Елеон (1912 г.), которые завершили формирование архитектурно-ландшафтного комплекса «Северного Иерусалима»³⁶. Как отмечает Н. Пискунова, принцип музеификации Валаама, который был заложен ещё во второй половине XVIII в. и стал одним из ключевых при формировании ансамбля обители, в начале XX в. достиг своей кульминации. При этом исследователь подчёркивает, что план средневековых монастырей зачастую воспроизводил «Град Небесный», описанный в Откровении Иоанна Богослова; Валаам в этой связи являл уникальное сочетание образа и Горнего, и земного Иерусалима³⁷.

Следует отметить, что в отечественной дореволюционной прессе отношение к «Северному Иерусалиму» было неоднозначным. Главный аргумент критиков заключался в том, что «нельзя подделать Гроб Господень»³⁸; впрочем, как отмечалось выше, такая цель не ставилась изначально.

Выход Финляндии из состава Советской России в декабре 1917 г. позволил монастырю продлить существование на два десятилетия, которые, однако, стали тяжёлым временем для обители: сократился поток паломников, братия голодала, а с апреля 1918 г. началось размещение на острове финских войск, которые заняли часть монастырских построек (в частности, Гефсиманский скит)³⁹. В 1920–1930-е гг. на Воскресенском скиту иноки организовали школу-приют для мальчиков-сирот, при этом для работы с детьми были привлечены в том числе и женщины. Богослужения в

³⁴ Воскресенский скит на Валааме... С. 31; Валаамский монастырь и его подвижники. С. 98–99; Серафим (Покровский) Указ. соч.; Бусахин С.В. На Валааме // Сердоболь. 2013. Вып. 13–14. С. 78; Калашникова Е., Ткачёва Т., Фёдорова М. Указ. соч. С. 29; Булах А.Г. Указ. соч. С. 32.

³⁵ Валаамский монастырь и его подвижники. С. 98.

³⁶ Пискунова Н. Указ. соч.; Валаамский монастырь и его подвижники. С. 99, 179; Валаамские праведники. С. 88; Булах А.Г. Указ. соч. С. 27, 57–58.

³⁷ Пискунова Н. Указ. соч.

³⁸ Рывкин В.Р. Новый Иерусалим на Валааме // Он же. По Валааму. Петрозаводск, 1990. [Электронный ресурс]. URL: <https://valamo.ru/ryvkin-valaam-voskresenskij-skit/> (дата обращения 06.09.2024 г.).

³⁹ Валаамский монастырь и его подвижники. С. 102, 104–107, 180.

«Красном скиту» совершались регулярно, но в середине 1930-х гг. уже проходили на финском языке, а в валаамской Гефсимании служили лишь один раз в год – на праздник Успения Пресвятой Богородицы⁴⁰.

Этот сложный период в истории монастыря нашёл отражение в двух автобиографических сочинениях. Архимандрит Афанасий (Нечаев) проживал в обители в 1925–1926 гг. и в сочинении «Старый Валаам» касается объектов «Северного Иерусалима». Так, он описывает Гефсиманский скит с резным иконостасом и плащаницей Богородицы, которые были выполнены из палестинского кипариса, упоминает часовню с иконой «Моление о чаше», а также пишет о Воскресенском ските как о «полней копии Палестинского» (данний оборот автора не вполне понятен). Заслугу в создании этих двух скитов Афанасий (Нечаев) ошибочно связывает лишь с фигурой игумена Гавриила (Гаврилова), тогда как тот в 1903 г. был переведён настоятелем в Свято-Троицкий Алатырский монастырь Симбирской епархии, а потому успел лишь заложить храм Воскресения Христова⁴¹. Русский писатель и эмигрант Б. К. Зайцев посетил ладожскую обитель летом 1935 г. и в повести-очеркке «Валаам» упоминает Воскресенский скит, Кувуклию, часовню с иконой-картиной «Моление о чаше»⁴².

С началом советско-финской войны 1939–1940 гг. в истории обители наступил новый этап. На острове базировались финские войска, поэтому в ходе боевых действий Валаам страдал от налётов советской авиации. Центральная усадьба, расположенная на «Фаворе», подвергалась бомбардировке, и, по воспоминаниям очевидцев, пламя пожара порой было сопоставимо с высотой собора. По условиям Московского мирного договора Валаам отошёл СССР, и монастырь ждала та же участь, что и многие другие русские обители в 1920–1930-е гг.: упразднение, осквернение и разграбление. Последние монахи эвакуировались в Финляндию и успели увезти с собой лишь самые главные ценности обители, среди которых были и частицы иерусалимских святынь с Воскресенского скита⁴³.

Уже летом 1940 г. на острове разместилась экспериментальная школа юнг и боцманов Балтийского флота в составе трёх рот, однако через год

⁴⁰ Материалы к истории... 2018. № 1 (21). С. 283, 285–286, 322; *Левиаш Т.Л. Школа мальчиков в Воскресенском скиту // Она же. Указ. соч.* [Электронный ресурс]. URL: <https://valamo.ru/leviash-voskresenskij-skit/> (дата обращения 06.09.2024 г.).

⁴¹ Афанасий (Нечаев) Моя Голгофа // *Она же. Указ. соч; Она же. Иконописная и ризница // Там же; Игумен Гавриил // Валаам. Официальный сайт Валаамского монастыря* [Электронный ресурс]. URL: <https://valaam.ru/starets/5546/?ysclid=lu0tsp4jmw803802658> (дата обращения 05.09.2024 г.).

⁴² Зайцев Б.К. Валаам // Валаам Христовой Руси. С. 749–797; Мальцева Т.В. Валаам в литературе русского зарубежья // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. № 4. С. 209, 211–212.

⁴³ Материалы к истории... 2017. № 4 (20). С. 213, 215, 219, 301–303, 338–339; Материалы к истории... 2018. № 1 (21). С. 406–407, 409–411; Валаамский монастырь и его подвижники. С. 126–132.

грянула Великая Отечественная война⁴⁴. В сентябре 1941 г. советские войска покинули Валаам, при этом многое из того, что оказалось невозможno вывезти, было взорвано или сожжено. За год пребывания флотской школы пещера Гроба Господня была осквернена, в нижнем храме Воскресенского скита было оборудовано жилое помещение, однако при общем беспорядке здесь чудом сохранилось несколько икон. Верхний храм находился в удручающем состоянии: «Царские врата разбиты, иконостас с его редкой резьбой сильно повреждён, мраморные престол и жертвенник разбиты, и куски мрамора разбросаны повсюду. Одним словом – полная мерзость запустения!». По мнению очевидца, эта церковь пострадала сильнее всех остальных храмов обители. Гефсиманский скит также имел некоторые повреждения и сохранил лишь два колокола. Часовня Вознесения Господня на Елеонской горе уцелела, но иконы были изуродованы. На «Фаворе», в нижнем храме Спасо-Преображенского собора, центральный иконостас был уничтожен, настенные росписи покрыты масляной краской, на месте алтаря сооружён помост для представлений, а над входом в храм помещена вывеска клуба⁴⁵.

После ухода советских войск на острове вновь высадились финны. В Воскресенском скиту в 1943 г. разместилась школа младшего командного состава, а Гефсиманский скит был занят под штабные нужды⁴⁶. Руководство обители учитывало сложившиеся реалии, и т. к. на острове находилось много финских солдат-лютеран, им было разрешено отправлять богослужения в Спасо-Преображенском соборе⁴⁷. В годы войны активных боевых действий в этом районе Ладоги не велось, и остров бомбили всего несколько раз⁴⁸.

С октября 1941 по июнь 1944 г. вернувшиеся валаамские монахи пытались возрождать обитель, но после поражения финской армии им пришлось навсегда покинуть остров⁴⁹. Осенью 1944 г. здесь вновь утвердились советское присутствие, а в июле 1945 г. Валаам был передан в ведение Министерства лесной и бумажной промышленности СССР.

На остров начали прибывать люди, которые могли занимать любые сохранившиеся помещения. Здесь появились (сосуществуя или сменяя друг друга) Рыбпромкомбинат, подсобное хозяйство Питкярантского целлюлозно-бумажного комбината, пионерский лагерь, совхоз, Дом-интернат для инвалидов войны, труда и детства Карельской АССР (1950 г.), ясли и детский сад (1949 г.), больница (1950 г.), школа (семилетняя и вечерняя), поч-

⁴⁴ Кузнецов Е.П. Указ. соч. С. 75; Валаамский монастырь и его подвижники. С. 226; Судаков В. Школа боцманов ВМФ // Сердоболь. 2013. Вып. 13–14. С. 5, 10.

⁴⁵ Материалы к истории... 2017. № 4 (20). С. 234–236, 312, 314, 317–318, 322, 327, 331, 347–348, 355–356; Валаамский монастырь и его подвижники. С. 228; Берташ A. Указ. соч. С. 18.

⁴⁶ Валаамский монастырь и его подвижники. С. 228.

⁴⁷ Материалы к истории... 2017. № 4 (20). С. 250.

⁴⁸ Валаамский монастырь и его подвижники. С. 228.

⁴⁹ Материалы к истории... 2017. № 4 (20). С. 252–253, 316–317, 323, 327; Валаамский монастырь и его подвижники. С. 228–234.

та, сберкасса, клуб, мастерские производственного обучения и т. д., что сопровождалось дальнейшим разрушением остатков древней обители⁵⁰.

Местная газета в 1950 г. подчёркивала контраст, который обнаруживался при сравнении «советского» острова с дореволюционным: «Большой известностью пользовался остров Валаам в царской России, но его славе позавидовать нельзя. Валаам был крупным центром духовного порабощения и затемнения трудящихся... По-иному выглядит сейчас остров»⁵¹. Впрочем, промышленное освоение данной территории вскоре было свёрнуто, т. к., как отмечалось в документах, «комплекс о. Валаам ... создан с определённым замыслом создания крупного религиозного центра, отсюда его очень трудно приспособить под другое назначение». Одно из первых предложений по превращению Валаама в заповедник было выдвинуто ещё в 1949 г., но оно осталось без внимания⁵².

Обитатели дома-интерната для инвалидов, численность которых в отдельные периоды доходила до полутора тысяч человек, разместились на Центральной усадьбе (на «Фаворе»), а также на некоторых скитах, в том числе составлявших комплекс «Северного Иерусалима». Сначала на Воскресенском и Гефсиманском скитах поселили слепых, позже на одном из них разместили больных туберкулёзом (о том, какой именно это был скит, воспоминания разнятся). Мужчин и женщин («обеспечиваемых»), которым было суждено стать мирскими насельниками бывшего монашеского острова, запечатлели в своих произведениях прозаик Ю.М. Нагибин (триптих «Богояр»), портретист Г.М. Добров (часть цикла рисунков «Автографы войны», начало которому положено в 1974 г. по совету А.Е. Кибрика), историк и валаамский экскурсовод Е.П. Кузнецов («Валаамская тетрадь») и др.⁵³.

С 1957 г. остров стал открыт для туристов, а в 1967 г. на Воскресенском скиту расположилась турбаза; в нижнем храме, где прежде находилась Кувуклия, обустроили прачечную, росписи и декор были утрачены. Шло варварское уничтожение объектов культурного наследия: отдыхающие увозили с собой мраморные подоконники, печные изразцы и пр. На

⁵⁰ Кузнецов Е.П. Указ. соч. С. 75–76, 103; Валаамский монастырь и его подвижники. С. 237; Рыстов В. Валаамский Рыбпромкомбинат Сортавальского района К-ФССР // Сердоболь. 2013. Вып. 13–14. С. 12–13; Он же. Выбранные места из ведомственной переписки // Там же. С. 16, 18; Он же. Дом инвалидов // Там же. С. 24; Островитяне // Там же. С. 43, 45, 52; Махохей С. Учительница // Там же. С. 57; «Красное Знамя» о Валааме // Там же. С. 104; Берташ А. Указ. соч. С. 19; Мельникова Е.А. Указ. соч. С. 49.

⁵¹ Цит. по: «Красное Знамя» о Валааме // Сердоболь. 2013. Вып. 13–14. С. 104.

⁵² Рыстов В. Выбранные места из ведомственной переписки // Сердоболь. 2013. Вып. 13–14. С. 19.

⁵³ «Автографы войны» Геннадия Доброва. Как рождались портреты инвалидов на Валааме // Valamo.ru. Валаам. Виртуальная экскурсия [Электронный ресурс]. URL: <https://valamo.ru/dobrov-invalidy-na-valaame-1/?ysclid=ltzch35v4u987198881> (дата обращения 06.09.2024 г.); Нагибин Ю.М. Бунтарский остров: Повести и рассказы. М., 1994. С. 7–180; Кузнецов Е.П. Указ. соч. С. 76–81; Рыстов В. Дом инвалидов // Сердоболь. 2013. Вып. 13–14. С. 22, 25; Островитяне // Там же. С. 44, 53; Махохей С. Учительница // Там же. С. 59; Добров Г.М. Визитёр // Там же. С. 92, 94, 101.

Гефсиманском скиту в келейных корпусах проживал обслуживающий персонал турбазы, а в Успенской церкви сначала расположились экскурсоводы-инструкторы Ленинградского бюро путешествий, затем, после их перевода в чердачные помещения Воскресенского скита, – туристы⁵⁴. В 1970-е гг. Спасо-Преображенский собор выполнял функцию мясного склада: в нём на крюках были развешаны туши животных, и храм открывали только для того, чтобы нарубить мясо на обед обитателям интерната⁵⁵.

Параллельно начинают предприниматься попытки музеефикации обители и осуществляются шаги по сохранению её культурного достояния; отчасти эта деятельность затронула и объекты «Северного Иерусалима». В 1965 г. на острове был устроен природный заказник, в 1971 г. часть монастырских построек была включена в список памятников истории и культуры Карельской АССР. В газетах появлялось большое количество публикаций, посвящённых удручающему состоянию объектов природы и архитектуры на Валааме, и в 1979 г. (по другим данным – в 1980 г.) на острове был открыт филиал Карельского государственного краеведческого музея. В начале 1980-х гг. филиал был преобразован в самостоятельный историко-архитектурный и природный музей-заповедник; в церкви Гефсиманского скита разместился выставочный зал, а уже в 1982 г. там состоялась выставка первых музейных поступлений⁵⁶.

Монастырские строения были взяты под государственную охрану, а с 1982 г. на острове начались реставрационно-восстановительные работы, которые затронули и объекты «Нового Иерусалима». Так, на Воскресенском ските был проведён капитальный ремонт келейно-трапезного корпуса, отреставрированы фасады храма, заменена крыша, купола покрыты медью, маковки и кресты – позолочены, ликвидированы поздние перестройки в интерьерах. Успенская церковь Гефсиманского скита была покрашена, главы и кресты – восстановлены, отреставрированы кровля и крыльца, внутри храма были убраны перегородки и выполнены отделочные работы, на колокольне появились музейные колокола, а скитская часовня была приведена в порядок. Обновление коснулось и Вознесенской часовни на г. Елеон: были отреставрированы сруб и главки, окрашены фасады, позолочены кресты и подкрестные шары, воссоздано крыльцо⁵⁷.

⁵⁴ Исаков В.З. Никольский скит // *Он же*. Прогулки по Валааму. [Электронный ресурс]. URL: <https://valamo.ru/isakov-valaam-nikolskij-skit/> (дата обращения 06.09.2024 г.); Рыжкин В.Р. Архитектурно-ландшафтный ансамбль Воскресенского скита // *Он же*. По Валааму. URL: <https://valamo.ru/ryzhkin-valaam-voskresenskij-skit/> (дата обращения 06.09.2024 г.); Светозарский А. Указ. соч.; Кузнецов Е.П. Указ. соч. С. 7, 79, 87, 96, 98; Валаамский монастырь и его подвижники. С. 179, 238; Булах А.Г. Указ. соч. С. 4.

⁵⁵ Добров Г.М. Визитёр // Сердоболь. 2013. Вып. 13–14. С. 96.

⁵⁶ Рыжкин В.Р. Валаам. С. 78–79; Кузнецов Е.П. Указ. соч. С. 105–106; Валаамский монастырь и его подвижники. С. 239–240; Печёрина Л. Музей-заповедник // Сердоболь. 2013. Вып. 13–14. С. 30, 37–38.

⁵⁷ Левиаш Т.Л. Вознесенская часовня; Кузнецов Е.П. Указ. соч. С. 106, 120–121; Печёрина Л. Музей-заповедник // Сердоболь. 2013. Вып. 13–14. С. 33, 35, 40; Перечень ряда объектов, на которых производились реставрационные работы в период нахож-

К началу 1980-х гг. Валаам стал активно посещаемым местом: в летний период теплоходы ежедневно доставляли от 1000 до 2000 человек, за сезон остров принимал около 100 тысяч человек; численность штата экскурсоводов достигала полусотни специалистов, большая часть которых приезжала из Ленинграда. Воскресенский скит являлся самой оживлённой точкой архипелага, т. к. именно сюда прибывали корабли. Следствием недостатков в организации работы с туристами и их избыточного числа стало то, что в окрестностях «Красного скита» и на Елеонской горе обширные участки почвы оказались полностью вытоптаны (отсутствовала даже трава). В 1983 г. турбаза на территории Воскресенского скита была закрыта, в освободившихся помещениях разместились экскурсоводы и отдел научной пропаганды музея, в храме началось создание экспозиции⁵⁸. Впрочем, наследие Валаамского монастыря и объекты «Нового Иерусалима» использовались в духе советской эпохи: от экскурсоводов требовали включения в экскурсии элементов антирелигиозной пропаганды и запрещали выражать симпатии Церкви⁵⁹.

В советский период предлагались различные варианты туристического освоения Валаама, и в 1982–1985 (1987) гг. был разработан генеральный план Валаамского государственного историко-культурного и природного музея-заповедника. В частности, от «Красного скита» к Центральной усадьбе предлагалось проложить канатную дорогу, а в Спасо-Преображенском соборе разместить музей восковых фигур, концертный зал и зал колокольного звона. Ряд аспектов проекта подвергся критике со стороны сотрудников валаамского музея, в конечном счёте он остался только на бумаге⁶⁰.

С 1988 г. на остров начали прибывать группы иностранных туристов и официальные церковные делегации, а чуть позже начинается подлинное восстановление обитали и её объектов-подражаний Святой Земле⁶¹. 18 сентября 1989 г. Совет министров Карелии передал в пользование Ленинградской епархии часть комплекса монастырских построек: Церковь получила

дения на Валааме государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника // Там же. С. 41.

⁵⁸ Исаков В.З. Жёлтый скит // Он же. Прогулки по Валааму. [Электронный ресурс]. URL: <https://valamo.ru/isakov-valaam-zhelyoj-skit/> (дата обращения 06.09.2024 г.); Он же. Красный скит // Там же. [Электронный ресурс]. URL: <https://valamo.ru/isakov-valaam-krasnyj-skit/> (дата обращения 06.09.2024 г.); Он же. Судьба валаамских лесов // Там же. [Электронный ресурс]. URL: <https://valamo.ru/isakov-valaam-sudba-valaamskih-lesov/> (дата обращения 06.09.2024 г.); Он же. Валаам ждёт // Там же. [Электронный ресурс]. URL: <https://valamo.ru/isakov-valaam-zhdet/> (дата обращения 06.09.2024 г.); Кузнецов Е.П. Указ. соч. С. 128; Печёрина Л. Музей-заповедник // Сердоболь. 2013. Вып. 13–14. С. 35; Бусахин С.В. На Валааме // Там же. С. 73, 79; Он же. Местность Куокко // Там же. С. 86.

⁵⁹ Бусахин С.В. На Валааме // Сердоболь. 2013. Вып. 13–14. С. 74.

⁶⁰ Махохей С. Учительница // Сердоболь. 2013. Вып. 13–14. С. 59; Генплан 1982–1987 гг. // Там же. С. 109–111.

⁶¹ Кузнецов Е.П. Указ. соч. С. 107–110.

собор, некоторые келейные корпуса и все сохранившиеся скиты, за исключением тех, что входили в «Валаамскую Палестину». С 14 декабря 1989 г., когда на остров прибыли первые шесть насельников, началось возрождение Валаамской обители. В 1990–1992 гг. были приняты решения о передаче монастырю всех земельных угодий, церковных и административно-хозяйственных построек, а в 1992 г. был закрыт музей-заповедник⁶². Возвращаемые объекты находились в плачевном состоянии: ни в одном храме невозможно было совершать службу, келейные корпуса нуждались в капитальном ремонте, некоторые из них лежали в руинах⁶³. В то же время требовалось решить вопрос с местными жителями. Ещё в 1984 г. Дом-интернат престарелых и инвалидов был переведён в город Видлица, после чего в посёлке осталось около 500 человек. В конце 1990-х гг. заработала программа по переселению жителей острова на «материк»⁶⁴.

В 2002 г. был создан Патриарший попечительский совет по восстановлению Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, после чего объекты «Нового Иерусалима» стали преображаться⁶⁵. Ещё в 1998 г. было совершено малое освящение Успенского храма Гефсиманского скита, в 2000-е гг. в скиту прошли реставрационные работы, а в 2007 г. состоялось великое освящение данной церкви⁶⁶. В верхнем храме Воскресенского скита к началу 2000-х гг. стали совершаться молебны, в 2005 г. состоялось малое освящение нижнего храма, а к 2008 г. реставрационные работы на скиту в целом были завершены⁶⁷. В 2009–2010 гг. была отреставрирована часовня Вознесения Господня на г. Елеон, при этом был воссоздан её иконостас⁶⁸.

Таким образом, сегодня в Спасо-Преображенском монастыре восстановлены все места и объекты, которые роднят Валаам и Святую Землю, и остров по-прежнему хранит топографию христианской Палестины, которая сложилась ещё в досоветскую эпоху⁶⁹. Сегодня, как и в начале XX в., посещение «Северного Иерусалима» даёт возможность увидеть зримое подобие мировых христианских святынь: перенестись в храм Гроба Господня, оказаться на горах Сион и Елеон, побывать в Гефсиманском саду. Это особое свойство делает Валаам не только уникальным архитектурным комплексом, крупным центром паломничества и международного туризма, но и важным связующим звеном между Россией и Святой Землёй.

⁶² Валаам Христовой Руси. С. 662; Валаамский монастырь и его подвижники. С. 242; Пути Святой Горы. От Афона до Валаама. С. 59.

⁶³ Кузнецов Е.П. Указ. соч. С. 121–122; Мельникова Е.А. Указ. соч. С. 55.

⁶⁴ Кузнецов Е.П. Указ. соч. С. 106; Рыстов В. Дом инвалидов // Сердоболь. 2013. Вып. 13–14. С. 26, 28; Бусахин С.В. На Валааме // Там же. С. 73; Мельникова Е.А. Указ. соч. С. 55.

⁶⁵ Валаамский монастырь и его подвижники. С. 248.

⁶⁶ Там же. С. 258.

⁶⁷ Кузнецов Е. П. Указ. соч. С. 122; Валаамский монастырь и его подвижники. С. 258.

⁶⁸ Валаамский монастырь и его подвижники. С. 252.

⁶⁹ Там же. С. 177; Берташ А. Указ. соч. С. 19.

Список литературы:

1. *Берташ А., иер.* Спасо-Преображенский Валаамский ставропигиальный мужской монастырь // Монастырский вестник. 2014. № 12 (декабрь). С. 14–19.
2. *Булах А.Г.* Три Валаама моей души. Россия, Северная Америка, Финляндия. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2015.
3. *Исаков В.З.* Прогулки по Валааму. М.: Советская Россия, 1984. [Электронный ресурс]. URL: <https://valamo.ru/isakov-xozyain-valaama/> (дата обращения 05.09.2024 г.).
4. *Калашникова Е., Ткачёва Т., Фёдорова М.* Обитель русской души // Монастырский вестник. 2014. № 12 (декабрь). С. 26–39.
5. *Кузнецов Е.П.* Валаамская тетрадь. СПб.: Росток, 2003.
6. *Левиаш Т.Л.* Государственный историко-архитектурный и природный заповедник Валаам. Петрозаводск: Карелия, 1989. [Электронный ресурс]. URL: <https://valamo.ru/leviash/> (дата обращения 05.09.2024 г.).
7. *Мальцева Т.В.* Валаам в литературе русского зарубежья // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. № 4. С. 208–215.
8. *Мельникова Е.А.* Разломы валаамской памяти: мемориальное сообщество Валаама в поисках утраченного острова // Этнографическое обозрение. 2023. № 1. С. 45–66.
9. *Пискунова Н.* Образы святой земли. Валаамский монастырь как образ земного и Небесного Иерусалима // София. 2003. № 4. С. 17–24.
10. *Рывкин В.Р.* Валаам. Архитектурно-природные ансамбли Валаамского архипелага. Петрозаводск: Карелия, 1981.
11. *Рывкин В.Р.* По Валааму. Петрозаводск: Карелия, 1990. [Электронный ресурс]. URL: <https://valamo.ru/lib/tyvkin/> (дата обращения 05.09.2024 г.).
12. *Светозарский А.* Предисловие // Исиахазм [Электронный ресурс]. URL: https://www.hesychasm.ru/library/athon/north_athon.htm (дата обращения 04.09.2024 г.).

Об авторе:

БЕГОВАТОВ Дмитрий Александрович – кандидат исторических наук, доцент, кафедра отечественной истории, исторический факультет, Тверской государственный университет, (170100, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31), e-mail: begovatov1986@mail.ru

IMITATION OF THE HOLY LAND OBJECTS IN THE VALAAM HOLY TRANSFIGURATION MONASTERY: HISTORY AND MODERNITY

D.A. Begovatov

Tver State University, Tver, Russia

The article examines the history of the creation of imitation objects and topography of Christian Palestine in the Valaam Transfiguration Monastery, as well as the fate of this complex in the 20th – early 21st centuries. The study is based on the context of the history of relations between Russia and Finland, with published interviews, memoirs, office documents, journalistic works and scientific literature. An analysis of documents from foreign archives recently introduced into scientific circulation made it possible to clarify the details of the history of the «Palestinian» objects of Valaam in the 1930s – early 1940s, and the study of oral history and memoir sources provided important information regarding the 1950s–1980s. A conclusion is made about the importance of the Valaam «Northern Jerusalem» for maintaining Russia's spiritual ties with the Holy Land.

Keywords: Valaam, Valaam Transfiguration Monastery, Holy Land, Jerusalem, Palestine, Holy Sepulchre, Northern Jerusalem, imitation.

About the author:

BEGOVATOV Dmitry Aleksandrovich – the Candidate of History, the Docent, the Department of Russian History, the Faculty of History, Tver State University, (170100, Tver, Trekhsvyatskaya street, 16/31), e-mail: begovatov1986@mail.ru

References:

- Bertash A., *Spaso-Preobrazhenskii Valaamskii stavropigial'nyi muzhskoi monastyr'*, Monastyrskii vestnik, 2014, № 12 (dekabr'), S. 14–19.
- Bulakh A. G., *Tri Valaama moei dushi. Rossiya, Severnaya Amerika, Finlyandiya*, SPb., S.-Peterb. gos. un-t, 2015.
- Valaam Khristovoi Rusi*, M., Khrizostom, 2000.
- Valaamskie pravedniki: Staroe bratskoe kladbishche na ostrove Valaam*, sost. V. F. Kisel'kova, V. G. Gorbacheva, SPb., Nestor-Istoriya, 2014.
- Valaamskii monastyr' i ego podvizhniki*, SPb., Spaso-Preobrazhenskii Valaamskii monastyr', 2011.
- Isakov V. Z., *Progulki po Valaamu*, M., Sovetskaya Rossiya, 1984. URL: <https://valamo.ru/isakov-xozyain-valaama/>.
- Kalashnikova E., Tkacheva T., Fedorova M., *Obitel' russkoi dushi*, Monastyrskii vestnik, 2014, № 12 (dekabr'), S. 26–39.
- Kuznetsov E. P., *Valaamskaya tetrad'*, SPb., Rostok, 2003.
- Leviash T. L., *Gosudarstvennyi istoriko-arkhitekturnyi i prirodnyi zapovednik Valaam*, Petrozavodsk, Kareliya, 1989. URL: <https://valamo.ru/leviash/>.

- Mal'tseva T. V., *Valaam v literature russkogo zarubezh'ya*, Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina, 2012, № 4, S. 208–215.
- Mel'nikova E. A., *Razlomy valaamskoi pamyati: memorial'noe soobshchestvo Valaama v poiskakh utrachennogo ostrova*, Etnograficheskoe obozrenie, 2023, № 1, S. 45–66.
- Piskunova N., *Obrazy svyatoi zemli. Valaamskii monastyr' kak obraz zemnogo i Nebesnogo Ierusalima*, Sofiya, 2003, № 4, S. 17–24. URL: <https://rosvos.net/christian-culture/12/hram-zod/valaam/?ysclid=lmmhqzawtg583001149>.
- Ryvkin V. R., *Valaam. Arkhitekturno-prirodnye ansamblи Valaamskogo arkhipelaga*. Petrozavodsk, Kareliya, 1981.
- Ryvkin V. R., *Po Valaamu*, Petrozavodsk, Kareliya, 1990. URL: <https://valamo.ru/lib/ryvkin/>.
- Svetozarskii A., *Predislovie*, Isikhazm [Elektronnyi resurs]. URL: https://www.hesychasm.ru/library/athon/north_athon.htm.
- Svyataya Gora Afon. Karulya. Zhizneopisanie skhimonakha Innokentiya (Sibiryakova)*, sost. T. Nikitina, M., Pravoslavnoe bratstvo imeni Innokentiya (Sibiryakova) Afonskogo, 2015.

Статья поступила в редакцию 19.07.2024 г.

Подписана в печать 24.09.2024 г

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(470.331)+929Башкиров
DOI 10.26456/vthistory/2024.3.036–054

А.С. БАШКИРОВ В КАЛИНИНСКОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ Е.Н. Жукова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия

В статье рассматривается этап творческой биографии профессора, заведующего кафедрой всеобщей истории А.С. Башкирова, связанный с деятельностью в Калининском пединституте. А.С. Башкиров (1885–1963) – археолог, в 20-е – начале 30-х гг. профессор МГУ, в 1935 г. был репрессирован и выслан в Казахстан. В 1937 г. он переехал в Калинин и с 1938 г. начал преподавать в пединституте. А.С. Башкиров вел занятия по истории Древнего мира, организовывал экспедиционные исследования памятников античности (городище Патрей на Таманском полуострове), руководил работой аспирантов. В 1948–49 гг. в рамках политической кампании по борьбе с космополитизмом А.С. Башкиров был снят с должности заведующего кафедрой всеобщей истории, были подвергнуты критике его исследования по антисейсмизму древней архитектуры.

Ключевые слова: историография археологии, кафедра всеобщей истории КГПИ, борьба с космополитизмом, В.С. Тарасенко, А.Н. Вершинский.

Алексей Степанович Башкиров (1885–1963) – археолог, доктор исторических наук, профессор, творческая биография которого приходится на 20–60-е гг. XX в. Круг его научных интересов, география исследований и учреждения, где он работал, достаточно обширны. Однако в первую очередь его можно определить как археолога-антиковеда и профессора Московского госуниверситета. Обстоятельства его жизни сложились таким образом, что с 1938-го по 1948 г. он был профессором, заведующим кафедрой всеобщей истории Калининского государственного педагогического института (КГПИ) им. М.И. Калинина.

Первая публикация, посвящённая биографии А.С. Башкирова, была подготовлена коллегой Алексея Степановича, сотрудникой ГИМа Н.В. Пятышевой в 1963 г.¹, однако активный интерес к научной биографии А.С. Башкирова в историографии отечественной археологии сформировался около двадцати лет назад, в начале XXI в., и был обусловлен интересом

¹ Пятышева Н. А.С. Башкиров // Советская археология. 1963. № 3. С. 316–317.

к политическим процессам 1930-х гг., затрагивавшим деятельность отечественных историков и археологов. В частности, дело трёх профессоров 1935 г., в результате которого были репрессированы А.С. Башкиров, И.Н. Бороздин и А.А. Захаров². Несмотря на то, что в 1955 г. прошла реабилитация по этому процессу, роль каждого из его участников оставалась дискуссионной и для участников событий, и в публикациях современных исследователей³. В этой связи появляются работы, посвящённые анализу научных исследований А.С. Башкирова в Крыму и на Тамани⁴, в Среднем Поволжье⁵, на Северном Кавказе⁶, а также статьи, которые в целом посвящены личности А.С. Башкирова⁷.

Архивные материалы личной и творческой биографии А.С. Башкирова оказались рассредоточены по нескольким архивам. Наиболее объёмное со-

² Ватлин А.Ю., Канторович А.Р. Из истории отечественной археологической науки (несостоявшийся судебный процесс 1935 г.) // Российская археология (далее – РА). 2001. № 3. С. 123–131.

³ Бороздина П.А. Жизнь исудьба профессора Ильи Николаевича Бороздина. Воронеж, 2000; Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М., 2006.

⁴ Непомнящий А.А. Алексей Башкиров: поступь ученого в развивающемся крымоведении первой трети XX столетия // Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию рождения Б.Г. Могильницкого). Томск, 2019. Ч. I. С. 160–166; Он же Алексей Башкиров в крымоведческих коммуникациях первой трети XX столетия // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Том 4 (70). № 4. 2018. С. 40–83; Паромов Я.М. История археологических исследований на Таманском полуострове. Часть 2 (1918–1991 гг.) // Боспорские исследования. 2020. № 40. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-arheologicheskikh-issledovaniy-na-tamanskom-poluostrove-chast-2-1918-1991-gg> (дата обращения: 12.03.2024).

⁵ Кузьминых С.В., Белозерова И.В. А.С. Башкиров и археология Волжской Булгарии // Археология Евразийских степей. 2017. № 1. С. 196–219; Сташенков Д.А. Новые документы о начале научно-педагогической деятельности А.С. Башкирова // Археология Евразийских степей. 2021. № 5. С. 153–156; Глазистова Н.И. К характеристике коллекций из раскопок А.С. Башкирова на Барбашинском могильнике в 1921 г. в фондах СОИКМ им. П.В. Алабина // Археология Евразийских степей. 2023. № 1. С. 328–338; Маркелов А.Ю. Портреты историков античного мира первого Самарского университета (1918–1922 гг.): И.А. Лепиус, А.С. Башкиров, П.Ф. Преображенский // Самарский край в истории России. Вып. 5. Самара, 2015. С. 238–241.

⁶ Маммаев М.М. Вклад профессора А.С. Башкирова (1885–1963) в изучение памятников средневекового искусства Дагестана // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. № 3. С. 759–775; Лысенко Ю.М. Деятельность археологических экспедиций в Дагестане. 1920–1930-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 3 (29): в 2-х ч. Ч. II. С. 141–143.

⁷ Кузьминых С.В., Белозерова И.В. Жизненный путь и научное наследие профессора А.С. Башкирова // МИРАС – НАСЛЕДИЕ. Том 1. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах, 2016. С. 86–112; Винокуров Н.И. Профессор А.С. Башкиров – археолог, историк, преподаватель (штрихи биографии) // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 92–118.

брание документов находится в Отделе письменных источников Государственного исторического музея. С середины 1920-х до середины 1930-х гг. А.С. Башкиров был сотрудником ГИМа. В 2013 г. научный архив учёного поступил в Отдел письменных источников (Ф. 598). В нём содержатся 315 единиц хранения за 1823–1962 гг. По всей вероятности, в ОПИ ГИМ поступил не весь архив учёного, так как в нём практически отсутствуют или содержатся в небольшом количестве многие документы: личные, служебные, биографические, семейные. Частично сохранились документы научно-исследовательской и педагогической деятельности. Наибольшая часть архива – это материалы археологических и историко-этнографических экспедиций, проведённых им на протяжении 1920–1960-х гг. в Крыму, на Северном Кавказе, в Закавказье, Поволжье и Средней Азии⁸.

Материалы по творческой биографии учёного содержатся также в Государственном архиве Ярославской области (Ф. Р-2257). А.С. Башкиров преподавал в Ярославском государственном педагогическом институте им. К.Д. Ушинского с 1945 по 1962 г. Фонд содержит планы, отчёты и протоколы кафедры всеобщей истории, заведующим которой с перерывами был А.С. Башкиров⁹.

Кроме того документы по биографии А.С. Башкирова хранятся в Архиве РАН¹⁰ и Государственном архиве РФ¹¹. Представленная статья, посвящённая творческой и личной биографии А.С. Башкирова в период его деятельности, связанной с Калининским пединститутом, основывается на документах, находящихся в Государственном архиве Тверской области¹².

Алексей Степанович Башкиров родился в 1885 г. в семье выходцев из крестьян в с. Кукум Казанской губернии. Семья в конце 80-х гг. XIX в. переехала в Санкт-Петербург. По всей вероятности, отец умер в голодном 1891 г. (в анкетных данных, заполненных А.С. Башкировым, причина смерти обозначена – «г/м»¹³), а мать служила в ведомстве Министерства государственного призрения¹⁴. Можно только предполагать, что семья жила в стеснённых жизненных обстоятельствах, поскольку первую попытку учёбы в университете А.С. Башкиров предпринял только в 1907 г. – в 22 года. Он поступил в Императорский Юрьевский университет (до 1893 г. –

⁸ Белозерова И.В. Обзор научного архивного фонда археолога А.С. Башкирова из отдела письменных источников Государственного исторического музея // МИРАС – НАСЛЕДИЕ. Том 1. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах, 2016. С. 545.

⁹ Данилов Е.С. Алексей Степанович Башкиров в Ярославле // РА. 2019. № 1. 177–186.

¹⁰ Архив Российской Академии наук. Ф. 478. Оп. 1а. Д. 2 (Личное дело Башкирова Алексея Степановича. Действительный член Государственной Академии Искусствознания) 1923–1931.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-2307. Оп. 22. Д. 64.

¹² Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. Р-1213. Оп. 57. Д. 30.

¹³ Там же. Л. 1.

¹⁴ Кузьминых С.В., Белозерова И.В. Жизненный путь... С. 86.

Дерптский)¹⁵ на историко-филологический факультет. Однако полный курс исторического образования А.С. Башкиров получил на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета с 1908 по 1913 г. Уже с 1910 г. студент Башкиров принимал активное участие в археологических исследованиях Херсонеса (под руководством директора Херсонесского музея Р.Х. Лепера) и с 1911 г. Ольвии (под руководством Б.В. Фармаковского). Для реализации полноценной подготовки по направлению археологического антиковедения в 1910 г. он поступил в Археологический институт, а через год – на архитектурные классы Академии художеств. «Аттестат Императорский С.И.В. Археологический Институт. Удостоверяет, что Алексей Степанович Башкиров, поступив в 1910 году в число слушателей императорского Археологического Института, выслушал курс наук: первобытную и христианскую археологию, юридические древности, славяно-русскую палеографию, историческую географию и этнографию России, нумизматику, дипломатику, архивоведение и археографию и по испытании в названных науках признан достойным звания действительного члена Императорского Археологического Института, в удостоверение чего дан этот аттестат за надлежащими подписями и с приложением печати института»¹⁶.

С 1914 по 1916 г. А.С. Башкиров состоял научным сотрудником и прикомандированным для подготовки к профессорскому званию при Русском археологическом институте в Константинополе. В 1917 и 1918 гг. он был оставлен при Петроградском университете для подготовки и сдачи магистерских экзаменов¹⁷.

Свою педагогическую деятельность А.С. Башкиров начал в 1913 г. – в течение года преподавал латынь в одной из гимназий Санкт-Петербурга. В 1915 г. во время ознакомительной учебной поездки по Европе в письме Ф.И. Успенскому, директору Археологического института в Константинополе, Алексей Степанович рассуждает: «Через шесть-семь месяцев моя командировка окончится, и я останусь в неопределенном для меня положении, так как совершенно не знаю, к чему мне пристать и где буду служить. Хочется продолжать мое прямое дело, к которому готовлюсь, но не ясно и учреждение, которое бы мне содействовало в моих занятиях, которому бы я был полезен и которое бы мне давало бы средства для существования. Пока у меня одна и далеко неопределенная мысль: приехать в Петроград или Одессу и просить Вас и Вашего согласия для дальнейших занятий. Я бы хотел просить Вас походатайствовать перед Министерством о продлении моей командировки еще на год, но положение командированного весьма неопределено, да и годы идут за годами. Не хочется ехать в Петроград снова браться за

¹⁵ ГАТО. Ф. Р-1213.Оп. 57. Д. 30. Л. 12.

¹⁶ Там же. Л. 8.

¹⁷ Там же. Л. 6.

гимназические уроки. После командировки мне нужна спокойная работа, нужны книги, библиотеки, но для этого нужны средства»¹⁸.

По всей вероятности, магистерские экзамены Башкиров так и не сдал, жить в Петрограде после революции было сложно, и Алексей Степанович начал поиски места преподавателя в одном из региональных вузов, тем более что события революции 1917 г. способствовали расширению сети губернских высших учебных заведений. Он посыпает запросы в Пермь, Саратов и Самару.

«14 июня 1918 г. № 147. Имею честь уведомить Вас, что историко-филологический факультет в заседании 10 июня с. г. на основании представления профессора П.Л. Багаевского и письменного отзыва доцента Петроградского Университета Б.В. Фармаковского избрал Вас на должность старшего ассистента по кафедре теории и истории искусства. Сообщая об этом, имею честь просить Вас прибыть к началу учебного года в г. Пермь для вступления в круг обязанностей по означенной должности»¹⁹.

«Настоящим удостоверяется, что предъявитель сего, Алексей Степанович Башкиров, состоит доцентом Самарского государственного университета и должен явиться к месту службы в г. Самару. 18/I–1919»²⁰.

«15 октября 1919 г. Преподавателю А.С. Башкирову. Милостивый государь. Считаю долгом сообщить Вам, что в заседании Историко-филологического факультета Саратовского Университета 11 октября с. г. Вы избраны преподавателем (доцентом) по кафедре теории и истории искусства. Вследствие того, что занятия в Университете уже начались, я покорнейше просил бы Вас прибыть в Саратов в возможно скором времени. Примите уверение в совершенном почтении и уважении. Декан историко-филологического факультета»²¹.

Основным местом работы сам А.С. Башкиров с 1919 по 1922 г. определяет Самарский университет и пединститут. Однако известно, что в 1918–1919 гг. он преподавал и в Саратовском университете²². В 1922 г. по инициативе В.А. Городцова А.С. Башкиров переехал в Москву и до начала 30-х гг. преподавал в МГУ. В целом 20-е гг. были самыми плодотворными и насыщенными в творческой биографии А.С. Башкирова. В анкетных данных, представленных для Калининского пединститута, А.С. Башкиров пишет: «С 1922 г. работал в Москве:

1. Доцент и профессор I-го Московского Госуд. Университета,
2. Профессор II Московского Госуд. Университета,

¹⁸ Цит.: по: *Непомнящий А.А.* Алексей Башкиров в крымоведческих коммуникациях... С. 43.

¹⁹ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 57. Д. 30. Л. 18.

²⁰ Там же. Л. 19.

²¹ Там же. Л. 21.

²² Малов Н.М. Советская археология в Саратовском государственном университете (1918–1940): организационное становление, развитие и репрессии // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2006. С. 4–28. С. 14; *Непомнящий А.А.* Алексей Башкиров в крымоведческих... С. 44.

3. Действительный член Института Археологии и Искусствознания РАНИОН,
4. Действительный член Института народов Востока,
5. Действительный член Государственного Исторического Музея,
6. Действительный член Московской секции ГАИМК,
7. Действительный член Института Художественной Промышленности,
8. Член консультант ГУСа по археологии, искусству и этнографии,
9. Член разных комиссий по музеиным, археологическим делам Главмузея, Музейного отдела, Главнауки, Главискусства и др. учреждений Наркомпроса и археологических съездов центральных и краеведческих,
10. Работал в комиссиях Государственных Реставрационных мастерских, Государственной Академии Художественных наук,
11. Состоял консультантом ГИПРОГОРа по проектированию Керчи, Сухума, Чарджуя, Дербента и др.
12. Состоял научным сотрудником Академии Архитектуры СССР,
13. Состоял заведующим отделом Переднего Востока Государственного Музея Восточных культур»²³.

В 20-е гг. XX в. становится актуальным изучение отдельных регионов советского государства во всех аспектах: историко-культурном, национально-географическом, социально-демографическом и хозяйственно-экономическом. А.С. Башкиров стремится принять участие во всех доступных формах научной деятельности, поэтому и география, и тематика его работ многообразны. В автобиографии, написанной в 1945 г., Алексей Степанович составил перечень регионов, в которых проводил исследования: «В течение 30-ти лет историко-архитектурно-археологические работы проводились в центральной европейской части СССР, в Крыму, на Таманском полуострове, на Кавказе (Абхазия, Дагестан, Чечня, Грузия и др.), в Средней Азии (Узб. ССР, Туркм. ССР, Тадж. ССР, Казахск. ССР), в Поволжье (Калининской, Ярославской, Ивановской, Куйбышевской, Саратовской области, Тат. АССР) и особенно на территории древних крупных городов в экспедиционном исследовании (до 20-ти экспедиций)»²⁴. Отчасти это вызывало непонимание его коллег. Классический вариант научно-исследовательской деятельности предполагает сосредоточение в определённом проблемно-территориальном направлении. Показателен сюжет в письме А.С. Башкирова к своему учителю – антиковеду Б.В. Фармаковскому (12 июня 1925 г.): «Как было бы хорошо, если бы Вы нашли возможным и в наступающее лето посетить мою работу, хотя бы и для того, чтобы у Вас рассеялось недоумение к моей работе по изучению памятников средневекового Востока»²⁵.

²³ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 57. Д. 30. Л. 6 об.

²⁴ Там же. Л. 6 об.–7.

²⁵ Цит. по: Непомнящий А.А. Алексей Башкиров в крымоведческих коммуникациях... С. 51.

Однако конец 20-х – начало 30-х гг. характеризуется внедрением в методологию исторической науки марксизма. В этой связи регионалистика не очень хорошо вписывалась в структурированные схемы формационного подхода, и сворачивание исследований локального характера оказало влияние как на организационное оформление исторических исследований, так и на судьбу наиболее ярких представителей науки.

В 1935 г. А.С. Башкиров, И.Н. Бороздин и А.А. Захаров были арестованы и обвинены в контрреволюционной деятельности и пропаганде националистических идей. В результате следствия и судебных действий все трое были высланы на три года в Казахстан.

К 1935 г., к моменту ареста, А.С. Башкиров, по сведениям анкеты, заполненной им в 1944 г., состоял действительным членом НИИ художественной промышленности, научным сотрудником Академии Архитектуры СССР и архитектором-консультантом Гипрогора. По всей видимости, археолого-архитектурные и историко-искусствоведческие исследования, в которых принимал участие А.С. Башкиров, сформировали в начале 30-х гг. ещё одно направление его деятельности: участие в реконструкции и перепланировке городов Советского Союза в рамках планов индустриализации и масштабной урбанизации. Государственный институт проектирования городов (Гипрогор) был создан в 1929–1930 гг. и находился в ведении в том числе и НКВД. Роль А.С. Башкирова в этой системе сводилась, скорее всего, к формированию исторического контекста этих преобразований. Например, в журнале «Архитектура СССР» за несколько месяцев до ареста была опубликован обзорный исторический очерк об использовании майолики в архитектуре от эпохи Древнего Египта до европейского позднего средневековья²⁶. В автобиографии Алексей Степанович указывал на своё участие в реконструкции «... Керчи, Сухума, Чарджуя, Дербента и др.»²⁷. В частности, план реконструкции Сухуми разрабатывался в 1937–38 гг.²⁸, в тот момент, когда А.С. Башкиров был сослан в Казахстан. Это лишний раз подтверждает высказанное А.А. Непомнящим утверждение, что ссылка в качестве наказания не ограничивала перемещение по стране. В 1935–1940 гг. в составе Таманской экспедиции А.С. Башкиров занимался раскопками в Керчи в качестве рядового члена экспедиции под руководством В.Д. Блаватского и В.Ф. Гайдукевича²⁹, своих недавних учеников.

²⁶ Башкиров А.С. Майолика в архитектуре: Исторический очерк // Архитектура СССР. 1934. № 9. С. 56–62. Библиотека ЦНТБ СиА (cntb-sa.ru). [Электронный ресурс]: <https://lib.cntb-sa.ru/node/768?fragment=page-205> (дата обращения 12.03.24).

²⁷ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 57. Д. 30. Л. 6 об.

²⁸ Асатиани Н. Градостроительство советской Грузии 30-х годов // ARS GEORGICA. 1987. [Электронный ресурс]: https://georgianart.ge/index.php?option=com_content&view=article&id=130%3A-30-&catid=42%3A2010-12-03-16-05-33&Itemid=91&lang=ka (дата обращения 12.03.24).

²⁹ Непомнящий А.А. Алексей Башкиров в крымоведческих коммуникациях... С. 73.

В 1937 г. из Казахстана А.С. Башкиров был переведён на работу в г. Калинин на должность областного архитектора³⁰. В Калинине с середины 30-х гг. ХХ в. при Горплане действовала комиссия по реконструкции города. В частности, постановление ВЦИК от 20 июля 1937 г. предполагало значительное расширение территории города за счёт включения в городскую черту пригородных деревень³¹. В состав комиссии с 1935 по 1938 г. входил профессор КГПИ А.Н. Вершинский, на него возлагались задачи составления исторической справки по центральной части города (см.: Жукова Е.Н. Археологические исследования в Калининской области в 1930 – 1940-е годы // Очерки истории отечественной археологии. Вып. VI. М., 2022. С. 69–86). Вероятно, именно в работе этой комиссии и пересеклись судьбы А.С. Башкирова и А.Н. Вершинского. Можно не сомневаться, что послужной список А.С. Башкирова не вызывал сомнения у А.Н. Вершинского в том, что профессионал подобного уровня крайне необходим историческому факультету пединститута. Вторая половина 20-х – 30-е гг. ХХ в. – этап формирования творческой элиты советских археологов, и А.С. Башкиров принимает в этом процессе активное участие: «Через лекции, разные занятия и научное руководство прошли в университетских и институтских штудиях у Башкирова: доктора исторических наук – Смирнов А.Н., Арциховский А.В., проф. Киселев С.В., доценты Кобылина М.М., Редер; научные работники музеев и высшей школы в Москве, Ленинграде и др. Снегирев И.Л., Якобсон А.Я., Дмитриев Н.А., Евтиюхова Л.А., Розанова Н.Н., Ситина О.И., Крупнов Д.А., Крайнов, Рунина, Вашкова, Кивокурцев, Василенко, Дубинин, Марушенко, Александрова, Матвеев, Левашова и мн. др.»³².

Обстоятельства процесса 1935 г. не повлияли на позицию А.Н. Вершинского в отношении А.С. Башкирова. Это сказалось на той благоприятной обстановке на факультете, в которой оказался А.С. Башкиров в предвоенное время. С 1 сентября 1938 г. он был принят на должность профессора кафедры истории КГПИ³³. С этого учебного года в основные планы А.С. Башкирова входит защита докторской диссертации по истории антисейсмизма древней архитектуры³⁴. С весны 1940 г. Башкирова назначают исполняющим обязанности заведующего кафедрой средней и древней истории³⁵, а с марта 1941 г. – заведующим кафедрой древнего мира и средних веков³⁶.

С началом учебного 1941/42 года А.С. Башкиров продолжал приезжать на занятия в Калинин. Железную дорогу обстреливали. Бытовые обстоятельства этого периода жизни А.С. Башкирова нашли отображение в дневниках В.А. Городцова «(8.10.1942): «Ко мне зашел профессор

³⁰ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 57. Д. 30. Л. 1 об., 6 об.

³¹ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1937. № 9. С. 75.

³² ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 57. Д. 30. Л. 7.

³³ Там же. Л. 41.

³⁴ Там же. Л. 52, 55.

³⁵ Там же. Л. 57.

³⁶ Там же. Л. 61.

А.С. Башкиров, мой старый приятель. Он сообщил о своей жизни и о своей болезни. Он последние годы читал и читает лекции в Тверском (Калининском) университете. В Тверь он ездит 2 раза в неделю, а иногда и больше. При частых разъездах по ж[елезн]ой д[ороге] он испытывал разные злоключения, но самое жуткое – это немецкие бомбёжки поездов жел[езн]ой дороги. Башкирову пришлось испытать несколько немецких налетов на те поезда, в которых он ехал, но брошенные бомбы с нем[ецких] аэропланов не попадали в вагоны. Исключение было одно. Поезд шел в Москву. Недалеко от Твери несколько аэропланов напало на поезд, и одна бомба попала в вагоны: убитыми оказалось 60 пассажиров и ранено более 100 человек, но вагон, в котором ехал Башкиров, остался цел, хотя в нем оказались разбитыми стекла окон. Один осколок стекла скользнул по лбу Башкирова и оставил черту от волос до переноса. Боли Б[ашкиров] почти не чувствовал, но кровь потекла струей. Отклонись на несколько миллиметров в сторону, осколок мог попасть в глаз. Это событие было осенью 1941 года. После этого Б[ашкиров] заболел очень опасно внутренностями и должен был вынести весьма тяжелую операцию»³⁷.

Во время оккупации г. Калинина А.С. Башкиров был эвакуирован Наркомпросом в Казань. Исчерпывающий отчет по работе в эвакуации отражен в документах исторического факультету КГПИ за 1941/1942 учебный год: «В развитии своей докторской диссертации “История антисейсмизма в древней архитектуре” он написал специальную главу: “Строительные коллегии в Древнем Риме”, затем статьи “Вопросы сейсмизма у античных авторов”, “Антисейсмические конструкции в архитектуре нашего юга (Ольвия, Боспор, Херсонес и др.)”. По заданию редакции “История Татарии” Татарского Научно-исследовательского Ин-та языка, литературы и истории подготовил к печати работы: “Материальная культура и искусство народов Поволжья периода Золотой Орды” и другую статью “Внешняя политика Казанского ханства”. Во время пребывания в Казани (октябрь–апрель) работал в архивах Казани. В связи с событиями Великой Отечественной войны изучил источники войны 1812 г., оформив свои наблюдения над ними в работах: “Отечественная война в записках Ермолова”, “Партизан-историк, мемуарист и теоретик партизанского дела Денис Даудов”. Вторая из перечисленных его работ была зачитана на научной сессии Казанского Госуд. Педагог. Ин-та. Первая – войдет в программу работ организующейся научной сессии Калининс. Госуд. Пед. Ин-та»³⁸.

После освобождения г. Калинина первым из эвакуации вернулся А.Н. Вершинский, вслед за ним, весной 1942 г. – профессор А.С. Башкиров³⁹. С октября 1942 г. Алексей Степанович – заведующий кафедрой всеобщей истории⁴⁰. Как и профессор А.Н. Вершинский входил в комиссию по определению ущерба, нанесенного немецко-фашистскими захватчиками

³⁷ Цит. по: Кузьминых С.В., Белозерова И.В. Жизненный путь... С. 105–106.

³⁸ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 46. Д. 101. Л. 10 об.–11.

³⁹ Там же. Оп. 57. Д. 30. Л. 63.

⁴⁰ Там же. Л. 65.

на территории Калининской области, так и А.С. Башкиров включился в аналогичную работу в Крыму, историко-культурные памятники которого он изучал уже не одно десятилетие⁴¹.

Вновь, как и в 30-е гг., в середине 40-х гг. ХХ в. в региональных вузах сосредотачиваются исследователи, вследствие политической неблагонадёжности не получившие устойчивого положения в столичных научных структурах. Для Калининского пединститута это Н.И. Радциг, переживший политические чистки в Ярославском пединституте начала 30-х гг., И.И. Полосин, проходивший по Академическому делу, А.С. Башкиров, переживший арест 1935 г. Отношение к старым профессорам в вузе было неоднозначным. С одной стороны, это несомненное признание высокого статуса и значимости результатов их научной деятельности, с другой стороны – стремление дистанцироваться от неактуальных приёмов научно-педагогической деятельности путём поиска недостатков в этой работе. До тех пор, пока А.Н. Вершинский был во главе факультета (и по должности, и по фактическому положению дел), он мог оказывать реальную поддержку старым профессорам. Однако, начиная с 1945 г., по тональности сохранившейся кафедральной документации всё более ощущается нарастающее напряжение между новым руководством факультета и А.С. Башкировым, а практически и всем составом руководимой им кафедры. Деканатом высказываются замечания о плохо организованной работе кафедры – срыве занятий из-за отсутствия преподавателей, необоснованном переносе занятий; задержек с подачей отчётной документации по работе кафедры, указывается на низкий уровень идеологической составляющей аудиторных занятий, делаются упрёки вплоть до использования шпаргалок студентами на экзаменах у Башкирова. «В общем работа и главным образом руководство кафедрой всеобщей истории явно неудовлетворительна, и я (В.П. Тугаринов, декан исторического факультета. – Е.Ж.) пользуюсь лишним случаем еще раз просить учебную часть ультимативно заявить А.С. Башкирову об коренном изменении этого руководства на будущий год»⁴². А.С. Башкиров явно стремился противостоять этому давлению, акцентируя внимание каждый раз на успехах членов своей кафедры – организации и участии в экспедиционной деятельности, руководстве студенческим кружком, научных публикациях и выступлениях на ведущих научных форумах: «Работа профессора Н.И. Радцига очень ценная, т.к. она является бессменным продолжением работы основателя [студенческого] кружка покойного профессора А.Н. Вершинского»⁴³.

Весной 1948 г. в Министерство просвещения была направлена до-кладная записка с просьбой освободить А.С. Башкирова от обязанностей заведования кафедрой: «... Все указанное совершается проф. Башкировым после ежегодной и многократной критики его работы, что не оставляет

⁴¹ Непомнящий А.А. Алексей Башкиров в крымоведческих коммуникациях... С. 73.

⁴² ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 53. Д. 45. Л. 46 об.

⁴³ Там же. Д. 89. Л. 31.

надежды на возможность исправить работу проф. Башкирова как зав. кафедрой. Поэтому прошу об освобождении проф. Башкирова от обязанностей зав. кафедрой всеобщей истории в Калининском Пед. Ин-те с оставлением его на работе в качестве профессора кафедры»⁴⁴. Научная деятельность Алексея Степановича была важна пединституту, однако не в статусе руководителя структурного подразделения.

В этот период А.С. Башкиров руководил подготовкой кандидатской диссертации своего аспиранта В.С. Тарасенко «Политическая история Боспорского государства в 1 веке до н. э. и в 1 веке н. э.»⁴⁵. С 1947 г. А.С. Башкиров занялся организацией продолжения своих исследований Таманского полуострова. Внимание археолога было сосредоточено на городище Патрей, находящемся на северном берегу Таманского залива. Впервые этот памятник был обследован А.С. Башкировым в 1926–1927 гг. в рамках работы комплексной экспедиции «Коллектива по изучению древностей Керченского и Таманского полуостровов Института Археологии и искусствознания»⁴⁶. В 1948 г. были проведены первые масштабные раскопки памятника. Состав участников был комплексный – исследование было организовано усилиями кафедр истории древнего мира и всеобщей истории Московского городского педагогического института им. В.П. Потемкина, Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина, Ярославского государственного педагогического института им. К.Д. Ушинского, КГПИ им. М.И. Калинина.

Во второй половине 1940-х гг. студенты исторического факультета принимали участие в археологических экспедициях в качестве добровольных помощников. В частности, под руководством С.А. Таракановой в Городне на Волге (1944–1945 гг.) и в Пскове (1946–1947 гг.). Эти работы курировала кафедра истории СССР, со студентами в качестве руководителей посыпали лаборантов и аспирантов кафедры, не имеющих специальной подготовки по археологии. Работа признавалась интересной и необходимой при подготовке учителя истории и руководством кафедры (доц. М.А. Розум), и студентами. Однако степень вовлечённости и понимания самого процесса полевого исследования археологических памятников оставались на очень невысоком уровне. По итогам Патрейской экспедиции под руководством А.С. Башкирова в октябре 1948 г. было проведено расширенное заседание кафедры всеобщей истории, на котором свои суждения высказали студенты – участники полевых исследований: «... Если мне предоставится возможность вновь поехать в экспедицию, то я подойду к ней иначе, более серьезно... мне хотелось бы сказать спасибо за благодарность, вынесенную т. Башкировым участникам экспедиции. Мне кажется, что кафедра всеобщей истории при-

⁴⁴ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 57. Д. 30. Л. 90–90 об.

⁴⁵ Тарасенко В.С. Политическая история Боспорского государства в 1 веке до н. э. и в 1 веке н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1950.

⁴⁶ Научный архив Института археологии РАН (далее – НА ИА РАН). Ф-1. Р-1. № 165. Л. 2.

ложит все усилия к созданию, организации новой экспедиции в следующем году и в более широком масштабе... Из сказанного видно, что студенты работали, чувствовали ответственность, чего не было в псковской экспедиции. Это дает студентам навыки в научной работе»⁴⁷. К сожалению, больше студенты КГПИ в полевых работах под руководством А.С. Башкирова участия не принимали.

Осенью 1948 г. в стране начинается кампания по борьбе с космополитизмом. На историческом факультете КГПИ проходили совместные заседания кафедр с вопросами о значении сессии ВАСХНИЛ и о положении в биологической науке⁴⁸. Осенью 1949 г. компания по выявлению признаков формализма в исторических исследованиях и «низкопоклонничестве перед западом» перешла на региональный уровень. Научные исследования А.С. Башкирова по антисейсмизму древней архитектуры, защищённые в виде докторской диссертации 3 декабря 1946 г. в Ленинградском университете, опубликованные в Ученых записках Московского им. Потемкина⁴⁹, Ярославского⁵⁰, Калининского⁵¹ педагогических институтов, были подвергнуты резкой критике. В «Вестнике древней истории» были опубликованы рецензии на исследование А.С. Башкирова по антисейсмизму⁵². Публикации носили конструктивный характер, в рамках научной дискуссии. Однако в октябре 1949 г. в «Учительской газете» вышла статья, в которой было высказано сомнение относительно научной обоснованности исследований А.С. Башкирова. К этому моменту А.С. Башкиров был снят с должности заведующего кафедрами всеобщей истории МГПИ им. Потемкина и ЯГПИ. Убедительно дискредитировать научную деятельность А.С. Башкирова в глазах научной общественности получалось не очень удачно. В научном отчёте кафедры всеобщей истории КГПИ за 1949 г. отмечается, что «с большим оживлением, хорошо прошло обсуждение работы А.С. Башкирова «Антисейсмизм древней архитектуры»»⁵³. В то же время в сводном отчёте кафедр

⁴⁷ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 53. Д. 253. Л. 38 об.–39.

⁴⁸ Там же. Л. 48.

⁴⁹ Башкиров А.С. Антисейсмизм древней архитектуры. [II]. Греция. // Уч. зап. Москов. гор. пед. ин-та. Т. XIII. Вып. 1. М., 1949.

⁵⁰ Башкиров А.С. Антисейсмизм древней архитектуры. Из истории конструкций (Египет, Месопотамия, Иран, Греция, Италия, юг СССР). [Тезисы к докторской диссертации] // Уч. зап. Ярослав. гос. пед. ин-та. Вып. VII. Ярославль, 1945. С. 1–25; Башкиров А.С. Антисейсмизм древней архитектуры. [I]. 1. Египет // Уч. зап. Ярослав. гос. пед. ин-та. Вып. VII. Ярославль, 1945. С. 1–17; Башкиров А.С. Антисейсмизм древней архитектуры. [I]. 2. Месопотамия. 3. Иран // Уч. зап. Ярослав. гос. пед. ин-та. Вып. X. Ярославль, 1945. С. 3–89.

⁵¹ Башкиров А.С. Антисейсмизм древней архитектуры. III. Италия. Из истории конструкций // Уч. зап. Калининского гос. пед. ин-та. Т. XIV. Вып. 1. Калинин, 1948; Башкиров А.С. Антисейсмизм древней архитектуры. IV. Юг СССР. Из истории конструкций. 1. Ольвия. 2. Боспорское государство. 3. Херсонес // Уч. зап. Калининского гос. пед. ин-та. Т. XIV. Вып. 2. Калинин, 1948.

⁵² Н.И. Сокольский // Вестник Древней истории. 1949. № 2. С. 169–176; Н.Н. Пикус // Вестник Древней истории. 1948. № 2. С. 102–104.

⁵³ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 53. Д. 384. Л. 15.

и деканатов за 1949/50 учебный год кафедра всеобщей истории КГПИ «обсудила и подвергла резкой критике книгу бывшего зав. кафедрой проф. А.С. Башкирова “Антисейсмизм древней архитектуры”»⁵⁴. В такой же последовательности разворачивались события и в Ярославском пединституте. В октябре 1949 г. монография А.С. Башкирова была подвергнута «большевистской критике», а за год до происходящих событий руководство кафедры всеобщей истории ЯГПИ выступило с инициативой выдвинуть докторскую диссертацию А.С. Башкирова на соискание Сталинской премии⁵⁵.

1948/49 учебный год был последним годом, когда А.С. Башкиров принимал участие в заседаниях кафедры всеобщей истории КГПИ: отчитывался о Таманской экспедиции⁵⁶, в ноябре ему было поручено провести спецкурс по истории древнего мира⁵⁷. Однако уже в отчёте факультета за этот учебный год говорится об уходе профессора Башкирова⁵⁸. Опосредованные связи с кафедрой осуществлялись через аспиранта А.С. Башкирова В.С. Тарасенко. Летом 1948 г. аспирант Тарасенко представил текст кандидатской диссертации, но планируемая на осень защита диссертации в МГПИ им. Потёмкина была перенесена (текст был передан на доработку⁵⁹) и состоялась только в 1950 г.

После увольнения весной 1948 г. А.С. Башкирова должность заведующего кафедрой всеобщей истории занял Г.Т. Сиводедов, появившейся на кафедре осенью 1947 г. Осенью 1949 г. монографию Башкирова осудили, а весной 1950 г. в научном отчёте уже было отмечено: «... что повседневное руководство кафедрой со стороны и. о. зав. кафедрой за последний год, особенно в первом полугодии в силу ряда причин несколько ослабло»⁶⁰. В этой связи Г.Т. Сиводедов был снят с должности и. о. заведующего кафедрой всеобщей истории и уволен из КГПИ. С 1951 г. заведущим кафедрой становится ученик А.С. Башкирова В.С. Тарасенко.

Взаимодействие А.С. Башкирова и В.С. Тарасенко имело продолжение в 1950-е гг. Летом 1956 г. в Угличе в экспедиции под руководством Д.А. Крайнова и М.В. Фехнер⁶¹ студенты обоих вузов при непосредственном участии В.С. Тарасенко изучали археологические памятники Ярославской области⁶². В этой экспедиции принимали участие сотрудники Ярославского областного краеведческого музея, Угличского краеведческого музея, ГИМа, Ярославского областного института усовершенствования учителей⁶³. В очередной раз А.С. Башкиров использует приём, который

⁵⁴ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 53. Д. 372. Л. 84.

⁵⁵ Данилов Е.С. Указ. соч. С. 182.

⁵⁶ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 53. Д. 253. Л. 38.

⁵⁷ Там же. Л. 37.

⁵⁸ Там же. Д. 239. Л. 9.

⁵⁹ Там же. Д. 384. Л. 5.

⁶⁰ Там же. Д. 372. Л. 87.

⁶¹ НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1361.

⁶² ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 53. Д. 851. Л. 9 об.

⁶³ Данилов Е.С. Указ. соч. С. 183.

успешно применил при организации масштабных археологических экспедиций на Тамани в 1926–ё927 гг. и в 1948 г.: он объединяет материальные и человеческие ресурсы, используя в том числе и свои административные возможности.

Осенью 1956 г. состоялась собственная экспедиция В.С. Тарасенко – разведка по Волге в районе г. Калинина⁶⁴. На эти разведочные работы А.С. Башкиров составил научный отзыв⁶⁵.

Документы, сохранившиеся в архиве Тверской области, безусловно, дают представление об особенностях профессиональной деятельности исследователя. Не менее важными в создании исторического портрета являются и особенности личности, черты характера исторического персонажа. В дневниковых записях тверского краеведа и архивиста М.А. Ильина, которые он вёл во время учебы в аспирантуре историко-архивного института (вторая половина 1940-х гг.), можно найти некоторые сюжеты, посвящённые А.С. Башкирову. По всей вероятности, семья М.А. Ильина, семья А.Н. Вершинского и А.С. Башкиров состояли в одном круге знакомств. Общение М.А. Ильина и А.С. Башкирова, несмотря на большую разницу в возрасте, было тёплым и дружеским, касалось как бытовых тем, так и совместных профессиональных проектов. «Был у нас Башкиров. Делали с ним жженку. Разговаривали на разные житейские темы. Нравится мне его отношение к жизни. Простота отношений, свежее восприятие действительности, трезвая оценка без иллюзий. Он подлинный материалист. И какая живость в шестидесятилетнем человеке! (18 октября 1944 г.)»⁶⁶.

А.С. Башкиров, оказавшись в числе тех людей, которые занимались организацией научных исследований, становлением системы высшего исторического образования, в 20-е гг. XX в. достигает пика своей творческой активности. В 1930–1940-е гг. представители этого поколения в лучшем случае оказались смешены с лидирующих позиций в науке, а уже последующие десятилетия накладывают тень забвения на их имена. На примере А.С. Башкирова становятся очевидными приёмы и методы борьбы власти эпохи сталинизма с потенциальными политическими оппонентами в среде научной интеллигенции.

Список литературы:

1. Асатиани Н. Градостроительство советской Грузии 30-х годов // ARS GEORGICA. 1987. [Электронный ресурс]. URL: https://georgianart.ge/index.php?option=com_content&view=article&id=130%3A-30-&catid=42%3A2010-12-03-16-05-33&Itemid=91&lang=ka (дата обращения 12.03.24).
2. Башкиров А.С. Антисейсмизм древней архитектуры. [I]. 1. Египет // Уч. зап. Ярослав. гос. пед. ин-та. Вып. VII. Ярославль, 1945. С. 1–17.

⁶⁴ НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1232.

⁶⁵ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 60. Д. 54. Л. 222.

⁶⁶ Ильин М.А. Дневник. 1943–1945. М., 2020. С. 70.

3. Башкиров А.С. Антисейсмизм древней архитектуры. [I]. 2. Месопотамия. 3. Иран // Уч. зап. Ярослав. гос. пед. ин-та. Вып. X. Ярославль, 1945. С. 3–89.
4. Башкиров А.С. Антисейсмизм древней архитектуры. [III]. Греция // Уч. зап. Москов. гор. пед. ин-та. Т. XIII. Вып. 1. М., 1949. 338 с.
5. Башкиров А.С. Антисейсмизм древней архитектуры. III. Италия. Из истории конструкций // Уч. зап. Калининского гос. пед. ин-та. Т. XIV. Вып. 1. Калинин, 1948. 293 с.
6. Башкиров А.С. Антисейсмизм древней архитектуры. IV. Юг СССР. Из истории конструкций. 1. Ольвия. 2. Боспорское государство. 3. Херсонес // Уч. зап. Калининского гос. пед. ин-та. Т. XIV. Вып. 2. Калинин, 1948. 398 с.
7. Башкиров А.С. Антисейсмизм древней архитектуры. Из истории конструкций (Египет, Месопотамия, Иран, Греция, Италия, юг СССР). [Тезисы к докторской диссертации] // Уч. зап. Ярослав. гос. пед. ин-та. Вып. VII. Ярославль, 1945. С. 1–25.
8. Башкиров А.С. Майолика в архитектуре: Исторический очерк // Архитектура СССР. 1934. № 9. С. 56–62. Архитектура СССР 1934 г. № 7–9. Библиотека ЦНТБ СиА. [Электронный ресурс]. URL: <https://lib.cntbsa.ru/node/768?fragment=page-205> (дата обращения 12.03.24).
9. Белозерова И.В. Обзор научного архивного фонда археолога А.С. Башкирова из отдела письменных источников Государственного исторического музея // МИРАС – НАСЛЕДИЕ. Том 1. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах: в 3 т. 2016. С. 545.
10. Бороздина П.А. Жизнь и судьба профессора Ильи Николаевича Бороздина. Воронеж, 2000. – 406 с.
11. Ватлин А.Ю., Канторович А.Р. Из истории отечественной археологической науки (несостоявшийся судебный процесс 1935 г.) // Российская археология. 2001. № 3. С. 123–131.
12. Винокуров Н.И. Профессор А.С. Башкиров – археолог, историк, преподаватель (штрихи биографии) // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 92–118.
13. Глазистова Н.И. К характеристике коллекций из раскопок А.С. Башкирова на Барбашинском могильнике в 1921 г. в фондах СОИКМ им. П.В. Алабина // Археология Евразийских степей. 2023. № 1. С. 328–338.
14. Данилов Е.С. Алексей Степанович Башкиров в Ярославле // РА. 2019. № 1. 177–186.
15. Ильин М.А. Дневник. 1943–1945. М., 2020. 88 с.
16. Кузьминых С.В., Белозерова И.В. А.С. Башкиров и археология Волжской Булгарии // Археология Евразийских степей. 2017. № 1. С. 196–219.
17. Кузьминых С.В., Белозерова И.В. Жизненный путь и научное наследие профессора А.С. Башкирова // МИРАС – НАСЛЕДИЕ. Том 1. Татарстан

- Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923 – 1929 годах: в 3 т. 2016. С. 86–112.
18. *Лысенко Ю.М.* Деятельность археологических экспедиций в Дагестане. 1920 – 1930-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 3 (29): в 2-х ч. Ч. II. Тамбов, 2013. С. 141–143.
19. *Малов Н.М.* Советская археология в Саратовском государственном университете (1918–1940): организационное становление, развитие и репрессии // Археология Восточно-Европейской степи: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 4. Саратов, 2006. С. 4–28.
20. *Маммаев М.М.* Вклад профессора А.С. Башкирова (1885–1963) в изучение памятников средневекового искусства Дагестана // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. № 3. С. 759–775.
21. *Маркелов А.Ю.* Портреты историков античного мира первого Самарского университета (1918–1922 гг.): И.А. Лециус, А.С. Башкиров, П.Ф. Преображенский // Самарский край в истории России: Материалы Пятой Межрегиональной научной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения П.В. Алабина. Вып. 5. Самара, 2015. С. 238–241.
22. *Непомнящий А.А.* Алексей Башкиров в крымоведческих коммуникациях первой трети XX столетия // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Том 4 (70). № 4. 2018. С. 40–83.
23. *Непомнящий А.А.* Алексей Башкиров: поступь ученого в развивающемся крымоведении первой трети XX столетия // Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию рождения Б.Г. Могильницкого): Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. В 2-х частях. Ч. I. Томск, 2019. С. 160–166.
24. *Паромов Я.М.* История археологических исследований на Таманском полуострове. Часть 2 (1918–1991 гг.) // Боспорские исследования. 2020. № 40. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-arheologicheskikh-issledovaniy-na-tamanskom-poluostrove-chast-2-1918-1991-gg> (дата обращения: 12.03.2024).
25. *Пятышева Н. А.С.* Башкиров // Советская археология. 1963. № 3. С. 316–317.
26. *Сташенков Д.А.* Новые документы о начале научно-педагогической деятельности А.С. Башкирова // Археология Евразийских степей. 2021. № 5. С. 153–156.
27. *Тарасенко В.С.* Политическая история Боспорского государства в 1 веке до н. э. и в 1 веке н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1950. – 9 с.
28. *Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М., 2006. – 344 с.

Об авторе:

ЖУКОВА Елена Николаевна – доцент, кандидат исторических наук, доцент, кафедра отечественной истории, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, Россия, Тверь, ул. Трехсвятская, 16/31, каб. 207), e-mail: Zhukova.EN@tversu.ru

A.S. BASHKIROV AT THE KALININ PEDAGOGICAL INSTITUTE

E. N. Zhukova

Tver State University, Tver, Russia

The article examines the stage of the creative biography of Professor, head of the Department of General History A.S. Bashkirov, associated with activities at the Kalinin Pedagogical Institute. A.S. Bashirov (1885–1963) was an archaeologist, in the 20s – early 30s. professor at Moscow State University, in 1935 was repressed and exiled to Kazakhstan. In 1937, he moved to Kalinin and in 1938 began teaching at the Pedagogical Institute. A.S. Bashkirov taught classes on the history of the Ancient World, organized expeditionary research of ancient monuments (Patray settlement on the Taman Peninsula), supervised the work of graduate students (successful defense of V.S. Tarasenko). In 1948–49, as part of a political campaign to combat cosmopolitanism, A.S. Bashkirov was removed from the post of head of the Department of Universal History and his research on the anti-seismism of ancient architecture was criticized.

Keywords: *historiography of archaeology, Department of General History of the KSPI, struggle against cosmopolitanism, V.S. Tarasenko, A.N. Verzhinsky.*

About the author:

ZHUKOVA Elena Nikolaevna – the candidate of the historical science, the associated professor, the Dept of the Russian History, Tver State University (170100, Russia, Tver', Trekhsviatskaia str, 16/31, off. 207), email: Zhukova.EN@tversu.ru

References:

- Asatiani N., *Gradostroitel'stvo sovetskoy Gruzii 30-h godov*, ARS GEORGICA. 1987. [Jelektronnyj resurs]. URL: https://georgianart.ge/index.php?option=com_content&view=article&id=130%3A-30-&catid=42%3A2010-12-03-16-05-33&Itemid=91&lang=ka.
- Bashkirov A.S., *Antisejsmizm drevnej arhitektury. [I]. 1. Egipet*, Uch. zap. Jaroslav. gos. ped. in-ta, Vyp. VII, Jaroslavl', 1945. S. 1–17.
- Bashkirov A.S., *Antisejsmizm drevnej arhitektury. [I]. 2. Mesopotamija. 3. Iran*, Uch. zap. Jaroslav. gos. ped. in-ta, Vyp. X, Jaroslavl', 1945. S. 3–89.

- Bashkirov A.S., *Antisejsmizm drevnej arhitektury. [II]. Grecija*, Uch. zap. Moskov. gor. ped. in-ta, T. XIII, Vyp. 1, M., 1949. 338 s.
- Bashkirov A.S., *Antisejsmizm drevnej arhitektury. III. Italija. Iz istorii konstrukcij*, Uch. zap. Kalininskogo gos. ped. in-ta, T. XIV, Vyp. 1, Kalinin, 1948. 293 s.
- Bashkirov A.S., *Antisejsmizm drevnej arhitektury. IV. Jug SSSR. Iz istorii konstrukcij. 1. Ol'vija. 2. Bosporskoe gosudarstvo. 3. Hersones*, Uch. zap. Kalininskogo gos. ped. in-ta, T. XIV, Vyp. 2, Kalinin, 1948. 398 s.
- Bashkirov A.S., *Antisejsmizm drevnej arhitektury. Iz istorii konstrukcij (Egipet, Mesopotamija, Iran, Grecija, Italija, jug SSSR)*. [Tezisy k doktorskoj disertacii], Uch. zap. Jaroslav. gos. ped. in-ta, Vyp. VII, Jaroslavl', 1945. S. 1–25.
- Bashkirov A.S., *Majolika v arhitekture: Istoricheskij ocherk*, Arhitektura SSSR, 1934, № 9, S. 56–62. Arhitektura SSSR 1934 g. № 7–9, Biblioteka CNTB SiA. [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://lib.cntb-sa.ru/node/768?fragment=page-205>.
- Belozerova I.V., *Obzor nauchnogo arhivnogo fonda arheologa A.S. Bashkirova iz otdela pis'mennyh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeja*, MIRAS – NASLEDIE, Tom 1, Tatarstan – Krym, Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoj kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923-1929 godah: v 3 t., 2016. S. 545.
- Borozdina P.A., *Zhizn' i sud'ba professora Il'i Nikolaevicha Borozdina*, Voronezh, 2000. 406 s.
- Vatlin A.Ju., Kantorovich A.R., *Iz istorii otechestvennoj arheologicheskoy nauki (nesostojavshisja sudebnyj process 1935 g.)*, Rossijskaja arheologija, 2001, № 3. S. 123–131.
- Vinokurov N.I., *Professor A.S. Bashkirov – arheolog, istorik, prepodavatel' (shtrihi biografii)*, XVII Bosporskie chtenija. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ja. Issledovateli i issledovanija, Kerch', 2016. S. 92–118.
- Glazistova N.I., *K harakteristike kollekcij iz raskopok A.S. Bashkirova na Barbashinskem mogil'nike v 1921 g. v fondah SOIKM im. P.V. Alabina*, Arheologija Evrazijskih stepej, 2023, № 1. S. 328–338.
- Danilov E.S., *Aleksej Stepanovich Bashkirov v Jaroslavle*, Rossijskaja arheologija, 2019, № 1. S. 177–186.
- Il'in M.A. *Dnevnik. 1943–1945*, M., 2020. 88 s.
- Kuz'minyh S.V., Belozerova I.V., *A.S. Bashkirov i arheologija Volzhskoj Bulgaria*, Arheologija Evrazijskih stepej, 2017, № 1. S. 196–219.
- Kuz'minyh S.V., Belozerova I.V., *Zhiznennyj put' i nauchnoe nasledie professora A.S. Bashkirova*, MIRAS – NASLEDIE, Tom 1, Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoj kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923 – 1929 godah: v 3 t., 2016. S. 86–112.
- Lysenko Ju.M., *Dejatel'nost' arheologicheskikh jekspedicij v Dagestane. 1920 – 1930-e gg.*, Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki,

- kul'turologija i iskusstvovedenie, Voprosy teorii i praktiki, № 3 (29): v 2-h ch., Ch. II, Tambov, 2013. S. 141–143.
- Malov N.M., Sovetskaja arheologija v Saratovskom gosudarstvennom universitete (1918–1940): organizacionnoe stanovlenie, razvitiye i repressii, Arheologija Vostochno-Evropejskoj stepi: mezhvuz. sb. nauch. tr., Vyp. 4, Saratov, 2006. S. 4–28.
- Mammaev M.M., Vklad professora A.S. Bashkirova (1885–1963) v izuchenie pamiatnikov srednevekovogo iskusstva Dagestana, Istorija, arheologija i jetnografija Kavkaza, 2023, T. 19, № 3. S. 759–775.
- Markelov A.Ju., Portrety istorikov antichnogo mira pervogo Samarskogo universiteta (1918–1922 gg.): I.A. Lecius, A.S. Bashkirov, P.F. Preobrazhenskij, Samarskij kraj v istorii Rossii: Materialy Pjatoj Mezhregional'noj nauchnoj konferencii, posvjashchennoj 190-letiju so dnja rozhdenija P.V. Alabina, Vyp. 5, Samara, 2015. S. 238–241.
- Nepomnashchij A.A., Aleksej Bashkirov v krymvedchesikh kommunikacijah pervoj treti HH stoletija, Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Serija «Istoricheskie nauki», Tom 4 (70), № 4, 2018. S. 40–83.
- Nepomnashchij A.A., Aleksej Bashkirov: postup' uchenogo v razvivajushhemja krymvedenii pervoj treti HH stoletija, Tvorcheskaja laboratoriya istorika: gorizonty vozmozhnogo (k 90-letiju rozhdenija B.G. Mogil'nickogo): Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, V 2-h chastjah, Ch. I, Tomsk, 2019. S. 160–166.
- Paromov Ja.M., Istorija arheologicheskikh issledovanij na Tamanskem poluostrove. Chast' 2 (1918–1991 gg.), Bosporskie issledovanija, 2020, № 40. [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-arheologicheskikh-issledovaniy-na-tamanskom-poluostrove-chast-2-1918-1991-gg>.
- Pjatysheva N., A.S. Bashkirov, Sovetskaja arheologija, 1963, № 3, S. 316–317.
- Stashenkov D.A., Novye dokumenty o nachale nauchno-pedagogicheskoy dejatel'nosti A.S. Bashkirova, Arheologija Evrazijskih stepej, 2021, № 5, S. 153–156.
- Tarasenko V.S., Politicheskaja istorija Bosporskogo gosudarstva v 1 veke do n. je. i v 1 veke n. je. , avtoref. dis. kand. ist.nauk, M., 1950. 9 s.
- Formozov A.A., Russkie arheologi v period totalitarizma: Istorioraficheskie ocherki, M., 2006. 344 s.

Статья поступила в редакцию 19.07.2024 г.

Подписана в печать 24.09.2024 г

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 271.2

DOI 10.26456/vthistory/2024.3.055–074

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УСТАВНОГО ОТДЕЛА ВСЕРОССИЙСКОГО ПОМЕСТНОГО СОБОРА 1917–1918 ГОДОВ

А.И. Мраморнов

Некоммерческое партнерство «Спасское дело»,
Пензенская обл., с. Старая Потловка, Россия

В статье рассмотрена история работы Отдела Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг., который занимался редактированием и разработкой соборного Устава. Впервые вводятся в научный оборот материалы архивных дел Уставного отдела. Выявляется место и роль Отдела и его членов в соборных трудах как явлении церковной жизни эпохи революции и начала Гражданской войны. В Отделе затрагивались вопросы практической реализации принципов соборности, соотношение влияния на соборные решения епископата, клира, мирян. Результативность Отдела оказалась слабой: новая редакция Устава как нечто целое и законченное не была приготовлена. Несмотря на взаимосвязь работы всех подразделений Собора, деятельность Уставного отдела осталась «вещью в себе». Хотя история рассмотрения соборных уставов в Русской Церкви далее прервалась, был оставлен задел для ее возобновления в свое время.

Ключевые слова: Поместный Собор, 1917–1918 гг., Священный Собор, Предсоборный совет, Устав, Уставный отдел, священномученик Сергия (Василий Павлович Шеин), митрополит Иаков (Пятницкий), Гражданская война в России, жалованье, суточные, высшее церковное управление, епархии, полномочия делегатов.

Непосредственная подготовка Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. заняла двенадцать лет. Однако его Устав был принят совсем незадолго до открытия Собора, став результатом работы Первого отдела («О производстве выборов на Всероссийский Поместный Церковный Собор, его организации и о составлении наказа для него») Предсоборного совета – третьего и последнего предсоборного органа, работавшего в июне–июле 1917 г. В течение первых шести заседаний профильного предсоборного Отдела в основном рассматривались предложения участников дискуссии о включении тех или иных категорий представителей или конкретных лиц в состав будущего Собора, причём как базовый документ использовалось составленное в 1907 г. «Положение о со-

ставе предстоящего чрезвычайного Собора Русской Церкви и порядке производства дел на нем»¹. Лишь на седьмом заседании Отдела 27 июня 1917 г. по предложению его председателя архиепископа Платона (Рождественского) перешли к непосредственному составлению Устава Собора и определению «в первую очередь» порядка решения дел в нем².

Дискуссии предсоборного Отдела позволили отказаться от идеи раздельного обсуждения выносимых на Собор вопросов епископами, с одной стороны, и клиром и мирянами, с другой³. При этом было предусмотрено право архиереев выносить окончательное решение по любым соборным вопросам. Так было сконструировано действовавшее потом в структуре Собора Совещание епископов. В Отделе были разработаны также «Правила о выборах членов Собора» и «Положение о составе Собора», переданные в общее собрание Предсоборного совета. Кроме того, для дальнейшей выработки текста Устава формировалась комиссия в составе протоиерея Н.П. Добронравова, В.П. Шеина, В.Н. Бенешевича, А.И. Бриллианта и П.И. Астрова⁴. В предсоборных и ранних соборных документах Устав часто назывался «Наказом» (по аналогии с документом, регламентировавшим работу Государственной думы), однако затем утверждается менее двусмысленное, более четкое наименование Устав⁵. При этом сами деятели предсоборного движения и соборяне чувствовали недоработанность Устава, поэтому создание Уставного отдела было предусмотрено в самом Уставе. Интересно, что очень странное определение Св. Синода № 4516 от 17 июля 1917 г., выявленное только в копийной машинописи и отсутствующее среди подлинников синодальных определений за 1917 г., предусматривало проведение завершающих заседаний членов Первого отдела Предсоборного совета в Москве, которые должны были собраться для этого к 7 августа. При этом в тексте определения понятия «Устав» и «Наказ» употребляются рядом и наравне, то ли как близкие категории, то ли как синонимы. Чуть ранее, в речи на открытии Предсоборного совета, точно так же употреблял эти понятия обер-прокурор В.Н. Льзов⁶.

«Положение о созыве Собора» было выпущено 5 июля и опубликовано 8 июля 1917 г. В соответствии с ним происходили выборы на Собор в епархиях (ключевой раздел «Б» – «Общий порядок выборов по епархиям»). Раздел «А. Общие постановления» имел характер право-

¹ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. М., 2012. Т. 1. Предсоборная работа 1917 года. Акты, определявшие порядок созыва и проведения Собора С. 212–214.

² Там же. С. 248.

³ Там же. С. 13.

⁴ Там же. С. 14.

⁵ Там же. С. 62.

⁶ Там же. С. 976.

устанавливавший, близкий к положениям Устава⁷. Утвержденный Синодом 10 августа Устав Собора развивал эти положения. Разделы Устава кратко описывали полномочия Собора в целом, регламентировали его внутреннюю структуру и полномочия каждого подразделения и каждого лица, участвующего в Соборе. Пункт 92 устанавливал обязательность создания Уставного отдела, который в числе тридцати членов должен был разрабатывать Устав «будущих Поместных Соборов, а также образа высшего управления Православной Всероссийской Церкви на основании канонических и церковно-исторических данных, а также опыта и указаний действующего Собора»⁸. Устав определял порядок рассмотрения дел, проведения заседаний и прений в них, правила голосования и делопроизводства⁹. В целом Устав можно считать довольно обстоятельным, подробным.

Если положения Устава Собора не раз анализировались в историографии, то деятельность Уставного отдела очень слабо изучена в научно-исторической литературе ранее не подвергалась специальному анализу.

Г. Шульц в своей монографии о Соборе разбирал положения Устава, переводя их на немецкий и снабжая краткими комментариями¹⁰, материалы Уставного отдела упоминает¹¹, описывая состав архивного наследия Собора, но не занимался их разбором. Схожим образом поступает священник И. Дестивель в своем обзорном труде о Соборе: им был разобран Устав¹², а о работе Уставного отдела исследователь специально не пишет.

Протоиерей С. Звонарев в своей недавней монографии¹³, в 8-й главе, посвящённой Собору 1917–1918 гг., то и дело рассматривает положения Устава, связанные с работой Поместного Собора и организацией высшего церковного управления, а перед этим специально анализирует положение «О созыве Поместного Собора Православной Всероссийской Церкви в Москве 15 августа 1917 года»¹⁴ и сам Устав¹⁵.

Архивное наследие Уставного отдела представлено тремя единицами хранения в составе архивного фонда Р-3431 «Всероссийский Поместный Собор 1917–1918 гг.» Государственного архива Российской

⁷ Документы Священного Собора... Т. 1. С. 1178–1179.

⁸ Там же. С. 1195.

⁹ Там же. С. 1196–1204.

¹⁰ Schulz G. Das Landeskonzil der Orthodoxen Kirche in Rußland 1917/18 — ein unbekanntes Reformpotential. Göttingen, 1995. S. 46–62.

¹¹ Ibid. S. 66, 72–73.

¹² Дестивель И., священник. Поместный Собор Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. и принцип соборности. М., 2008. С. 96–103.

¹³ Звонарев С., протоиерей. Высшая власть и управление в Русской Православной Церкви в XX – начале XXI века. Сергиев Посад, 2023.

¹⁴ Там же. С. 224–245.

¹⁵ Там же. С. 245–271.

Федерации (далее – ГАРФ) – делом 217 с протоколами, подписными листами и иными материалами Отдела, делом 218 с типографским экземпляром Устава и разными материалами Отдела, а также отнесённым составителями описи соборного фонда почему-то к дополнительным делам Отдела о церковном имуществе и хозяйстве небольшим делом 642 по вопросу о сложении полномочий членов Соборного Совета. Кроме того, в фонде 833 «Священный Собор Православной Российской Церкви» Российского государственного исторического архива (далее – РГИА) имеется дело 37, содержащее преимущественно копийные машинописные материалы Отдела и отчёт о его работе. Протоколы Уставного отдела не отличались полностью, определённостью¹⁶, стенографическим характером передачи сути заседания, а, напротив, являлись документами довольно сухими, лаконичными, лишь изредка, при наличии полярных точек зрения, фиксируя дословные цитаты выступавших.

В Отдел во время первичной записи конца августа 1917 г. записались 69 соборян¹⁷, при дополнительной, октябрьской, записи – ещё 51 человек¹⁸. Первое заседание Отдела было назначено на 31 августа, на 10 часов утра, в комнате 8 Московского епархиального дома¹⁹. Председателем Отдела был избран архиепископ Казанский и Свияжский Иаков (Пятницкий)²⁰. Этот иерарх в свою бытность архиепископом Ярославским был членом Предсоборного присутствия 1906 г., председательствовал в его Отделе о реформе церковного суда²¹, в виде отдельной книги изложил свою позицию о созыве Поместного Собора²². Таким образом, этот преосвященный давно был вовлечен в предсоборную работу, хотя, например, в число иерархов – участников Предсоборного совета лета 1917 г. избран епископатом не был²³.

Заместителями председателя стали секретарь Собора В.П. Шеин (28 голосов) и протоиерей П.Н. Лахостский (18 голосов), секретарями – профессор А.В. Флоровский (27 голосов) и Б.П. Протодиаконов (19 голосов)²⁴. Позже секретарями Отдела также являлись профессор А.И. Бриллиантов и профессор В.Д. Попов. Делопроизводителями От-

¹⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 217. Л. 133 об.

¹⁷ Там же. Д. 218. Л. 3–3 об.

¹⁸ Там же. Л. 4–4 об.

¹⁹ Там же. Л. 35.

²⁰ Там же. Д. 217. Л. 8.

²¹ Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. СПб., 1906. Т. 1. С. 555 и сл.

²² Иаков (Пятницкий), архиеп. Ожидаемый собор Всероссийской церкви 1906 г. и предметы его занятий. Ярославль, 1906.

²³ Документы Священного Собора... Т. 1. С. 93–166.

²⁴ ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 217. Л. 8 об.

дела работали Д.И. Андреев, протоиерей Г.Я. Извеков, С.З. Ястребцов²⁵. Протокол первого заседания Отдела интересен указанием расширенного, уставного именования Отдела – «Отдел о пересмотре устава настоящего Собора и об уставе будущего Собора»²⁶.

На единственном заседании второй сессии председателем Отдела, в связи с неприбытием на Собор преосвященного Иакова, был избран епископ Олонецкий и Петрозаводский Иоанникий. В третью сессию председателем Отдела состоял заместитель владыки Иакова как члена Собора епископ Чистопольский Анатолий (Грисюк)²⁷.

Согласно подписным листам Отдела (подшиты в деле после протоколов)²⁸, всего Отдел провёл 22 заседания, из них 20 в первую сессию Собора, и по одному во вторую и третью сессию, а кроме них – также одно соединённое заседание с Отделом о высшем церковном управлении в третью сессию. В заседаниях приняли участие 72 члена Собора, из них 11 преосвященных, 12 клириков и 49 мирян. Самым многочисленным собранием стало первое заседание Отдела 31 августа 1917 г. (присутствовали 46 человек), самым малочисленным – последнее заседание 23 июля (5 августа) 1918 г. (3 человека) (О.А. Илюхина считает, что Отдел прекратил работу во вторую сессию²⁹. Что это не так, подтверждается дополнительно соединённым заседанием Уставного отдела с Отделом о высшем церковном управлении 25 августа (7 сентября) 1918 г., а также выработкой Отделом в третью сессию новой статьи Устава, о заместителях к членам Соборного Совета). При этом многие из записавшихся потеряли интерес к работе в Отделе уже в первую сессию, в сентябре 1917 г., явка на заседания порой падала в несколько раз.

На втором заседании Отдела товарищ председателя В.П. Шеин обозначил три основные задачи Отдела, причём как ближайшую указал необходимость разработки выборного закона, однако большинство не согласилось с таким подходом и ближайшей задачей работы Отдела сочло пересмотр Устава уже открывшегося Собора³⁰.

Кроме того, на своём втором заседании Отдел рассматривал заявление сорока одного члена Собора о необходимости пополнения Соборного Совета двумя членами от сельского духовенства и мирян. Подписавшие желали, чтобы голос «низов» отчётливее звучал в соборном президиуме, поскольку именно представители села непосредственно знакомы «с нуждами, запросами и течениями, происходящими в самой

²⁵ ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 218. Л. 34.

²⁶ Там же. Д. 217. Л. 8.

²⁷ Там же. Д. 642. Л. 6.

²⁸ Там же. Д. 217.

²⁹ Илюхина О.А. Обзор фонда Государственного архива Российской Федерации Р-3431 «Всероссийский церковный собор (Священный собор). 1917–1918» // Человеческий капитал. 2023. № 5 (173). С. 56.

³⁰ ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 217. Л. 14.

гуще народной»³¹. В дискуссии, состоявшейся в Отделе 4 сентября 1917 г., член Собора протоиерей А.В. Суворов отмечал, что вопрос «поставлен не ради противовеса другим членам Совета, а ради осведомления Совета о жизни этих кругов»³².

Докладчиком Собору по решению этого вопроса был назначен профессор А.В. Флоровский. В докладе отмечалось, что по Уставу Соборный Совет лишь направляет дела и устанавливает внутренний распорядок на Соборе, а не решает вопросов по существу, что увеличение состава Совета может «повести к ослаблению его делового характера», что при удовлетворении ходатайства и представители других групп населения будут просить о включении их представителей в Совет, наконец, что «с церковной точки зрения нет и не может быть различия между городским и сельским духовенством, барином и крестьянином, но есть лишь одни православные христиане»³³. В основу такого обоснования о равенстве христиан была положена реплика члена Собора И.Н. Сперанского (позднее – епископа Иоанникия, 1885–1969), произнесённая в состоявшейся на втором заседании Отдела дискуссии³⁴. Собор в результате голосования выходом в двери, большинством голосов в 188 против 171, постановил отклонить предложение сорока одного делегата³⁵.

В Уставный отдел Соборным Советом также передавались обращения епископа Кубанского Иоанна и правящего архиерея архиепископа Агафодора (Преображенского, которые указывали на то, что в ведении викария 500 приходов и потому он должен быть членом Собора (несмотря на то, что для викариев Положением о созыве Собора 1917 г. членство по должности не предусматривалось). В протоколах Соборного Совета эти обращения нашли своё отражение, а вот сведений об их рассмотрении в протоколах Уставного отдела нет³⁶.

4 сентября 1917 г. секретарь Собора В.П. Шеин по поручению Соборного Совета препроводил в Уставный отдел определение Синода от 1 августа об удовлетворении членов Собора суточным содержанием и путевым довольствием. Это определение допускало расширительное толкование, поскольку в нём не были точно и четко описаны случаи удержания с членов Собора суточных³⁷. Соборный Совет просил обсудить этот предмет в Отделе. Обсуждение состоялось на третьем заседании 7 сентября. В.П. Шеин в своём выступлении подчеркивал важность

³¹ ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 218. Л. 39.

³² Там же. Д. 217. Л. 12.

³³ Там же. Д. 218. Л. 39 об.

³⁴ Там же. Д. 217. Л. 12.

³⁵ Там же. Д. 218. Л. 41.

³⁶ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. М., 2013. Т. 2. Протоколы Соборного Совета. С. 46, 56.

³⁷ Там же. Л. 38.

вопроса «ввиду финансовой скучности Собора», «тем более, что в настоящее время, хотя и на краткий срок, находятся в отпуске 125 членов Собора, т. е. почти около 1/3 всего состава Собора»³⁸. Большинство ораторов склонялось к компромиссной позиции, при которой лишать членов Собора суточного содержания за незначительные пропуски было бы несправедливым. Член Собора Б.П. Протодиаконов обращал внимание на этический аспект проблемы: «Недоверие к членам Собора недопустимо. Странно требовать медицинское свидетельство за каждый пропущенный день»³⁹. К этому посылу присоединился член Собора М.И. Семёнов. Но были и участники дискуссии – архиепископ Евлогий (Георгиевский), С.Н. Розанов – которые стояли за строгость к членам Собора, пропускающим заседания. В итоге Отдел не стал вводить в Устав особые правила об отпусках, в принципе отпуски допустил, месячный лимит кратких отпусков без лишения содержания допустил максимум в три дня, отпуски по уважительным причинам не должны были превышать двух недель⁴⁰ (первоначально в Уставе была закреплён месячный срок).

Однако эти предрешения не завершили дискуссию об отпусках. В конце третьего заседания была сформирована подкомиссия об отпусках из профессора В.Н. Бенешевича и В.А. Потулова⁴¹, которой было поручено разработать доклад об отпусках. Правда, на четвертом заседании Отдела 11 сентября 1917 г. проект правил об отпусках Собора докладывал другой член Отдела, профессор А.В. Флоровский, а В.А. Потулов 7 сентября 1917 г. подал в Соборный совет заявление о выходе из Уставного отдела, причин выхода в заявлении не объяснив. Далее спорили, нужны ли оправдательные (например, медицинские) документы, объясняющие причины отсутствия на Соборе. Дискутанты пришли к выводам, что «болезнь члена Собора признается уважительной причиной отсутствия, не требующей никакого удостоверения», а вот тяжкая болезнь или смерть члена семьи соборянина оправдательный документ требовали. Неотложные и общественно значимые служебные дела представлялись членам Отдела уважительной причиной, не требующей удостоверения или проверки⁴². В итоге также было намечено, чтобы путевым довольствием для проезда в испрошенный по каким-либо личным причинам отпуск члены Собора не обеспечивались. Заместители членов Собора, прибывшие к исполнению своих обязанностей, должны были обеспечиваться суточным довольствием на тех же основаниях, что и любые другие члены Собора⁴³.

³⁸ ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 217. Л. 17–17 об.

³⁹ Там же. Л. 18 об.

⁴⁰ Там же. Л. 19 об. – 20.

⁴¹ Там же. Л. 42.

⁴² Там же. Л. 24 об. – 25.

⁴³ Там же. Л. 27–27 об.

Правила о суточном довольствии членам Собора вырабатывались также Юридическим совещанием при Соборном Совете. Проект правил 14 ноября был передан Соборным Советом Уставному отделу⁴⁴, но дальнейшее рассмотрение в нём фактически не происходило.

13 сентября Поместный Собор постановил поручить Уставному отделу «подробно разработать общий вопрос о праве епархиальных архиереев назначать себе заместителей в период действий Собора»⁴⁵. Видимо, в рамках рассмотрения этого вопроса на пятом заседании было затронуто право пресвитеров, являющихся заместителями епископов по членству в Соборе, участвовать в Совещании епископов⁴⁶. Архиепископ Евлогий (Георгиевский) и протоиерей Павел Лахостский выступали против, а А.В. Васильев, профессор Ф.И. Мищенко, профессор В.В. Завитневич на основании историко-канонических примеров выступали в поддержку такого права. Было предложено вопрос разрешить голосованием, но тут же было заявлено «об отсутствии законного состава заседания», и голосование отложили до следующего заседания⁴⁷ (хотя вроде бы на заседании присутствовали 33 члена Отдела⁴⁸, чего было достаточно для кворума, но, может быть, часть членов разошлась к концу заседания, так как заседание длилось с 17 до 21 часа, и конец заседания приходился на довольно позднее время). К вопросу вернулись лишь на четырнадцатом заседании в октябре в связи с обсуждением уставных полномочий Совещания епископов. Преобладавшую в Отделе точку зрения выразил протоиерей П.Н. Лахостский: «По всем вопросам совещание епископов должно быть только совещанием епископов, другая иерархическая степень здесь неуместна»⁴⁹.

На четвёртом заседании Отдел постановил перейти к постатейному чтению Устава⁵⁰. Докладчиками Собору по этому вопросу на пятом заседании 15 сентября были избраны профессоры А.В. Флоровский и В.Н. Бенешевич⁵¹. На шестом заседании 18 сентября Отдел, наконец, к ревизии вошедшего в действие Устава приступил. Секретарь Собора, товарищ председателя Отдела В.П. Шеин предложил такую философию намеченной работы: «Следует иметь в виду скорейшее устранение недостатков Устава ныне действующего Собора, а не составление Устава будущих Соборов, которые могут быть построены на иных началах соборности и различны по своему составу. Задача настоящих работ – практическая: скорейшее устранение недостатков в нынешнем Уставе;

⁴⁴ Документы Священного Собора... Т. 2. С. 158.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 218. Л. 40.

⁴⁶ Там же. Д. 217. Л. 28 об.

⁴⁷ Там же. Л. 29.

⁴⁸ Там же. Л. 34–34 об.

⁴⁹ Там же. Л. 77 об.

⁵⁰ Там же. Л. 25.

⁵¹ Там же Л. 27.

основания же, по которым созван Собор, теоретические принципы его – не следует делать предметом обсуждения. Только после завершения работы по пересмотру настоящего Устава можно будет приступить к выработке Устава будущих Соборов»⁵². В последовавшей дискуссии членами Отдела отмечалось, что вопрос о началах соборности и строем управления Церковью вырабатывал «соседний» Отдел Собора – о высшем церковном управлении, поэтому, как лаконично выразил задачу епископ Пахомий (Кедров), «Уставный отдел не должен ведать структуру Собора, надо лишь выработать наказ»⁵³.

Если 1-я и 2-я статьи Устава были одобрены без изменений, а 3-я и 4-я требовали, по мнению соборян, редакционной правки, то вокруг 5-й статьи, касавшейся задач Собора, развернулась дискуссия. Некоторые участники дискуссии требовали расширить перечень этих задач, при этом В. И. Зеленцов, например, считал, что закрытый перечень «ограничивает деятельность Собора». Профессор А.И. Бриллиантов вообще предлагал исключить эту статью⁵⁴. В итоге Отдел решил не трогать статью, оставив её в предсоборной редакции. Со статьями с 5–9 и затем 13, 15–18, 28–35, 38, 40, 45, 47–51, 53–60, 71, 73, 75–77, 82, 84, 85, 87–90, 94–99, 103–109, 111–139, 141–192 на заседаниях Отдела поступили так же. Впрочем, по статье 9 было подано особое мнение В.И.Зеленцова, архиепископа Евлогия и П.Б. Мансурова, в котором указывалось на недопустимость именовать собрание епископов с законодательными и каноническими правами и чисто исполнительный орган Собора схожими наименованиями – Совещание и Совет⁵⁵. Более подробный разбор этого документа чуть ниже, при анализе вопроса о Совещании епископов.

Обсуждение статей 10 (о получении соборными определениями силы церковного закона) и 14 (о закрытии Собора), упоминавших Совещание епископов, Отдел решил провести позднее, вместе со статьей 61, непосредственно касавшейся Совещания. По 11-й статье, о форме обращения Собора к различным адресатам, открылась дискуссия. Чтобы поставить «дипломатику Собора на надлежащую почву», члены Отдела владыка Евлогий (Георгиевский) и профессор В.Н. Бенешевич предложили создать особую комиссию, которая должна была в кратчайшие сроки обозреть вопрос о том, как соборы в истории Церкви решали вопрос о форме своих посланий и обращений, а также о том, кто их подписывает и как должна выглядеть соборная печать и подписи при голосовании. Комиссию составили В.Н. Бенешевич, А.И. Бриллиантов, П.Н. Жукович, Ф.И. Мищенко, В.И. Зеленцов, В.Д. Попов⁵⁶. Таким об-

⁵² ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 218. Л. 35.

⁵³ Там же. Л. 35 об.

⁵⁴ Там же. Л. 36 об.

⁵⁵ Там же. Л. 39–40.

⁵⁶ Там же. Л. 37.

разом, требовалась квалификация академической профессуры, чтобы ответить на поставленный вопрос.

В статье 24 Устава Отдел заменил прежние и ставшие уже в силу начавшейся работы Собора не вполне актуальными слова «В случае отмены выборов члена Собора Председатель Собора немедленно доводит об этом до сведения Святейшего Синода» заменить на «В случае выбытия членов Собора из его состава Председатель...»⁵⁷. Редакция 25-й статьи была упрощена в сторону более четкой формулировки, говорившей, что новые члены приглашаются «самим Собором». Отдел не только актуализировал положения Устава, но и намеревался усилить власть Собора.

Отложив на шестом заседании рассмотрение нескольких статей, касавшихся членов Собора и их отпусков (в связи с особым их, как упоминалось выше, рассмотрении в формате подкомиссии), члены Отдела, однако, на следующем (седьмом) заседании 21 сентября 1917 г. обратились к редактированию статей 36 и 37 Устава о признании выборов на Собор неправильными и о признании членов Собора не имеющими законных полномочий. После прошедшей дискуссии собрание одобрило предложенные В.П. Шеинным формулировки статей, исключавшие двоякое толкование и повторное голосование по одним и тем же вопросам. На следующем (восьмом) заседании, на следующий день (22 сентября) 36-я и 37-я статья были оглашены в отредактированном виде, но автор новых редакций В.П. Шеин предложил их не выносить на Собор, так как последним «уже рассмотрены выборы по многим епархиям», и изменение Устава в этой части «внесло бы путаницу»⁵⁸. Отдел согласился с этим предложением, хотя статус такого решения непонятен.

К статьям Устава о Соборном совете на седьмом заседании были приняты небольшие корректировки, предложенные В.П. Шеином. Например, статья 54 была дополнена упоминаниями о работе Хозяйственного, Религиозно-Просветительного и Юридического совещаний при Соборном Совете⁵⁹, которые к тому моменту уже были сформированы Собором.

На восьмом заседании 22 сентября 1917 г. рассматривался раздел Устава, связанный с отделами Собора. В.П. Шеин докладывал, что эта часть Устава претерпела «существенные изменения: ныне Отделы составляются путём выборов на Соборе и путём добровольной записи желающих. Такой порядок может быть и целесообразен. Например, Отдел личного состава и те Отделы, в которых не желательна многочисленность, целесообразнее избирать, другие Отделы следует составлять посредством записей самих членов, желающих работать в том или другом Отделе»⁶⁰. Вызвала довольно бурную дискуссию техника записи в отделы Собора в свя-

⁵⁷ ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 218. Л. 37 об.

⁵⁸ Там же. Л. 47.

⁵⁹ Там же. Л. 45.

⁶⁰ Там же. Л. 47 об.

зи с обсуждением статьи 69. Любопытно, что после месяца соборной работы его участники могли уже анализировать практику повседневных занятий и находить в ней изъяны. Не менее характерно, что Соборный совет инициировал⁶¹ право членов Соборов свободно записываться в отделы, что, наряду с анализируемой работой Уставного отдела, создавало некоторый параллелизм в решении этого вопроса на Соборе.

Статью 69 решили не менять, но при этом предусмотреть как запись в отделы, так и избрание в них Собором. Отдел вынес решение об открытии новой записи в отделы⁶². Принимать в состав отделов было решено закрытым голосованием, разрешая при этом запись не более чем в 5 отделов.

Статью 70 Отдел исключил из Устава, а в статьи 72, 74, 78, 83, 86, 100, 102, 110 были внесены редакционные правки. При редактировании статьи 78 впервые активно проявил себя председатель Уставного отдела. «Преосв[ященный] Иаков предлагает вместо отрицательной формы статьи выразить в положительной: „из происходившего в Отделе до кладчик сообщает на Соборе только то, что поручено и разрешено ему Отделом”»⁶³.

В статье 86 минимум законного состава присутствующих в заседаниях отделов предлагалось понизить с 1/3 до 1/5 его членов⁶⁴. В конце девятого заседания Отдела 25 сентября обсуждался функционал Редакционного отдела Собора⁶⁵, который, как и Уставный, был обязательным для создания, «уставным» отделом. На десятом заседании была отредактирована статья 100 о законодательной инициативе отделов, будучи принятой в редакции В.П. Шеина: «Отделы вносят свои предположения о нуждах и пользах Церкви в письменном виде в Соборный Совет»⁶⁶. В завершение десятого заседания прошла дискуссия о практическом применении статьи 130, регламентировавшей ход обсуждения вопросов на Соборе. Дискуссия не привела к изменению редакции статьи⁶⁷.

Вопрос о Совещании епископов обсуждался начиная с двенадцатого заседания Отдела 4 октября 1917 г. Ещё на шестом заседании три члена Отдела, В.И. Зеленцов, архиепископ Евлогий и П.Б. Мансуров, как выше упоминалось, подали особое мнение, возражая против именования собрания епископов на Соборе «совещанием». «И законодательное существование епископского собрания, и логика, и каноны решительно не позволяют обозначать епископское собрание нашего Поместного

⁶¹ Документы Священного Собора... Т. 2. С. 36–37.

⁶² ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 217. Л. 49 об.

⁶³ Там же. Л. 50 об.

⁶⁴ Там же. Д. 217. Л. 54.

⁶⁵ Там же. Л. 54 об.–55.

⁶⁶ Там же. Л. 58.

⁶⁷ Там же. Л. 58, 58 об., 59.

Собора именем „Совещание епископов”, как недостаточно соответствующим благодатному достоинству и правам епископского собрания. И тем более должно быть отринуто это имя, что „ищущим повода” оно дает лишнюю пищу и лишний повод возводить на действующий ныне Поместный Собор обвинение в протестантской, хотя бы и внешней, окраске», – аргументировали они свою позицию⁶⁸.

Большинство высказывавшихся на двенадцатом заседании Отдела, однако, не разделяли такой позиции. Граф П.Н. Апраксин указывал, что самое важное, какие функции присвоены внутрисоборной структуре, а не как она называется, и приводил ключевой аргумент: «Каноны нигде не запрещают называть собрание епископов совещанием»⁶⁹. В.И. Зеленцов с этим был не согласен и подчёркивал, что каноны говорят о соборах епископов, а не об их совещаниях. Профессор П.П. Кудрявцев разъяснял: «Совещание Епископов не есть особое от Собора и параллельное ему учреждение, имеющее особый круг подведомых ему дел вроде, например, рассмотрения епископских жалоб. Совещание Епископов – не учреждение при Соборе, а лишь технический приём для выяснения отношения епископов к принятым в соборных заседаниях постановлениям»⁷⁰. Протоиерей П.Н. Лахостский назвал уставное название епископского органа «средним, царским путем»⁷¹, а А.В. Васильев сказал, что «Совещание Епископов – прекрасный термин»⁷². В довольно продолжительном выступлении профессор А.И. Покровский применительно к обсуждавшемуся вопросу отстаивал свою концепцию объединения на православных соборах представителей всего церковного сообщества: «Однобоких Соборов, дающих представительство какого-либо одного, хотя бы даже и епископского, церковного состояния в Православной Церкви быть не может; это будут епископские съезды, а не церковные Соборы»⁷³, – подчёркивал он.

Профессор А.Ф. Одарченко рассуждал об идеальном соотношении на Соборе власти епископата, с одной стороны, и клира и мирян, с другой. «Я лично считаю, что естественный состав Собора должен быть из епископов, усиленный отдельными мирянами, имеющими значение в Церкви по своим знаниям, значению, услугам для Церкви... Однако нынешнее положение Русской Церкви не даёт возможности такой структуры Собора, ибо наши епископы не являются представителями общин мирян, а по своему положению являются скорее митрополитами (без епископов). Собор, составленный ныне из одних епископов, не вы-

⁶⁸ ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 217. Л. 40.

⁶⁹ Там же. Л. 63.

⁷⁰ Там же. Л. 63 об. – 64.

⁷¹ Там же. Л. 64 об.

⁷² Там же. Л. 67 об.

⁷³ Там же. Л. 65 об.

ражал бы собою голоса общины церковной и был бы по существу не Поместным Собором, а Собором одних митрополитов»⁷⁴. Г.И. Булгаков приводил большую справку из церковной истории. Дискуссии ни на что не повлияли: двадцатью голосами против одиннадцати в конце двенадцатого заседания, весьма насыщенного яркими и продолжительными выступлениями, Отдел оставил в силе наименование «Совещание епископов»⁷⁵.

Но предстояло еще разобраться с разделом устава, содержавшим статьи о Совещании епископов. К этому приступили на следующем (четырнадцатом) заседании 9 октября 1917 г. В.А. Демидов и епископ Андроник (Никольский) критиковали урезание прав епископата, особенно права законодательной инициативы в рамках соборной работы. «Один член Собора откровенно заявил, что мы – миряне – в правах сравняны с епископом; мы кладём шар и епископ кладёт шар. Ст. 64 и следующие ограничивают деятельность Совещания Епископов одной только цензурой определений пленарного заседания; между тем, есть вопросы, как сказано, которые должны быть разрешены особым порядком, это дела судебные (суд над епископом) и догматического характера»⁷⁶, – полагал делегат от мирян Нижегородской епархии. «Пусть епископы и ошибаются, но, пока они епископы, их никто не может лишить права составлять определения и постановления на Соборе»⁷⁷, – вторил ему преосвященный Пермский. Другие участники дискуссии вносили в обсуждение нюансы, которые уточняли такой безапелляционный «проепископский» подход. «Моё предложение таково: в смешанных Соборах обсуждать и решать вопросы всем вместе; постановление таких соборных решений идут на утверждение епископата. Но кроме этого, вопросы внутренней жизни епископов должны решаться специально епископским составом»⁷⁸, – находил компромиссное решение В.З. Завитневич. Хорошо знакомый с предсоборной работой В.Н. Бенешевич подчёркивал, что Собор 1917 г. созван «при исключительных политических условиях жизни»⁷⁹, а потому в его функции не входит решение догматических вопросов или суд на епископами, так что в Уставе специально не определялись особые права епископата. Тем не менее в завершение четырнадцатого заседания Собор постановил расширить статью 64 Устава, касавшуюся прав епископата, и даже создать для выработки точной редакции статьи комиссию в составе епископа Феофана (Быстрова), епископа Андроника (Никольского), епископа Пахомия (Кедрова), В.Н. Бе-

⁷⁴ ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 217. Л. 68 об.

⁷⁵ Там же. Л. 70.

⁷⁶ Там же. Л. 78—78 об.

⁷⁷ Там же. Л. 78 об.

⁷⁸ Там же. Л. 79 об.

⁷⁹ Там же. Л. 79 об. – 80.

нешевича, А.В. Флоровского, Ф.И. Мищенко, П.Д. Лапина, В.А. Демидова и В.И. Зеленцова⁸⁰.

Как было доложено на пятнадцатом заседании Отдела 12 октября 1917 г., «Комиссия после долгих и всесторонних рассуждений пришла к тому заключению, что права Совещания Епископов представляется необходимым расширить лишь в отношении судебных дел в том смысле, что из состава Совещания выделяется коллегия из 12 епископов по избранию Собора для производства суда над епископами и решение коллегии оглашается на Соборе для сведения»⁸¹. Статью 64 о компетенции Совещания епископов подвергли небольшой редакционной правке, убрав из неё уточнение «правилодательное или основоположное» в отношении рассматриваемых соборных постановлений⁸².

Но на этом деятельность комиссии не была завершена. На шестнадцатом заседании Отдела 13 октября 1917 г. профессор В.Н. Бенешевич огласил её предложения о включении в Устав дополнительных статей. Предположено было создать в структуре Собора новый отдел – «Отдел определений в области вероучения, нравоучения, богослужения и церковной дисциплины»⁸³, причём его членами могли быть только епископы. Комиссия (названная далее в тексте протокола Отдела подотделом!) в то же время предупреждала, что «может получиться противоречие с общей конструкцией Устава. Ведь при том положении вещей, когда Совещание Епископов выносит решение, а на Соборе это решение только провозглашается, несомненно сильный удар наносится Собору в целом как органу полноправной церковной власти. Часть Собора – епископская – действует активно, а другая – клир и миряне – являются отчасти совещательным органом, а отчасти как бы только присутствуют на том, как действуют епископы»⁸⁴. На семнадцатом заседании 16 октября 1917 г. шло обсуждение предложенных комиссией статей. Было постановлено предметы вероучения, богослужения, нравственности и церковной дисциплины «признать подлежащими окончательному определению Совещания Епископов»⁸⁵. Также Отдел постановил создать на Соборе Отдел вероучительных определений с участием в нём не менее трети состава епископов⁸⁶.

На восемнадцатом заседании Отдела 18 октября 1917 г. по предложению В.П. Шеина была избрана согласительная комиссия с Отделом о высшем церковном управлении (в дополнение к аналогичной комис-

⁸⁰ ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 217. Л. 80 об.

⁸¹ Там же. Л. 82.

⁸² Там же. Л. 84 об.

⁸³ Там же. Л. 86.

⁸⁴ Там же. Л. 87 об.

⁸⁵ Там же. Л. 95.

⁸⁶ Там же. Л. 95 об.

ции этого отдела) для обсуждения вопроса о значении и правах Епископского совещания⁸⁷, где стали рассматривать тот же вопрос. Рассматривали и принципы организации на Соборе епископского суда. Основания его регламентации очень чётко определил В.П. Шеин, задав риторический вопрос: «В нашем церковном строе последних двух веков суда над епископами не было, а был произвол. И теперь нет суда, поэтому и надо в интересах переживаемого момента выяснить, что лучше: произвол или создать, хотя бы и несовершенный, суд, но все же суд, гарантирующий до некоторой степени епископское правосудие?»⁸⁸. Отдел одобрил решение об образовании судной инстанции из епископов для суда над епископами.

На тринадцатом заседании Отдел рассматривал переданное из Соборного Совета заявление об ограничении прений по докладам Отделов на пленарных заседаниях двумя ораторами за и двумя против. Большинство было за ограничение прений, но не количеством ораторов, а каким-то другим путём: временем, форматом дискуссии и т.п. В результате Отдел отказался ограничивать число ораторов, участвующих в прениях⁸⁹. Также в заключительной части тринадцатого заседания Отдел постановил запретить посторонним лицам (не членам Собора) участвовать в заседаниях отделов. Исключения, по мнению членов Отдела, могли делаться только с личного разрешения председателя любого из отделов⁹⁰.

На девятнадцатом заседании 26 октября 1917 г. Отдел обсуждал план дальнейших своих работ. Особенно актуальным его членам представлялось «создание при Соборе самостоятельного и независимого от других отделов Комитета для ведения ревизионной работы в разных областях деятельности всех учреждений Святейшего Синода»⁹¹. Задача диктовалась выявившейся в разных отделах необходимостью системно ознакомиться с тем, что происходило в «ведомстве православного исповедания» в период, непосредственно предшествующий началу работы Собора. Отдел предложил внесение в Устав Ревизионного комитета как соборного подразделения для высшего надзора «за деятельностью всех учреждений и лиц, состоящих в ведомстве православного исповедания»⁹². «В состав Комитета входят 30 членов Собора, обладающих знаниями по вопросам административным, финансовым и хозяйственным и практически знакомых с ведением церковного хозяйства». Избирать их предполагалось непосредственно на Соборе, а регламентировать их работу особым уставным определением, которое бы принял Собор.

⁸⁷ ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 217. Л. 99.

⁸⁸ Там же. Л. 101 об.

⁸⁹ Там же. Л. 72 об.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же. Л. 108–108 об.

⁹² Там же. Л. 109.

Конструирование такого надзорного органа стало последним деянием Уставного отдела в первую сессию.

На единственном заседании Отдела во вторую соборную сессию 23 февраля (8 марта) 1918 г. было заявлено, что «теперь работа по пересмотру Устава нынешнего Собора в значительной мере потеряла свое практическое значение... Собор седьмой месяц работает на основании этого устава, и положения последнего не оспариваются». По вопросу о выработке Устава будущих Соборов члены Отдела констатировали безвыходное положение. «Каждый Собор должен соответствовать современным ему условиям государственной и церковной жизни, и не зная, как сложатся эти условия, вносить в положение о созыве и в Устав будущего Собора гадательные предположения и покрывать их авторитетом нынешнего Собора нецелесообразно»⁹³. В связи с этим Отдел постановил дальнейшую уставную деятельность по изменению Устава вести в рамках работы Отдела о высшем церковном управлении. Правда, как позднее, в начале третьей сессии Собора, отмечал в своей записке от 2 (15) июля 1918 г. на имя В.П. Шеина делопроизводитель Уставного отдела Ф.И. Виноградов, это фактически было самоуправством, так как было осуществлено без санкции на то Собора, а «никакое учреждение, открытое по инициативе высшего установления, не может прекратить свою работу или ситься с своей деятельностью с другим учреждением, без соответственного разрешительного акта той власти, которою оно образовано»⁹⁴.

21 июля (3 августа) 1918 г. Н.Д. Кузнецов и ещё 50 членов Собора подписали заявление о необходимости дополнить соборный Устав положением о выбытии из Соборного Совета его членов, не посещавших заседаний президиума более месяца. Автор заявления профессор Кузнецов обосновывал необходимость принятия такого положения тем, что Соборный Совет может оказаться «в неполном числе» и это «может вредно отражаться на [его] деятельности»⁹⁵. В подтверждение приводился пример из текущей работы Собора: «В настоящее время, наприм[ер], в Соборном Совете за отсутствием до сих пор не принимают участие митрополиты Платон [Рождественский] и Антоний [Храповицкий], протоиерей [Александр Петрович] Рождественский и член Собора [Петр Павлович] Кудрявцев»⁹⁶. 23 июля (5 августа) 1918 г. Соборный Совет постановил предложить Собору направить это заявление в Уставный отдел для срочного рассмотрения⁹⁷. Собор отправил заявление в Отдел⁹⁸, который изучил вопрос и заготовил по нему доклад. До-

⁹³ ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 217. Л. 115 об.

⁹⁴ Там же. Л. 134 об.

⁹⁵ Там же. Д. 642. Л. 1.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же. Л. 3.

⁹⁸ Там же. Л. 4.

кладчиком был определен член Собора П.И. Астров. Отдел предлагал по аналогии с избранием заместителей к членам Священного Синода и Соборного Совета ввести в Устав новую статью об избрании заместителей к членам Соборного Совета: двух епископов, двух клириков и двух мирян, «которые исполняют обязанности членов Соборного Совета во время отсутствия их из Москвы»⁹⁹. Собор на 145-м пленарном заседании 3 (16) августа 1918 г. принял это предложение и пополнил Устав статьей, получившей в обновленной редакции номер 56¹⁰⁰.

Последним вопросом, который рассматривался Уставным отделом в третью сессию Собора, ставшую также последней, стало продление полномочий членов Собора. Рассмотрение проходило совместно с Отделом о высшем церковном управлении и было отражено в «Журнале № 23 соединенного заседания». 82 члена Собора требовали в своём заявлении: «Ввиду затруднительности при условиях современной действительности созывать новые епархиальные собрания для выборов членов Собора и возможной необходимости срочного созыва Собора принять постановление о том, что члены Церковного Собора, созыва 1917 г., сохраняют свои полномочия до созыва нового Собора». Их предложение после обсуждения вылилось в проект двух Отделов в трех пунктах о том, что члены Собора 1917–1918 гг. сохраняют свои полномочия до созыва нового, что патриарх имеет право созвать Собор в том же составе в любой момент, что члены Собора могут на этот же период участвовать во всех местных церковных собраниях с решающим голосом¹⁰¹.

Выводы. В результате своей работы Уставный отдел провёл ревизию Устава, разработанного накануне Собора, летом 1917 г. Большая часть статей предсоборной редакции была одобрена без изменений. По многим развернулись серьезные и довольно интересные дискуссии, потребовавшие даже в некоторых случаях создания комиссий.

Работа Отдела была неравномерной и нестабильной. Небрежно осуществлялось делопроизводство Отдела. Несколько протоколов осталось неподписаными всеми теми лицами, кем должны были подписываться, что резонно ставило под сомнение значение их как юридических актов¹⁰². Некоторые решения, вынесенные Отделом, вроде создания в структуре Собора Отдела вероучительных определений оказались проектировщиком, сотрясанием воздуха.

Практические результаты работы Уставного отдела, отражённые в его протоколах, свидетельствуют, что само его создание в соборной структуре было похоже на ошибку. Несмотря на напряжённые труды, понесённые его членами, в особенности В.П. Шеиным, их скорее стоит

⁹⁹ ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 642. Л. 6.

¹⁰⁰ Там же. Л. 8.

¹⁰¹ Там же. Д. 217. Л. 155 об.

¹⁰² Там же. Л. 134 об.

назвать напрасными. Отчасти они содействовали средостению между епископатом и примыкавшими к ним консервативно настроенными ми-рянами, с одной стороны, и свободно мыслящей профессурой и клиром, с другой стороны. Средостение это не укрепляло соборного единства, которое на тот момент было объективно необходимо Русской Церкви, а, напротив, размежевывало соборян. Вопросы корректировок Устава мог бы вполне обсуждать Соборный Совет, а принимать общее собрание Собора. В этом смысле работа Уставного отдела была похожа на пятое колесо в соборной телеге.

Только принятые в третью сессию совместно с Отделом о высшем церковном управлении положения о продлении полномочий членов Собора получили силу соборного определения – стали каноном¹⁰³. Готового устава для будущих Поместных Соборов Русской Церкви Отдел не разработал. В то же время и сам Устав 1917 г., и соборная рефлексия над ним способны стать в будущем живительным материалом для соборного творчества Поместных Соборов XXI в.

Список литературы:

1. Дестивель И., священник. Поместный Собор Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. и принцип соборности. М., 2008.
2. Звонарев С., протоиерей. Высшая власть и управление в Русской Православной Церкви в XX – начале XXI века. Сергиев Посад, 2023.
3. Илюхина О. А. Обзор фонда Государственного архива Российской Федерации Р-3431 «Всероссийский церковный собор (Священный собор). 1917–1918» // Человеческий капитал. 2023. № 5 (173). С.
4. Schulz G. Das Landeskonzil der Orthodoxen Kirche in Rußland 1917/18 — ein unbekanntes Reformpotential. Göttingen, 1995.

Об авторе:

МРАМОРНОВ Александр Игоревич – кандидат исторических наук, доцент, руководитель Некоммерческого партнерства по защите и сохранению объектов культурного наследия «Спасское дело», (442823, Пензенская область, Колышлейский район, с. Старая Потловка, ул. Светлая, д. 1), e-mail: mramornov@gmail.com

¹⁰³ О полномочиях членов Собора 1917–1918 гг. // Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1918. Вып. 4. Приложение к «Деяниям» второе. С. 9.

ACTIVITIES OF THE CHARTER DEPARTMENT OF ALL-RUSSIAN LOCAL COUNCIL 1917–1918

A.I. Mramornov

Non-Profit Partnership for the Preservation of Objects of Cultural Heritage
«Spasskoe delo», Staraya Potlovka village, Penza region, Russia

The article examines the history of the work of the Department of the All-Russian Local Council of 1917–1918, which was engaged in editing and developing the Cathedral Charter. For the first time, materials from the archival files of the Statutory Department are introduced into scientific circulation. The place and role of the Department and its members in the cathedral works as a phenomenon of church life in the era of the revolution and the beginning of the Civil War are revealed. The Department addressed issues of the practical implementation of the principles of conciliarity, the relationship between the influence of the episcopate, clergy, and laity on cathedral decisions. The effectiveness of the Department turned out to be weak: a new version of the Charter as something whole and complete was not prepared. Despite the interconnection of the work of all the departments of the Council, the activities of the Statutory Department remained "a thing in itself." Although the history of the consideration of cathedral charters in the Russian Church was further interrupted, a reserve was left for its resumption in due time.

Keywords: Local Council, 1917–1918, Holy Council, Pre-Conciliar Commission, Charter Department, Hieromartyr Sergius (Vasily Pavlovich Shein), Metropolitan Iakov (Pyatnitsky), Civil War in Russia, salary, daily allowance, higher church administration, dioceses, powers of the delegates.

About the author:

MRAMORNOV Alexander I. – Non-Profit Partnership for the Preservation of Objects of Cultural Heritage «Spasskoe delo», (Svetlaya str., 1, Staraya Potlovka village, Kolyshley district, Penza region, 442823), mramornov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4280-3752>

References:

- Iakov (Pyatniczkij), archbishop, *Ozhidaemyi sobor Vserossiiskoi tserkvi 1906 g. i predmetы ego zaniatiy [The expected council of the All-Russian Church in 1906 and the subjects of its studies]*, Yaroslavl, 1906.
- Iliukhina O.A., *Obzor fonda Gosudarstvennogo arkhiva Rossiiskoi Federatsii R-3431 «Vserossiiskii tserkovnyi sobor (Sviashchennyi sobor). 1917–1918» [Review of the collection of the State Archives of the Russian Federation R-3431 «All-Russian Church Council (Holy Council). 1917–1918»]*, Chelovecheskij capital, 2023, № 5 (173).

Zvonarev S., protoierei, *Vysshaia vlast' i upravlenie v Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v XX – nachale XXI veka* [Supreme power and governance in the Russian Orthodox Church in the 20th – early 21st centuries], Sergiev Posad, 2023.

Статья поступила в редакцию 23.07.2024 г.

Подписана в печать 24.09.2024 г..

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(4)“375/1492”

DOI 10.26456/vthistory/2024.3.075–088

ЧАША СИДОНИЯ, КУБОК ЭННОДИЯ И КОЛЬЦО АВИТА: ЭКФРАСИС В ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

Е.В. Литовченко

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Россия

Настоящее исследование посвящено анализу содержания и исторического контекста трех экфрасисов, авторами которых выступали позднеантичные интеллектуалы – Сидоний Аполлинарий, Авitus Виеннский и Эннодий. Кроме того, автор ставит своей целью определение роли данных риторических образцов в духовной культуре V–VI вв. н. э. Основными источниками исследования выступают эпистолярные коллекции Сидония и Авита, эпиграммы Эннодия, которые впервые переведены с латинского на русский язык. Автор приходит к выводу, что позднеантичные литераторы следовали нормам классической риторики, используя экфрасис (описание предмета искусства в литературном тексте) как один из художественных приёмов риторики, применяя для сохранения и передачи потомкам достижений античной литературы. Приём использовался как в качестве способа поддержания римской идентичности в её противопоставлении варварскому миру, так и в качестве возможности продемонстрировать свою риторическую подготовку, тем самым позиционируя себя как представителя высокой культуры.

Ключевые слова: поздняя античность, риторика, экфрасис, Сидоний Аполлинарий, Авitus Виеннский, Эннодий.

Интеллектуалы позднеантичной эпохи, взращённые в риторической традиции, применяли полученные навыки в литературном творчестве и переписке. Одной из важных целей *otium litteratum* (литературный досуг) выступала самопрезентация. Авторы позиционировали себя как представителей интеллектуальной элиты, хранителей классической культуры, демонстрируя свою образованность и эрудицию в свободном владении риторическим искусством. Для интеллектуалов античной цивилизации было очень важно обладать навыками красноречия и литературным талантом, поскольку хорошие ораторы могли рассчитывать на успешную карьеру и расценивались как *boni viri* («хорошие люди») (Квинтилиан писал, что «хорошо говорить может только хороший человек» (*Nam et orationis omnes*

virtutes semel complectitur et protinus etiam mores oratoris, cum bene dicere non possit nisi bonus)¹.

Риторическая техника включала в себя разнообразные приемы, сложившие, в том числе, и для поддержания коммуникации (см., например, Litovchenko E.V. Captatio benevolentiae in Late Antique Epistolography as a Means of Preserving Communication of the Intellectual Elite // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 4 (59). С. 11–17; Она же. «Объятия писем»: текстовые механизмы коммуникации в позднеантичных эпистолярных сетях // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2023. Т. 9. № 4. С. 159–177); одним из них был экфрасис – описание предмета искусства в литературном тексте, поэтическом или прозаическом. Предметом описания могли выступать люди, животные, пейзажи, сражения, предметы искусства или повседневного пользования. С помощью экфрасиса один вид искусства (литература) устанавливает связь с другим видом (фреска, мозаика, скульптура, предметы декоративно-прикладного искусства), определяя через описание его сущность и форму и при этом непосредственно воздействуя на аудиторию живостью освещения.

Как риторический приём, который делает слушающего «видящим», экфрасис любого предмета теоретически направлен на создание эффекта, аналогичного эффекту произведений живописи или скульптуры. Таким образом, связь между словом и изображением в экфрасисе миметична (Дионисий Галикарнасский сформулировал собственную позицию относительно мимесиса, ознаменовавшую собой отход от концепции мимесиса Аристотеля, которая была связана исключительно с «имитацией природы». Дионисий расширил предмет мимесиса за счет добавления «подражания другим авторам»; латинские риторы приняли предложенный литературный метод имитации Дионисия, руководствуясь им в своей писательской деятельности.)², но не в смысле «создания копии», а в том смысле, что вербальный экфрасис действует, как картина, визуализируя текст³.

Отметим также и связь экфрасиса с материальными объектами в случаях, когда текст содержался на каком-либо предмете утилитарного назначения. Вообще, оставлять надписи и подписи для цивилизации «устного и письменного слова»⁴, как определяют античность, было крайне характерно, Р. Макмаллен даже называет это стремление «эпиграфической привычкой»⁵. Тексты на объектах (надписи) и объекты в текстах (экфра-

¹ Quint. Inst. Orat. II. 15, 34.

² Dion. Hal. Imitatio.

³ Webb R. Ekphrasis, imagination and persuasion in ancient rhetorical theory and practice. London, 2009. P. 194.

⁴ Дорофеев Д.Ю. Личность и коммуникации. Антропология устного и письменного слова в античной культуре. СПб., 2015. С. 13–39.

⁵ MacMullen R. The Epigraphic Habit in the Roman Empire // American Journal of Philology. 1982. 103(3). P. 233–246; также см.: Meyer E.A. Explaining the Epigraphic Habit in the Roman Empire: The Evidence of Epitaphs // Journal of Roman Studies. 1990. 80. P. 74–96.

сис), по мнению Х. Мередит, представляют собой два вида античных источников, которые связывают искусство (литературный текст) и материальную культуру⁶. Исследователь считает, что экфрасис – это, по сути, анимированный образ в пара-нarrативе (пара-нarrатив – любая история или рассказ, включающийся в канву основного повествования)⁷; на наш взгляд, уместнее обозначить данное явление как образ в образе (или «отражение отражения»⁸), поскольку речь идёт об описании, вставленном в текст основного произведения – поэмы, письма и т. п., однако в некоторых случаях экфрасис является самостоятельным литературным произведением, как у Эннодия.

Экфрасис как приём очерчен в «Прогимназмате» (лат. *praeexercitamina*), учебнике риторики Афтония⁹, друга известного ритора IV в. Либания. Самый масштабный пример античного экфрасиса можно найти в «Изображениях» Филострата Лемносского, где описаны 64 картины одной из вилл неаполитанского залива¹⁰. Известны также поэтические описания предметов – щита Ахилла в «Илиаде» Гомера (Il. 18, 478-609), Геракла у Гесиода (Sc. 139–320) (поэма приписывается Гесиоду, хотя есть определённые сомнения в этом, возникшие ещё в античную эпоху у библиографа Аристофана Византийского¹¹), Энея у Вергилия (Aen. VIII. 617–731), Кренея у Стация (Theb. IX. 332-338), гобелена Арахны в «Метаморфозах» Овидия (Met. VI. 103-128) и других описаний, «выполняющих функцию визуализации»¹².

Одним из маркеров культуры позднеантичной эпохи считается стремление интеллектуалов сохранить наследие классиков, следуя тем литературным канонам, которые были заложены ещё Цицероном, Вергилием и другими авторами прошлого, поэтому от примеров классического экфрасиса перейдём к рассмотрению бытования данного приёма в позднеантичной литературе на примере трёх экфрасисов – чаши Сидония, кубка Эннодия и кольца Авита. Наша цель – проанализировать содержание и контекст интересующих нас произведений и определить их роль в письменной традиции и культуре V–VI вв. н.э.

Специфика позднеантичного экфрасиса сама по себе и в сравнении с классическими образцами не раз становилась предметом специального исследования, однако чаще всего авторы сосредотачиваются либо на фено-

⁶ *Meredith H. Animating Objects: Ekphrastic and Inscribed Late Antique Movable Material Culture // Facta.* 2009. No3. P. 35.

⁷ См.: *Meredith H. Animating Objects... P. 35.*

⁸ См.: *Власов В.Г. Экфрасис // Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства.* В 10 т. СПб. Т. X, 2010. С. 658.

⁹ *De Theone, Hermogene, Aphthonioque Pro-gymnasmatum Scriptoribus. Virceburgi, 1884.* 52 S.

¹⁰ *Philostratus Maior: Imagines. Lipsiae, 1893.*

¹¹ См.: *Janko R. The Shield of Heracles and the Legend of Cycnus // The Classical Quarterly, New Series.* 1986. 36(1). P. 39.

¹² *Webb R. Op. cit. P. 3.*

мене экфрасиса вообще¹³, либо анализируют образцы отдельных авторов, например, Сидония¹⁴ или Эннодия¹⁵. Анализ описания кольца Авита нам до сих пор не встречался.

Добавим ещё несколько слов о специфике того отрезка времени, к которому принадлежали наши авторы. Интересующие нас литературные «поделки» появились в промежутке между 467 и 512 гг. Письмо Сидония со строками для чаши датируется 467 г., Авitus пишет о кольце вскоре после 507 г., эпиграммы Эннодия датировать сложнее: стихи, скорее всего, появились в миланский период его жизни, когда он активно занимался творчеством, а это время между 494 и 510 гг., до его рукоположения в епископы, которое состоялось в 512 или 513 г., что прибавляет ещё три года. В любом случае очевидно, что нас интересует временной отрезок в 40–45 лет, от 467 до 512 г. Этот небольшой в масштабах истории период вместили в себя события глобального характера: вторжения варваров, падение Западной Римской империи в 476 г. и образование варварских королевств. Результатом этих событий становится политическая нестабильность в весьма подвижных границах новых государственных образований, когда основным вопросом для римской элиты становится проблема выживания и сохранения своего имущества. В духовном плане деятельность римской интеллектуальной элиты была направлена на поддержание высокого уровня латыни, её сбережения от проникновения варваризмов. Христианство также выступало стабилизирующим фактором, объединяя разношерстное население настоящих и бывших провинций Западной империи и обеспечивая возможность представителям римской элиты проявлять себя на высоких церковных постах. Такая историческая обстановка и стала контекстом для создания указанных экфрасисов.

Все три описания роднит прежде всего материал, на котором были представлены изображения, нашедшие верbalное отражение в стихах и

¹³ *Meredith H. Animating Objects: Ekphrastic and Inscribed Late Antique Movable Material Culture // Facta.* 2009. No3. P. 35–64; *Id. Word Becomes Image: Openwork Vessels as a Reflection of Late Antique Transformation.* Oxford, 2015. 289 p.; *Webb R. Ekphrasis, imagination and persuasion in ancient rhetorical theory and practice.* London, 2009. 238 p.; *Visible Writings: Cultures, Forms, Readings / M. Dalbello and M. Shaw (eds.). New Brunswick,* 2011. 336 p.

¹⁴ *Lobato J.H. Vel Apolline Muto: Estética y poética de la Antigüedad Tardía.* Bern, 2012. P. 493–518; *Guipponi-Gineste M.-F. Poème-bijou et objet précieux: La merveille entre esthétique, épistologique et politique dans la correspondance de Sidoine Apollinaire (Epist., IV, 8) // Présence de Sidoine Apollinaire / R. Poignault and A. Stoehr-Monjou (eds.). Clermont-Ferrand,* 2014. P. 245–258; *Leatherbury S.V. Writing (and reading) Silver with Sidonius: the material contexts of late antique texts // Word & Image.* 2017. 33(1). P. 35–56.

¹⁵ *Di Rienzo D. Tema e variazioni: Il ciclo di Pasifae e il toro (carm 2, 25; 29–31; 103) // Atti della prima Giornata Ennodiana / F. Gasti (ed.). Pisa,* 2001. P. 109–118; *Id. Gli Epigrammi di Magno Felice Ennodio.* Naples, 2005. 264 p.; *Armstrong R. Pasiphae in the Eclogues and Ars Amatoria // Cretan Women: Pasiphae, Ariadne, and Phaedra in Latin Poetry.* Oxford, 2006. P. 171–177; *Wasyl A. M. The Future Bishop and Pasiphae. Asceticism, Corporeality, and the Secular in Ennodius's Poetry // Athenaeum.* 2018. 106(2). P. 607–618; *The poetry of Ennodius / Mulligan B. (transl., intr., notes).* London&New York, 2022. 266 p.

прозе. Речь идёт о серебряной чаше, кубке из того же металла и кольце из электрума. Экфрасис Сидония украшает стенки чаши, Эннодия – визуализирует изображение на дне сосуда, описание кольца Авит даёт в одном из своих посланий брату. Таким образом, во всех трёх случаях описание связано с конкретным материальным предметом, правда, относительно кольца речь идёт о проекте будущей драгоценности.

Очевидно, что использование экфрасиса как классического риторического приёма служило связи поколений и способствовало передаче знаний античности зарождающейся средневековой европейской цивилизации. При этом каждый случай избранных нами для анализа экфрасисов уникален сам по себе и является отражением социально-политической и культурной ситуации, сложившейся в периоды жизни трёх авторов.

Интересующие нас литераторы были представителями высшего социального слоя позднеантичного общества, выбравшими в определенный момент путь церковного служения: Сидоний (ок. 430 – ок. 486) на посту епископа Клермона, Авит (ок. 450 – ок. 518) – во Вьенне, Эннодий (ок. 473 – 521) – в Павии. При этом их литературная деятельность продолжалась на протяжении всей жизни, в частности, в поэзии и в корреспонденции, как личной, так и деловой. Проанализируем каждый из экфрасисов и попытаемся определить, какие цели преследовали позднеантичные авторы.

В одном из своих писем Сидоний повествует о серебряной чаше, предназначеннной для подарка королеве Рагнаильде (*Sid. Ep. IV. 8, 4-5*). Предыстория рождения этого экфрасиса такова: один из друзей Сидония, Эводий, обратился к нему с просьбой написать эпиграмму из двенадцати строк, подходящую для того, чтобы выгравировать её на большой чаше в форме раковины (*concha*), «рифленой шестью канавками, извивающимися от круглого основания до конца их извилистого хода по сторонам, где расположены ручки» (*IV. 8, 4*). Подобные сосуды были не редкостью в позднеантичное время, а их форма говорит о функциональном назначении – такие чаши использовались для омовения рук и лица (таковы, например, Эсквилинские сокровища (древнеримский клад позднеантичных серебряных изделий IV века, который был найден в 1793 году на Эсквилинском холме в Риме); экспонируются в Британском музее¹⁶). Эта серебряная вещь должна быть вручена жене Эвриха, королеве Рагнаильде, чтобы обеспечить её покровительство Эвидию. Подобного рода предмет обихода расценивался как показатель роскошной жизни, символ богатства и престижа, так что сделать такой подарок королеве было не зазорно.

В своём письме Сидоний заявляет, что он намеревается начертать двенадцать рифмованных строк либо на гребнях, либо в углублениях канавок, чтобы, поворачивая чашу, можно было прочитать стихотворение полностью. Приводим перевод этих строк (здесь и далее перевод с латинского

¹⁶. Об этом см., например, *Munksgaard E. Late Antique silver // Early Medieval Studies*. 1987. Vol. 21. P. 82–84.

на русский язык сделан нами. – Е.Л.; ради сохранения рифмы автор позволил себе близкую к тексту оригинала литературную обработку):

*Вот рыбохвостый Тритон
Витую нериту влечет,
И этот морской фаэтон
Цитеру-богиню везет.
Вся красота той девы
Уступит Эводия дару,
Молю тебя, королева,
Прими этот скромный подарок.
Склонившись к нему на минутку,
Его возвеличишь ты разом,
Тем самым свою же славу
Умножишь таким наказом.
Величье твое, несомненно:
Муж, тесть и отец – все цари
И сын твой, непременно,
Монаршую жизнь повторит.
Пусть эти счастливые воды,
Налиты в блестящий металл,
Сияньем лица королевы,
Сразят серебро наповал.*

Мы видим, что Сидоний восхваляет происхождение, щедрость и красоту королевы, которая даже более великолепна, чем Венера, и проецирует будущее, рисуя перспективу, в которой сын Рагнахильды, Аларих II, продолжает чтить клиентские отношения, сложившиеся при его матери и скрепленные даром чаши. Таким образом, эжфрастический стиль позднеантичного интеллектуала выполняет своё прямое назначение, позволяя представить в деталях описываемый предмет, при этом Сидоний умудряется решить сразу несколько задач: воздать почести красоте и мудрости королевы и ее монаршему роду, представить Эводия и облечь в слова великолепие серебряного дара, как пишет Шон Лизербери: «В мире Сидония слова могут плавно перемещаться от … словесного к визуальному, заставляя читателей не просто «читать» текст на чаше или в письме», а «видеть» сам предмет¹⁷.

В конце послания Сидоний просит скрыть его авторство, утверждая, что вестготский двор оценит слова его поэмы меньше, чем вес и блеск серебряной чаши, на которой она начертана (IV. 8, 5). Отрицая свой собственный текст, он на самом деле подчёркивает его, прозрачно намекая, что если вестготы предпочтут драгоценный металл стихам, то настоящие римляне (интеллектуалы) должны оценить текст больше материального предмета¹⁸.

¹⁷ Leatherbury S.V. Writing (and reading) Silver with Sidonius: the material contexts of late antique texts // Word & Image. 2017. 33(1). P. 50.

¹⁸ Ibid. P. 48.

Тот факт, что литературные умения ценятся выше, чем ремесленные, подтверждается и в той части письма, где Сидоний упрекает Эводия в том, что он дал серебряных дел мастеру больше времени, чем поэту, а ведь не секрет, что стихи, отлитые на метрической наковальне (*Incus metrica* – поэтическая метафора, заимствованная римскими поэтами (Гораций, Овидий) у греков¹⁹), нуждаются в полировке не менее сильно, чем любой металл (IV. 8, 5). Сидоний имеет в виду, что требуется надлежащее количество времени, чтобы сделать, украсить и отполировать успешное произведение, и поэтому оно, несомненно, значимее, чем сама чаша. Судя по всему, поэт был недалёк от истины, хотя и проявлял галло-римский снобизм по отношению к вестготам, но, памятуя о том, что он получил прощение Эвриха, сославшего Сидония за оборону Клермона, именно за панегирик в честь короля, можно заключить, что риторические таланты нашего автора и впрямь почитались варварами, по крайней мере образованной частью королевского двора.

Обратимся теперь ко второму экфрасису, принадлежащему Авиту. Это описание епископского кольца-печатки, которое он желает заказать, данное в письме брату Аполлинарию, епископу Валанса (Avit. Ep. 87). Если текст Сидония – поэтический, так как он был признанным мастером рифмы, Авит позволил себе выразить мечты о кольце лишь в прозе.

Задумывая для себя это ювелирное изделие «из зелёного камня (изумруда) и бледного электрума (сплава серебра с золотом)», Авит дает четкие указания: «... кольцо с печатью, которое твоё благочестие соизволило... предложить мне, я хочу сделать в такой форме: довольно тонкое золотое кольцо, заканчивающееся миниатюрными дельфинами, соединёнными друг с другом. Пусть вращающаяся двойная печать будет установлена на пару шарниров (*duplicis forma geminus cardinalis inseratur*), которые могут по желанию изменять вид кольца, скрывая от глаз блеск зеленого камня за бледным электрумом. Пусть его цвет будет таким, который одинаково и незаметно выделяет розоватость золота, блеск серебра, драгоценность каждого из них, [отражает яркие отблески] факелов, и ценится искусствой приятностью зеленого в середине... Если ты спросишь, что должно быть выгравировано на печати: пусть знак моей монограммы, написанный в круге, будет прочитан как свидетельство моего имени. Кроме того, хвосты дельфинов, головы которых я описал выше, будут обхватывать середину кольца...» (Avit. Ep. 87).

Упоминая электрум, материал, из которого следует сделать кольцо, Авит рассуждает о том, что сплав должен быть высокой пробы, попутно вспоминая об отвратительном качестве вестготской чеканки. Некоторые исследователи полагают, что обесценивание вестготских монет могло быть одним из факторов, приведших к битве при Вуйе (507 г.)²⁰, когда Хлодвиг нанёс поражение Аларику II. После встречи в Амбуазе (Greg. Tur. II. 35)

¹⁹ Leatherbury S.V. Writing (and reading) Silver with Sidonius... P. 32.

²⁰ Wood I. The Merovingian Kingdoms 450-751. London, New York. P. 47.

Аларих должен был выплачивать дань Хлодвигу, которая в 506–507 гг., возможно, была отдана обесценившимися монетами. Если так, то этот факт хорошо согласуется с комментариями Кассиодора о незначительности истоков этой войны (Var. III. 1; III. 4).

В данном случае экфрасис Авита также многоцелевой: епископ делает заказ и поэтому даёт подробное описание кольца, он проявляет себя знатоком риторического искусства и по- aristократически свободно показывает, что ювелирное изделие является для него повседневностью. В подробном описании желанного перстня, отмечающего достоинство служителя церкви, без сомнения, проявилась тяга потомственного аристократа к драгоценностям. При этом он всё же оставил возможность выглядеть в глазах паства довольно скромным человеком, планируя использовать механизм и скрывать дорогой камень за простым золотом.

Магн Феликс Эннодий, епископ Павии, представляет то же поколение священнослужителей, не порвавших с классической литературой, что и Авitus. Одно из его стихотворений (Ennod. Carm. II. 25), вместе с несколькими другими текстами (Carm. II. 29–31, 103)²¹ (мы отобрали только одно стихотворение Эннодия о Пасифае, так как не ставили своей целью осветить весь этот цикл, нас интересует экфрасис как таковой и его роль в позднеантичной культуре, кроме того, трудно найти что-нибудь новое после того, как данная серия эпиграмм была неоднократна подвергнута анализу зарубежными коллегами: Р. Армстронгом, Д. Ди Риенцо, А. Вэсил и др.), описывает изображение на дне серебряного сосуда для питья (*caicus*), принадлежащего неназванному человеку. Это известный в античной мифологии сюжет, представляющий предысторию появления Минотавра в результате неестественной любви дочери Гелиоса, Пасифаи, и быка.

Согласно Диодору Сицилийскому (IV. 60), Вергилию (Eclog. VI. 5), Псевдо-Аполлодору (III. 1, 2–4) и Павсанию (VII. 4, 5), Посейдон заставил Пасифаю влюбиться в белого быка, присланного богом Миносу для принесения в жертву. Благодаря необычайной красоте животного Минос не захотел жертвовать его и оставил в своих стадах. Обуреваемая постыдной страстью, Пасифая доверила свой секрет Дедалу, знаменитому афинскому изобретателю, жившему в то время у Миноса. Учёный соорудил полую деревянную корову, обтянул конструкцию коровьей шкурой, приделал под копытами колеса и отвёз её на луг в окрестностях Гортиньи (Крит), где пасся Посейдонов бык. Внутри деревянной коровы поместилась Пасифая. Белый бык исполнил своё предназначение, и плодом этой внушенной богом страсти стал Минотавр – чудовище Лабиринта, державшее в страхе всех, кто о нем знал.

Вот как трактовал этот сюжет Эннодий:

*На дне искусного сосуда,
Созданного на века:
Стоит Пасифая на склоне,*

²¹ Magni Felicis Ennodii Opera omnia / W. Hartel ed. Vindobonae, 1882. P. 567.

Обнявшая шею быка.
Тот бык снежно-белый и дивный,
И ждет поцелуя она.
Пусть это всего лишь картина,
Но ярче она создана,
Чем дева из плоти и крови,
Дыша красотой и любовью.
А бык серебром весь сияет,
Собою свет дня затмевает.
Нет тел настоящих пред нами,
Лишь страсть меж двумя берегами:
Женщины из дворца
И снежного тельца.

Судя по этим строкам, Эннодий, по-видимому, был эстетом, любителем красоты и элегантности, содержащейся в мелочах, поэтому история любви Пасифаи и быка, представленная на дне сосуда, вдохновила его на этот образец экфрастической поэзии.

Помимо ювелирного риторического стиля позднеантичного автора (в эпиграммах Эннодия это прежде всего стихотворные размеры – элегический дистих и гекзаметр), это стихотворение интересует исследователей по двум причинам: внимание христианина и священнослужителя к античным мифологическим сюжетам и его отношение к языческой культуре, отразившейся в данном мифе.

Что касается первого момента, то случаи обращения христианских писателей к античным сюжетам далеко не единичны и не случайны, памятая сформулированный еще в III в. совет Климента Александрийского не пренебрегать античными сюжетами, а использовать их с целью извлечения христианской морали. Для иллюстрации достаточно вспомнить «Три книги о мифологии» христианского писателя времен вандальской Африки Фульгентия-Мифографа, который тщательным образом анализирует древние мифы, приходя порою к самым невообразимым и странным выводам, способствующим утверждению христианской морали (об этом см.: Литовченко Е.В. Фабий Планциад Фульгенций и первая рецепция античности // Научные ведомости БелГУ. Серия: История, политология, экономика. 2010. №19 (90). С. 53–57).

История Пасифаи расценивалась по-разному античными литераторами, и с оттенком сочувствия, и как «аморальная». Так, Еврипид с его особым стремлением как можно глубже раскрыть внутренний мир женщины, написал о безумии Пасифаи в сохранившейся фрагментарно трагедии «Критянки», где всю ответственность переложил на плечи небожителей: «Вы имеете полное право осудить меня как падшую женщину, но это не моя воля, я страдаю от насланного богом безумия» (Eur. Cret. 472)²².

²² Cretans in Euripides: Selected Fragmentary Plays, Vol. I. / C. Collard, M.J. Cropp, K.H. Lee (ed. with intr., transl. and comm.). Warminster, 1995. P. 53-78; Armstrong R.

Некоторые латинские писатели, не обязательно христианские, выражали моральное неодобрение, если не отвращение, в комментариях или интерпретациях сюжета о Пасифае, видя в нем воплощение худшего проявления женской страсти. Вергилий вроде бы сочувствующе называет Пасифаю «бедной женщиной», однако, «пришедшей на постыдное ложе скотского брака» (Verg. Eclog. VI. 45–50); Овидий более мягок в оценках, предпочитая винить в падении Пасифаи «свирепого Миноса»: «Не удивительно, нет, что тебе предпочтла Пасифая / Мужа-быка» (Ovid. Meth. VIII. 136–137)²³.

Самым радикальным в отношении к поступку Пасифаи выступил Луксорий, поэт и автор эпиграмм, живший в Карфагене в последние годы правления вандалов в VI в.: «Ей не помеха ни царская честь, ни страх перед мужем... / Рада любви запретной... / Чтоб, забыв стыд, утолить пыл, ибо зла страсть / Грешной похоти плод, рождается сын с двумя телами... » (Lux. Pas. 6, 17–20)²⁴ (Авторы отечественной коллективной монографии отнесли стихотворение к неизвестным поэтам, современная зарубежная историография утверждает авторство Луксория²⁵).

Таким образом, самая мягкая оценка грехопадения Пасифаи принадлежит христианину-священнослужителю Эннодию, который в данном случае выступает как поклонник красоты творения, как мы уже отмечали выше. Эта красота, воплощенная в кубке, отдельно взятое предмете, характеризуется и увеличивается посредством его итеративного описания (имеется в виду несколько эпиграмм, посвященных одному и тому же сюжету²⁶). Ею следует восхищаться, и не нужно обязательно интерпретировать с точки зрения «неразрешённого конфликта» между христианством и классической традицией. Язык классической традиции – это средство выражения, которое Эннодий использует не только для того, чтобы показать свою эрудицию, но и для описания человеческого мира таким, каким его воспринимает человек культуры²⁷. Заметим, что Эннодий более прогрессивен в оценке трагедии Пасифаи, чем многие его предшественники и современники.

Таким образом, мы рассмотрели три экфрастических образца: детальные изображения трех предметов создавались с разными целями, но это, безусловно, аллюзии на классический экфрасис. Сидоний оказал любезность другу и сочинил рифмованные строки для серебряного сосуда; Авит представляет в письме проект кольца, которое пристало носить епископу; Эннодий даёт описание известного мифологического сюжета, изоб-

Pasiphae in the Eclogues and Ars Amatoria // Cretan Women: Pasiphae, Ariadne, and Phaedra in Latin Poetry, Oxford, 2006. P. 171–177.

²³ Публий Овидий Назон. Метаморфозы / Пер. с лат. С.В. Шервинского. М., 1977. URL: <https://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1303001008#130>.

²⁴ Рус. пер.: Гаспаров М. Пасифая // Памятники поздней античной поэзии и прозы II–V века / Отв. ред. М.Е. Грабарь-Пассек. М., 1964. С. 182.

²⁵ См., напр.: Zurli L. Esegesi e critica del testo: Qualche esempio da Luxorius // Giornale Italiano di Filologia. 1993. 45. P. 29–46.

²⁶ The poetry of Ennodius... P. 17.

²⁷ Wasyl A. Op. cit. P. 617.

раженного на кубке из серебра; но на самом деле гораздо больше факторов, объединяющих мотивы создания позднеантичных экфрасисов.

Прежде всего, эти фрагменты свидетельствуют не только о любви их авторов к классической литературе, но и о желании сохранить её достижения для потомков на фоне всё более варваризирующегося Средиземноморского мира. Для этого авторы обращаются именно к классическим образцам и со всем тщанием следуют правилам риторики.

Во-вторых, умение сочинить экфрасис служило демонстрацией собственных познаний и таланта, чтобы показать себя знатоком античной традиции и мастером красноречия. Язык выступает здесь как способ обретения личностности и её манифестации. Самопрезентация – стремление представить себя с самой выгодной стороны – как ничто другое вдохновляла авторов на продолжение риторического труда.

В-третьих, следование классическим литературным традициям позволяло представителям высшего слоя позднеантичной аристократии сохранять свою идентичность, находя отдушину, своего рода укрытие в занятиях литературой, противостоя внешним невзгодам, оставаясь островками латинской культуры в варварском мире. С другой стороны, именно литература, риторические умения служили связующим звеном между варварами и римлянами, делая последних полезными членами нового общества: знания и умения образованных римлян можно было проявить на службе варварским королям, как это сделали в той или иной степени все три автора.

Наконец, поскольку *otium litteratum* являлся неотъемлемым элементом повседневной жизни поздней античности, изящная словесность сама по себе или же в текстах посланий служила, кроме того, средством коммуникации: с одной стороны, авторы экфрасисов имели повод отправить свой литературный «продукт» другим ценителям красноречия, с другой – тем самым побуждали читателей дать отзыв, чтобы оценить произведение. Таким образом, практиковались литературные навыки, не прерывалась связь между представителями интеллектуального сообщества, сохранялась преемственность с классической культурой.

Список литературы:

1. Власов В.Г. Экфрасис // Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства. В 10 т. СПб.: Азбука-Классика. Т. X, 2010. – 658 с.
2. Дорофеев Д.Ю. Личность и коммуникации. Антропология устного и письменного слова в античной культуре. СПб.: ЧОУ РХГА, 2015. – 639 с.
3. Armstrong R. Pasiphae in the Eclogues and Ars Amatoria, in Cretan Women: Pasiphae, Ariadne, and Phaedra in Latin Poetry, Oxford 2006.
4. Di Rienzo D. Tema e variazioni: Il ciclo di Pasifae e il toro (carm 2,25; 29–31; 103), in Atti della prima Giornata Ennodiana, Pavia, 29–30 marzo 2000, ed. Fabio Gasti (Pisa: ETS, 2001), 109–118.

5. *Di Rienzo D.* Gli Epigrammi di Magno Felice Ennodio (Naples: Dipartimento di filologia classica F. Arnaldi dell'Università degli studi di Napoli Federico II, 2005), 264 p.
6. *Guipponi-Gineste M.-F.* Poème-bijou et objet précieux: La merveille entre esthétique, épistique et politique dans la correspondance de Sidoine Apollinaire (Epist., IV, 8), in R. Poignault and A. Stoehr-Monjou, Présence de Sidoine Apollinaire, Clermont-Ferrand: Centre de recherches A. Piganiol-Présence de l'Antiquité, 2014. Pp. 245–258.
7. *Janko R.* The Shield of Heracles and the Legend of Cycnus // The Classical Quarterly, New Series. 1986. 36.1. P. 39
8. *Kennell S.A.H.* Magnus Felix Ennodius: A Gentleman of the Church (Ann Arbor: University of Michigan Press, 2000), 54–55.
9. *Leatherbury S.V.* Writing (and reading) Silver with Sidonius: the material contexts of late antique texts // Word & Image. 2017. 33(1). P. 35-56.
10. *Leatherbury S.V.* Writing, Reading, and Seeing Between the Lines: Framing Late Antique Inscriptions as Texts and Images in The Frame in Classical Art: A Cultural History, ed. Verity Platt and Michael Squire (Cambridge: Cambridge University Press, 2017 P. 544-582
11. *Lobato J.H.* Vel Apolline Muto: Estética y poética de la Antigüedad Tardía (Bern: Peter Lang, 2012), 493–518
12. *MacMullen R.* The Epigraphic Habit in the Roman Empire in American Journal of Philology 103, no. 3 (1982): 233–246;
13. *Meredith H.* Animating Objects: Ekphrastic and Inscribed Late Antique Movable Material Culture // Facta. 2009. No3. P. 35–64.
14. *Meredith H.* Word Becomes Image: Openwork Vessels as a Reflection of Late Antique Transformation. Oxford: Archaeopress, 2015. 289 p.
15. *Meyer E.A.* Explaining the Epigraphic Habit in the Roman Empire: The Evidence of Epitaphs, Journal of Roman Studies 80 (1990): 74–96.
16. *Mulligan B.* (transl., intr., notes) The poetry of Ennodius. London&New York: Routledge, 2022. 266 p.
17. *Munksgaard E.* Late Antique silver // Early Medieval Studies. 1987. Vol 21. P. 82–84.
18. *Wasyl A.M.* The Future Bishop and Pasiphae. Asceticism, Corporeality, and the Secular in Ennodius's Poetry. Athenaeum 106.2 (2018): 607–618.
19. *Webb R.* Ekphrasis, imagination and persuasion in ancient rhetorical theory and practice. London: Ashgate, 2009. 238 p.
20. *Wood I.* The Merovingian Kingdoms 450-751. London, New York, 2014. 408 p.
21. *Zurli L.* Esegesi e critica del testo: Qualche esempio da Luxorius // Giornale Italiano di Filologia. 1993. 45. P. 29–46.

Об авторе:

ЛИТОВЧЕНКО Елена Викторовна – доктор исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории, историко-филологический факультет, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, (308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85), e-mail: litovchenko@bsu.edu.ru

THE BOWL OF SIDONIUS, THE CUP OF ENNODIUS AND THE RING OF AVITUS: EKPHRASIS IN LATE ANTIQUITY

E.V. Litovchenko

Belgorod National Research Universit, *Belgorod, Russia*

This paper deals with the analysis of the content and historical context of three ekphrasis. The authors of these literary examples were Late Antique intellectuals – Sidonius Apollinaris, Avitus of Vienne and Ennodius. The author also aims to determine the role of these rhetorical patterns in the spiritual culture of the 5-6 centuries AD. The main sources of the research are the epistolary collections of Sidonius and Avitus, the epigrams of Ennodius, which were first translated from Latin into Russian. The author concludes that Late Antique writers followed the norms of classical rhetoric, using ekphrasis – a description of an object of art in a literary text, as one of the artistic techniques for preserving and transmitting to descendants the achievements of ancient literature. They practiced ekphrasis as a way of maintaining Roman identity in contrast to the barbarian world, and as an opportunity to demonstrate their rhetorical training, thereby positioning oneself as a representative of a high, refined culture.

Keywords: *Late Antiquity, rhetoric, ekphrasis, Sidonius Apollinaris, Avitus of Vienne, Ennodius.*

About the author:

LITOVCHEKO Elena Victorovna – Doctor of History, Associate professor, the Department of World History, the Faculty of History and Philology, Belgorod State National Research University, (308015, Belgorod, Pobedy str., 85), e-mail: litovchenko@bsu.edu.ru

References:

- Vlasov V.G., *Ekfrasis, Novyj enciklopedicheskij slovar' izobrazitel'nogo iskusstva*, V 10 t., SPb., Azbuka-Klassika, 2010. T. X. – 658 s.
Dorofeev D.Yu., *Lichnost' i kommunikaci. Antropologiya ustnogo i pis'mennogo slova v antichnoj kul'ture*, SPb., CHOU RHGA, 2015. – 639 s.

Статья поступила в редакцию 19.08.2024 г.

Подписана в печать 24.09.2024 г.

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(67)+055.2

DOI 10.26456/vthistory/2024.3.088–102

ПРОБЛЕМА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕПРИВАЦИИ ЖЕНЩИН В ОБЩЕСТВАХ ПОСТКО- ЛОНДИАЛЬНОЙ ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКИ В 1980–2000 ГОДАХ

К.А. Петров

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»,
г. Тверь, Россия

В статье анализируются проявления депривации женщин в экономической и политической жизни обществ постколониальной Тропической Африки в 1980–2000-х гг. На основе изучения периодических докладов африканских стран в Комитет по ликвидации гендерной дискриминации ООН, эссе и источников личного происхождения выявляются сферы депривации и причины отчуждённости женщин от различных способов трудовой и предпринимательской деятельности, возможностей владения имуществом и его наследования, низкого уровня представленности в институтах принятия политических решений. Автор делает вывод, что сложившиеся в предшествующие периоды развития стереотипы феминности и маскулинности сохранили в изучаемый период за женщинами традиционные роли матери и жены, несмотря на усилия национальных правительств по улучшению положения женщин.

Ключевые слова: депривация по признаку пола, положение женщин, постколониализм, Тропическая Африка.

С 1960 г. страны африканского континента вступили в принципиально новый период исторического развития, связанный с получением независимости от бывших стран-метрополий. В этих условиях правительства и общества должны были не только адаптироваться к новому статусу суверенных государств и полноправных участников международных отношений, но и осуществить кардинальную перестройку всех сфер общественной жизни. Одним из ключевых направлений трансформации стало проведение целенаправленной политики в отношении женщин, что стало особенно актуальным с 1980-х гг., то есть после принятия Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Более половины стран Тропической Африки подписало и ратифицировало данный документ уже в 1980-е гг. Сразу после включения в состав стран-участниц субсахарские государства в 1980–90-е гг. начали претворять в жизнь реформы, направленные на

улучшение положения женщин. В частности, этот процесс затронул экономическую и политическую подсистемы обществ. В данной статье осуществляется анализ положения женщин в экономике и политике субсахарского региона в 1980–2000-х гг. с целью выявление проявлений депривации как одного из элементов феномена гендерного насилия.

В отечественной историографии к вопросам экономического и политического статуса женщин обращались сотрудники Института Африки В.В. Грибанова, Н.В. Гришина¹, Л.Я. Прокопенко². В их работах внимание акцентировалось на современном положении женщин на рынке труда, в неформальном секторе экономики, уровне представленности женщин в парламентских структурах. Среди зарубежных авторов необходимо выделить работу южноафриканского политолога А.О. Энаифоге, изучавшего способы повышения политической активности женщин в контексте осуществления политики гендерного равенства³.

Политическая и экономическая сферы являются различными пространствами общественной жизни, тем не менее представляется необходимым их объединение в рамках данной статьи, поскольку проблема отчужденности от них женщин обуславливается сходными и взаимозависимыми причинами. Во-первых, необходимо отметить, что существенное влияние на любую внесемейную активность женщин оказывали особенности этнической культуры местных народов, а именно сохранявшиеся в постколониальный период стереотипы феминности, определявшие комплекс допустимых занятий. В частности, отмечается, что «женщины не способны работать на ответственных постах и не подходят для этого из-за семейных обязанностей»⁴. Сложность в сочетании многочисленных дел в домашнем хозяйстве и иной активности приводило к тому, что женщинам отказывали как в легальной трудовой деятельности на рынке труда, так и в занятии политических должностей. Кроме того, считалось, что «материальный достаток женщины не должен превышать определённых пределов или быть

¹ Грибанова В.В., Гришина Н.В. Специфика гендерных ролей в среде городского чернокожего населения ЮАР. История и современность // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2021. № 2. С. 93–103; Гришина Н.В. Гендерное неравенство в странах Африки южнее Сахары // Азия и Африка сегодня. 2015. № 3. С. 54–56.

² Прокопенко Л.Я. Гендерное равенство в политическом пространстве стран Юга Африки: успехи и проблемы становления // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24, № 1. С. 148–165; Её же. Динамика и проблема эффективности представительства женщин в парламенте (ЮАР и другие страны Юга Африки) // Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы : материалы всероссийской научной конференции РАПН с международным участием, Москва, 06–07 декабря 2019 года. М., 2019. С. 324–325.

³ Enaifoghe A. E. Exploring Africa political structure and the effort to improve women's struggle for representation in politics // Journal of Gender, Information and Development in Africa. 2019. Vol. 8. № 1. P. 257–277.

⁴ CEDAW. Combined initial, second and third periodic reports of States parties. Angola. 7 November 2002. Rep. UN CEDAW/C/AGO/1–3. P. 20.

больше, чем у ее супруга»⁵. Подобная точка зрения подкрепляет традиционные взгляды народов на гендерные роли женщин, которые должны прежде всего уделять внимание функциям, связанным с материнством и ведением домашнего хозяйства. Предпосылкой такого отношения также являются исторически сложившиеся виды трудовой деятельности женщин, которые занимались производством продовольственных культур в домашнем сельском хозяйстве, предназначенному для семейных нужд, в то время как мужчины выращивали продукцию на продажу и принимали решения на уровне общины или государства.

Во-вторых, следует указать на взаимовлияние депривированности в экономической и политической сферах. Для осуществления политической работы требовалось наличие свободных финансовых средств, не находившихся в доступе у женщин, поскольку они не имели возможности реализовывать себя в качестве наёмных работников или предпринимателей. В свою очередь, отсутствие женщин на политических постах приводило к замедлению политики гендерного равенства в экономике. Возникал замкнутый круг, в котором женщины оказывались отчужденными от самостоятельных источников финансового благосостояния и способов принятия решений.

В обществах Тропической Африки на постколониальном этапе сохранялось мнение, что женщина могла иметь возможность добиться успеха в профессиональной сфере, если отбросит свою женственность, став подобием мужчины. Прежде всего такую точку зрения транслировали сами женщины, которые на своём жизненном опыте убедились, что, сохранив женское поведение и привычки, они не смогут найти или сохранить рабочее место. Минна Салами, блогер из Нигерии, разбирает этот вопрос в одной из своих записей на личном интернет-портале. Отсылая читателей к работе Франца Фанона «Черная кожа, белая маска», автор выдвигает характерную для субсахарских женщин концепцию – «Женская кожа, мужская маска»⁶. Таким образом, Минна Салами говорит о том, что в традиционных африканских сообществах женщины определяются миром мужчин и, желая обрести в нём успех, сами вынуждены превращаться в них. Похожий эпизод в своём автобиографическом эссе приводит нигерийская писательница и активистка Ч.Н. Адичи: «В первый раз, когда я преподавала грамотность в выпускном классе, я волновалась. Не об учебном материале, потому что я была хорошо подготовлена и учила тому, что мне нравилось. Вместо этого я беспокоилась о том, что надеть. Я хотела, чтобы меня воспринимали всерьёз... Я очень хотела использовать свой блеск для губ и мою девчачью юбку, но решила, что не стоит. Я надела очень серьёзный, очень мужественный и невероятно уродливый костюм»⁷. Таким образом,

⁵ CEDAW. Sixth periodic report of States parties. Burkina Faso. 1 October 2009. Rep. UN CEDAW/C/BFA/6. P. 62.

⁶ Salami M. Female skin, male masks. November 30, 2012 // Ms. Afropolitan [Electronic resource]. URL: <https://www.msafropolitan.com/2012/11/female-skin-male-masks-2.html> (accessed: 19.08.2024)

⁷ Адичи Ч. Н. We should all be feminists. М., 2019. С. 60–63.

не только общество, но и сами женщины продолжали воспроизводить стереотипы феминности и маскулинности на рынке труда, что усугубляло проблему депривации.

В основном женщины субсахарских обществ были заняты в узком круге возможных профессиональных областей. Они в большей степени присутствовали в неформальном секторе экономики, трудовые отношения в котором всегда имеют меньшее правовое обеспечение и не предусматривают каких-либо форм социальной поддержки. Для ЮАР, например, было характерно управление женщинами-африканками «нелегальными питейными заведениями – шибинами», которое, как отмечают сотрудницы Института Африки РАН В.В. Грибанова и Н.В. Гришина, приносило стабильный и высокий доход⁸. В докладе Анголы в 2002 г. отмечается, что женщины в легальном секторе преимущественно связаны с профессиональной деятельностью в рамках малых предприятий – салонов красоты, закусочных, детских садов, а также работают как домашняя прислуга⁹. В тех случаях, когда они становятся собственниками бизнеса, то концентрируются на более «женских» сферах деятельности. Так, в Гвинее на 2000 г. женщины управляли 100 % парикмахерских салонов и 83 % предприятий по очистке мусора¹⁰. В официальном секторе экономики и в различных государственных учреждениях они прежде всего были заняты на низкооплачиваемых и неквалифицированных должностях, например, на должности секретаря.

Помимо стереотипного отношения к женщинам, которое с позиции их личностных качеств детерминировало невозможность заниматься определёнными видами деятельности, они также становились жертвами дискриминации со стороны работодателей по физиологическим причинам. В периодическом докладе Буркина-Фасо в 2004 г. отмечается: «Особенно остро проблема дискриминации женщин в сфере занятости стоит в частном секторе. Стремясь к максимальным результатам в сжатые сроки, работодатели предпочитают нанимать мужчин, а не женщин из-за возможной беременности или скорых родов, их социальных ролей матери или жены»¹¹. В Нигерии незамужних девушек вынуждали заключать договор, согласно которому они в течение трёх лет не могли вступить в брак, а замужних – договор, по которому они обязывались в этот же срок не заводить детей¹². Подобные практики выступали не только проявлениями депривации, но и нарушили естественные права человека и гражданина, закреплённые в конституциях субсахарских государств.

⁸ Грибанова В.В., Гришина Н.В. Указ. соч. С. 96.

⁹ CEDAW/C/AGO/1-3. P. 22.

¹⁰ CEDAW. Initial reports of States parties. Guinea. 6 March 2001. Rep. UN CEDAW/C/GIN/1. P. 84.

¹¹ CEDAW. Combined fourth and fifth periodic reports of States parties. Burkina Faso. 9 February 2004. Rep. UN CEDAW/C/BFA/4-5. P. 47.

¹² CEDAW. Combined fourth and fifth periodic reports of States parties. Nigeria. 28 April 2003. Rep. UN CEDAW/C/NGA/4-5. P. 46.

На протяжении нескольких десятилетий после обретения странами Тропической Африки независимости в них сохранялись правовые нормы, ограничивавшие замужних женщин в праве на трудоустройство. Им требовалось письменное согласие мужа, который не возражал против работы супруги в ущерб ведению домашнего хозяйства¹³. Постепенно данные нормы смягчались, однако в ряде государств продолжали сохранять дискриминационное по отношению к женщинам содержание: «Женщина может выбирать профессию по своему усмотрению, однако супруг может обратиться в суд с просьбой запретить ей заниматься той или иной работой в интересах сохранения семьи. Женщина такой возможности по отношению к мужу не имеет»¹⁴. Подобное ограничение ещё сильнее сокращало возможности женщин иметь работу по своему выбору. Данные правовые нормы в постколониальных обществах Тропической Африки закрепляли и материальную зависимость женщин от мужей в брачных отношениях, поскольку мужчина получал инструмент контроля над трудовой активностью супруги.

В 1980–2000-х гг. сохранялась проблема неравенства в вопросах оплаты труда. Женщины традиционно получали меньший доход от различных видов деятельности, чем мужчины, несмотря на аналогичный уровень квалификации и образования¹⁵. Подобная ситуация возникала из-за представления о том, что мужчины выполняют работу лучше, даже если затрачивают одинаковое с женщинами количество времени и усилий. Как отмечает в своём исследовании Н.В. Гришина, к 2011 г. «доля неоплачиваемого женского труда в странах Тропической Африки достигала 20,1 %», что свидетельствовало о повышении на протяжении 2000-х гг. этого показателя на 3,6 %¹⁶. В ЮАР проблема неравной оплаты труда была усугублена политикой апарtheidа и сохранившимся после его преодоления расовым неравенством. В частности, отмечается, что уровень заработка чернокожих женщин был существенно ниже, чем аналогичный у «белых». При этом различие в доходах между «белыми» женщинам и мужчинами достаточно незначительное.

Неравным был доступ к услугам социальной поддержки. Например, в ЮАР женщины меньше пользовались возможностью получения государственной пенсии по старости из-за предвзятости со стороны чиновников и традиционных властей, а также общей неосведомлённости¹⁷. Они часто не имели права на доступ к семейным пособиям, поскольку они выплачивались только главам семей, то есть мужчинам¹⁸. В Маврикии вдовы могли

¹³ CEDAW. Concluding observations. Gabon. 13 February 1990. Rep. UN A/44/38 paras. 44–62. P. 14.

¹⁴ CEDAW. Combined second, third, fourth and fifth periodic reports of States Parties. Gabon. 25 June 2003. Rep. UN CEDAW/C/GAB/2-5. P. 33.

¹⁵ CEDAW. Combined third, fourth and fifth periodic reports of States parties. Ghana. 18 April 2005. Rep. UN CEDAW/C/GHA/3-5. P. 48; CEDAW. Combined seventh and eighth periodic reports of States parties. Guinea. 18 January 2013. Rep. UN CEDAW/C/GIN/7-8. P. 22.

¹⁶ Гришина Н.В. Указ. соч. С. 54.

¹⁷ CEDAW. Initial report of States parties. South Africa. 25 February 1998. Rep. UN CEDAW/C/ZAF/1. P. 102.

¹⁸ CEDAW/C/GIN/1. P. 98.

получать пенсию по потере кормильца, однако вдовцы подобного лишены, даже если их покойная супруга приносила больший доход в семью¹⁹. Соответственно, это становилось причиной ограничения по решению мужа объемов заработка женщины.

В государственном секторе и на гражданской службе женщины подвергались различным формам дискриминации в получении денежных пособий. Это могло быть связано с выплатами компенсации по страховке²⁰, доступом к медицинскому обслуживанию или дипломатическим паспортам²¹ для супружеских пар и детей тех женщин, которые заняты на государственной службе. В то же время мужчины, находящиеся на аналогичных позициях, подобные льготы передавали членам своих семей. Подобное положение являлось проявлением депривации по отношению одновременно и к женщинам, и к мужчинам. Во-первых, мужчина, который находился в браке с женщиной, имевшей высокое положение на государственной службе, не имел права на те льготы, которые бы приносили в аналогичном положении сам своей супруге. Это демонстрирует традиционное представление о том, что мужчины не могут находиться в зависимом положении от женщин, а лишь способны самостоятельно обеспечивать себя и свою семью. Во-вторых, подобные правила приводили к депривации женщин, поскольку, таким образом, они лишались дополнительной мотивации к продвижению по службе и одобрения со стороны мужчин, которые не рассчитывали, что их жёны смогут предоставить им льготы.

Проявления экономической депривации обнаруживаются в налоговой политике стран южнее Сахары в период постколониализма. В частности, распространённой являлась ситуация, когда замужняя женщина, воспитывавшая в браке детей, платила больший подоходный налог, нежели мужчина. Это было связано с тем обстоятельством, что наличие расходов на детей учитывалось в налоговых декларациях лишь одного родителя, которым по умолчанию являлся отец²². Мать имела право на снижение ставки налога лишь в том случае, если являлась незамужней матерью-одиночкой или разведённой с правом опеки над детьми.

Проблемой в контексте анализа дискриминации на основе гендерной принадлежности в рамках трудовых отношений в субсахарских обществах является вопрос об отпуске по уходу за ребенком. Стоит отметить, что у большинства народов женщины, занятые в формальном секторе экономики или на государственной службе, обеспечивались отпуском по беременности и родам, продолжительность которого увеличивалась в период с 1980-х гг. по 2000-е гг. Тем не менее сохранялась проблема отсутствия гарантий на до-

¹⁹ CEDAW. Initial and second periodic reports of State parties. Mauritius. 3 July 1992. Rep. UN CEDAW/C/MAR/1-2. P. 46.

²⁰ CEDAW. Combined initial to third periodic reports of States parties. Côte d'Ivoire. 18 October 2010. Rep. UN CEDAW/C/CIV/1-3. P. 86.

²¹ CEDAW/C/NGA/4-5. P. 47.

²² CEDAW. Initial reports of States parties. Burundi. 3 July 2000. Rep. UN CEDAW/C/BDI/1. P. 27; CEDAW/C/BFA/4-5. P. 23.

родовой и послеродовой отпуск в неформальном секторе экономики, поскольку он в меньшей степени регламентировался трудовым законодательством. В этом случае женщины приходилось отказываться от своей профессиональной занятости с риском остаться невостребованной в будущем.

Женщины и мужчины, таким образом, сталкивались с многочисленными проявлениями депривации в экономической сфере общества, связанными с трудовыми отношениями. Ещё одной категорией, в которых они также находили отражение, является право собственности, которое включает в себя возможности владеть землей и наследовать имущество.

На протяжении нескольких десятилетий постколониального периода в субсахарских обществах женщины не имели возможности наследовать имущество своих покойных мужей. Так, в докладе Габона 1990 г. отмечается: «Интересы вдовы и детей умершего мужчины не учитываются при разделе его имущества»²³. Кроме того, в случае получения наследства его сохранение за вдовами определялось проведением и соблюдением обрядов вдовства²⁴. Иногда дискриминация в отношении наследования ограничивалась только определёнными видами имущества, которые обладали существенной ценностью или символической значимостью: «В некоторых районах Ганы по обычному праву женщинам не разрешается получать в наследство скот, что является нарушением прав женщин, поскольку в этих районах скот традиционно является мерилом благосостояния»²⁵. Тезис, изложенный в периодическом докладе Ганы, характерен и для других народов Тропической Африки. Даже в тех случаях, когда вдовы обладали правом наследования, они могли рассчитывать лишь на менее ценную долю имущества покойного супруга. Среди общин, основу хозяйства которых составляет скотоводство, им не позволялось наследовать скот, в остальных случаях они лишались права собственности на землю.

Однако даже после обретения такого права в связи с модернизацией гражданского законодательства они часто не становились наследниками в силу социокультурных представлений, давления со стороны общины и родственников мужа²⁶. Дополнительным препятствием, которое влияло на получение наследства и благосостояние вдовы, являлась практика полигамии, приводившая к разделу имущества покойного супруга на несколько частей в зависимости от числа жен²⁷.

Мужчины в редких случаях также подвергались депривации в вопросах наследования, что также зависело от этнокультурных особенностей субсахарских народов. Например, в Малави у чева и ньянджа женщина имела право наследовать имущество покойного супруга в размере, опреде-

²³ A/44/38 paras. 44–62. P. 14.

²⁴ CEDAW/C/GAB/2-5. P. 32.

²⁵ CEDAW/C/GHA/3-5. P. 74.

²⁶ CEDAW. Second and third periodic reports of States parties. Burkina Faso. 25 February 1998. Rep. UN CEDAW/C/BFA/2-3. P. 51.

²⁷ CEDAW/C/GIN/1. P. 11–12.

ляемом характером брака – патрилокальным или матрилокальным, в то время как мужчина ни в одном из случаев не мог стать наследником²⁸.

Объектом, который в меньшей степени был доступен к наследованию женщинами, являлось земельное владение, поскольку правом собственности на него они в большинстве этнических групп обладать не могли. Составители доклада Буркина-Фасо в 1998 г. отмечают: «Земельная система в значительной мере имеет общинный характер, статус женщины не даёт ей права на владение землей. Даже участок, который она обрабатывает индивидуально, ей не принадлежит»²⁹. Женщине принадлежало лишь право пользования в отношении земельной собственности, однако правом распоряжения и владения она обладать часто не могла, даже если трудилась на ней в течение многих лет³⁰. Данное обстоятельство ярко иллюстрирует одну из традиционных гендерных ролей субсахарской женщины в домохозяйстве – работницы в сельском хозяйстве, которая выращивает продовольственные культуры исключительно для обеспечения семьи, но не для собственных нужд и возможностей извлечения прибыли для себя.

Правом собственности на землю в ряде этнических групп обладали лишь те женщины, которые в силу различных причин стали главами домохозяйств: «В Гамбии лишь немногие женщины имеют право собственности на землю. В сельских районах по традиции и культурным обычаям женщинам не разрешается владеть землей, и они имеют только право на узуфрукт на землю. Земля обычно находится в руках главы домашнего хозяйства, которым неизменно является мужчина»³¹. Таким образом, единственной возможностью для женщины полностью использовать свои права на земельную собственность являлось занятие позиции главы домохозяйства, что в условиях стереотипных представлений и противодействия со стороны общинных лидеров было нечастым и затруднительным явлением. Здесь также необходимо выделить и то обстоятельство, что домохозяйства женщин сталкивались с большим количеством финансовых сложностей, что приводило к снижению доходности. Как отмечают В.В. Грибанова и Н.В. Гришина, в ЮАР на 2000 г. «каждая пятая городская семья, принадлежавшая к числу беднейших, возглавлялась женщиной»³².

Вместе с депривацией в экономической сфере общественного жизнеустройства женщины подвергались ей и в контексте политической составляющей на основе своей гендерной идентичности. В первую очередь на дискриминацию в политике оказывали влияние традиционные этнокультурные представления. В сфере политического участия это прежде всего проявлялось в возможностях женщин обладать и пользоваться актив-

²⁸ CEDAW. Combined second, third, fourth and fifth periodic report of States parties. Malawi. 28 June 2004. Rep. UN CEDAW/C/MWI/2-5. P. 106–107.

²⁹ CEDAW/C/BFA/2-3. P. 44.

³⁰ CEDAW/C/GAB/2-5. P. 26.

³¹ CEDAW/C/GMB/1-3. P. 44.

³² Грибанова В.В., Гришина Н.В. Указ. соч. С. 99.

ным избирательным правом, входить в состав национальных и региональных органов власти, становиться традиционными лидерами в общине.

На протяжении постколониального этапа развития субсахарских обществ национальные правительства предпринимали заметные шаги по повышению представленности женщин на уровне принятия решений. В частности, следуя рекомендациям Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и Пекинской декларации, были предложены законопроекты, обязывающие соблюдать 30-процентную квоту женщин-депутатов парламентских органов власти. Л.Я. Прокопенко уточняет, что в странах Юга Африки эти решения были дополнены декларацией Сообщества развития стран Юга 1997 г., согласно которой предполагалось достигнуть до 2005 г. 30 % представленности женщин³³. Однако, как замечает в своём исследовании южноафриканский политолог А.О. Энаифоге, как на местном, так и государственном уровнях участие женщин в политической жизни оставалось довольно ограниченным³⁴. Он считает, что африканские женщины сталкивались с многочисленными препятствиями при участии в политике. Структурные барьеры в виде дискриминационных законов и институтов по-прежнему ограничивали возможности женщин баллотироваться на политические посты³⁵.

Несмотря на то, что действительно в субсахарских обществах долгое время сохранялись правовые нормы, препятствовавшие женщинам участвовать в политической деятельности, этот фактор не представляется важнейшим. Более существенным можно назвать влияние социокультурных представлений, составляющих основу фундаментальных ценностных ориентаций этнических общин, а также в целом сложившуюся в обществе депривацию женщин в различных сферах.

Стереотипы феминности и восприятие женщин в ключе традиционного разделения гендерных ролей даже в постколониальный период продолжали исключать женщин из возможных претендентов на позицию лидера на любом из уровней принятия решений. Поскольку для большинства этнических общин характерен мачизм, а женщине отводится подчиненные воле мужчин роли жены и матери, это не создавало оснований, чтобы она не только могла выступить в качестве политика, но и даже чтобы представлять интересы семьи на общинном уровне. У разных народов можно увидеть схожие обоснования, согласно которым женщинам не стоит пытаться принять участие в политической деятельности: «женщины не способны от природы к политической деятельности»³⁶, «принимать решения – это не дело женщин»³⁷, «женщине власть не дана»³⁸ и т. д. При этом со-

³³ Прокопенко Л.Я. Гендерное равенство в политическом пространстве... С. 153.

³⁴ Enaifoghe A.E. Op. cit. P. 258.

³⁵ Ibid. P. 258–260.

³⁶ CEDAW. Combined second and third periodic reports of States parties. Cameroon. 29 March 2007. Rep. UN CEDAW/C/CMR/3. P. 21.

³⁷ CEDAW. Fifth periodic report of States parties. Madagascar. 29 January 2008. Rep. UN CEDAW/C/MDG/5. P. 63.

вершенно не учитывались ни интерес к политике, который могла проявлять женщина, ни её способности, которые, возможно, превосходили таковые у мужчин, принимающих решения как на уровне общины, так и на уровне органов государственной власти. В «We all should be feminists» нигерийская писательница рассказывает: «Я не могла участвовать в собраниях, потому что в культуре игбо привилегированы только мужчины и только мужчины—члены большой семьи могут присутствовать на собрании, где принимаются важные семейные решения. Так что несмотря на то, что я больше всего интересуюсь этими вопросами, я не могу присутствовать на семейном совете. Я не могу официально говорить. Потому что я женщина»³⁹. Воспоминания Ч.Н. Адичи демонстрируют существенный элемент гендерных отношений среди игбо, характерный также и для других этнических групп Нигерии и субсахарского региона в целом. Стереотипы феминности и традиционные гендерные роли не позволяли многим талантливым женщинам проявить себя и добиться успеха в политической деятельности исключительно по причине их половой принадлежности.

Проблема, связанная со стереотипным образом женщин в культурах субсахарских народов, выставлявшим их недостаточно умелыми и квалифицированными для занятия политической деятельностью, усугублялась тем, что и сами женщины нередко разделяли подобное убеждение. В докладах стран постколониальной Тропической Африки в Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин отмечается «отсутствие солидарности у женщин»⁴⁰. Самы женщины, согласно данным докладов, были склонны в большей степени поддерживать мужчин, баллотирующихся на выборные должности, что, несомненно, отражает степень влияния традиционных представлений на возможности женской самореализации.

Второй важнейшей причиной, которая приводила к недостаточной представленности женщин в политической сфере, являлась их депривация в других аспектах общественной жизни. Поскольку девочки и девушки дискриминировались в процессе получения ими образования, уровень их подготовки часто не позволял впоследствии рассчитывать на прибыльную экономическую деятельность. В свою очередь, отсутствие собственных средств лишило женщин возможности принимать участие в политических кампаниях, требующих существенных расходов. Кроме того, поскольку женщина занимала подчиненное положение в семье, ей часто было необходимо получение разрешения со стороны мужа или общины на участие в политической жизни страны. Поскольку именно общинные лидеры являлись наиболее консервативной частью общества и поддерживали традиционные установки, такие разрешение не становились частой практикой.

³⁸ CEDAW. Fifth periodic report of States parties. Madagascar. 29 January 2008. Rep. UN CEDAW/C/MDG/5. P. 63.

³⁹ Адичи Ч.Н. Указ. соч. С. 75–76.

⁴⁰ CEDAW. Combined fourth and fifth periodic reports of States parties. Democratic Republic of the Congo. 30 November 2004. Rep. UN CEDAW/C/COD/4-5. P. 31–32.

Незаметной была и деятельность женщин в составе партийных организаций. Как отмечается в докладе Центрально-Африканской Республики, «в политических партиях женщины обычно используются на второстепенных ролях: они проводят культурно-развлекательные мероприятия среди населения, выполняют хозяйственные работы, но редко занимают руководящие должности»⁴¹. Такое разграничение функций особенно сильно снижало шансы женщин на избрание в органы государственной власти в тех политических системах, где предполагалось выдвижение кандидатов от партий (например, в Буркина-Фасо⁴²). Учитывая, что многие национальные правительства лишь заявили о введении квотирования, женщины, которые не могли занять лидирующие позиции в партии или заработать в ней авторитет, не имели возможности построения политической карьеры. В тех же случаях, когда допустимо участие беспартийных кандидатов, женщины были склонны к выходу из состава партий. Как указывает Л.Я. Прокопенко, «причиной этого становятся поражения в партийных праймериз, исключение или угроза исключения из партий»⁴³.

Более доступным направлением политической деятельности для женщин субсахарского региона в изучаемый период являлась дипломатическая служба. Женщины были представлены в посольских миссиях и различных международных комиссиях, однако и в этой области выявляются некоторые элементы депривации.

В первую очередь, существенным препятствием для построения карьеры в области внешней политики выступали социальные нормы, закреплявшие традиционные роли, связанные с самореализацией женщин внутри брачно-семейных отношений. Поскольку они были вынуждены выполнять значительное количество работ в домашнем хозяйстве и находиться рядом со своим мужем, им часто не позволялась уезжать для исполнения своих профессиональных обязанностей. «Замужним женщинам трудно соглашаться на занятие поста за рубежом по семейным соображениям. В Гамбии считается более привычным и нормальным, когда мужчина отправляется за границу для занятия дипломатического поста и берет с собой жену и семью, а не наоборот»⁴⁴. Этот тезис, зафиксированный в официальном докладе Гамбии, отражает ту степень влияния, которую имели традиционные взгляды на политическую деятельность женщин. На Сейшельских островах было распространено представление, согласно которому женщина, успешная в дипломатической карьере, несчастна в браке либо является одинокой⁴⁵. В Зимбабве и Центрально-Африканской Республике для занятия должности посла в зарубежной миссии требовалось письменное согласие

⁴¹ CEDAW. Combined initial and second to fifth periodic reports. Central African Republic. 21 February 2013. Rep. UN CEDAW/C/CAF/1-5. P. 51.

⁴² CEDAW/C/BFA/4-5. P. 30.

⁴³ Прокопенко Л.Я. Динамика и проблема эффективности... С. 324.

⁴⁴ CEDAW/C/GMB/1-3. P. 23.

⁴⁵ CEDAW. Combined initial, second, third and fourth and fifth periodic reports of States parties. Seychelles. 22 March 2012. Rep. UN CEDAW/C/SYC/1-5. P. 79.

со стороны супруга⁴⁶. Это также отягощается той депривацией, которой подвергались мужья успешных женщин-политиков. В частности, в Нигерии мужчина-дипломат имел право взять свою жену в заграничную поездку и получал для неё дипломатический паспорт, в то время как женщина такой привилегией не обладала, и её муж должен был оставаться на территории государства⁴⁷. Аналогичная ситуация фиксируется в докладе Габона: «Проблема представленности женщин на международном уровне и международных организациях обусловлена отсутствием возможности для супружеских следовать друг за другом. Когда мужчина получает должность в международной организации, его супруга автоматически следует за ним, и если она является государственным служащим, для неё находят должность на месте назначения супруга или зачисляют на службу её супруга. Однако обратная ситуация невозможна. Если женщина желает сохранить свою должность, то она либо едет одна, размещаясь в общежитии (если муж согласен), либо она должна развестись, если муж против»⁴⁸. До 1998 г. в ЮАР женщине разрешалось становиться дипломатом только при условии, что она будет оставаться на протяжении своей службы незамужней. Кроме того, на эту работу могли быть назначены только «белые» женщины⁴⁹. Последнее демонстрирует и интерсекциональность проблемы, поскольку в данном отношении на гендерную депривацию накладывается еще и практика расовой сегрегации.

В тех случаях, когда женщины получали возможность принять участие в работе международных организаций, направленность их деятельности могла быть ограничена в силу гендерных стереотипов определёнными областями. Например, в Сьерра-Леоне долгое время женщины были представлены лишь в тех международных комиссиях, которые занимались вопросами гендерного равенства, сестринского дела, образования, искусства⁵⁰, т. е. теми видами деятельности, которые закреплялись за женщиными в экономической подсистеме общества.

Политическая депривация женщин в обществах субсахарского региона в период 1980–2000-х гг. показывала очевидную тенденцию к снижению, что демонстрируется повышением количества женщин, занимавших выборные должности в различных органах государственной власти, в частности, в парламенте. Существенный скачок в представленности женщин в законодательном органе власти совершили Руанда (с 17,14 % женщин от общего количества депутатов в 1997 г. до 61,25 % в 2020 г.), Эфиопия (с 2,04 % до 38,75 % в 2020 г.), Камерун (с 5,5 % до 33,88 %). В то же время

⁴⁶ CEDAW. Initial report of State parties. Zimbabwe. 20 July 1996. Rep. UN CEDAW/C/ZWE/1. P. 35; CEDAW/C/CAF/1-5. P. 54.

⁴⁷ CEDAW/C/NGA/4-5. P. 47.

⁴⁸ CEDAW. Sixth periodic report of States parties due in 2010. Gabon. 16 December 2013. Rep. UN CEDAW/C/GAB/6. P. 22.

⁴⁹ CEDAW/C/ZAF/1. P. 64–65.

⁵⁰ CEDAW. Combined initial, second, third, fourth and fifth periodic reports of States parties. Sierra Leone. 14 December 2006. Rep. UN CEDAW/C/SLE/5. P. 61.

можно отметить и такие общества, где очевидна стагнация или даже снижение числа женщин в парламенте – Бенин (7,22 % в 1997 г. и 2020 г.), Нигерия (3,41 % и 3,63 % соответственно), Ботсвана (8,51 % в 1997 г., 17 % в 2001–2003 гг., 10,76 % в 2019–2020 гг.), ДРК (12 % в 2004 г. и 12,8 % в 2020 г.). Интересно, что у этих же обществ отмечается и достаточно высокий уровень физического и психологического насилия над женщинами и мужчинами, что позволяет сделать вывод о неэффективности политики по достижению гендерного равенства.

Проблема экономической и политической депривации крайне важна для понимания механизмов осуществления гендерного насилия в обществах постколониальной Тропической Африки. В первую очередь, дискриминация в отношении женщин в зависимости от их гендерной принадлежности обуславливала сохранением на постколониальном этапе развития субсахарских обществ фундаментальных ценностных ориентаций, включающих в себя стереотипы феминности, типичные гендерные роли и функции. Они определяли жёсткие рамки для возможностей личностной и профессиональной самореализации женщин, а также ограничивали доступ к различным социальным благам. В особенности устойчивость подобных ориентаций была характерна для сельской местности. Даже в период 2000-х гг. многие деревенские общины, в которых проживала большая часть населения африканских народов, продолжали транслировать традиционные гендерные стереотипы, ограничивавшие возможности женщин в самореализации в экономической и политической сферах.

Таким образом, экономическая и политическая депривация женщин в обществах Тропической Африки в период 1980–2000-х гг. затрагивали широкий комплекс способов самореализации женщин. В силу традиционных установок, включающих стереотипы феминности и маскулинности, женщины были в значительной степени отчуждены от возможностей улучшения или сохранения материального благосостояния, а также часто не имели юридической возможности владеть имуществом. Это, в свою очередь, оказывало влияние и на доступность участия в политической жизни общества, которая также усугублялась сложившимся в этнокультурной среде образом женщины как матери или жены, разделяемых как мужчинами, так и женщинами. Несмотря на комплекс позитивных мер, доля официально трудоустроенных женщин, женщин-предпринимателей и владельцев собственности, а также число женщин в политической системе на протяжении 1980–2000-х гг. продолжали оставаться достаточно низкими.

Список литературы:

1. Грибанова В.В., Гришина Н.В. Специфика гендерных ролей в среде городского чернокожего населения ЮАР. История и современность // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2021. № 2. С. 93–103.
2. Гришина Н.В. Гендерное неравенство в странах Африки южнее Сахары // Азия и Африка сегодня. 2015. № 3. С. 54–56.

3. Прокопенко Л.Я. Гендерное равенство в политическом пространстве стран Юга Африки: успехи и проблемы становления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24, № 1. С. 148–165.
4. Прокопенко Л.Я. Динамика и проблема эффективности представительства женщин в парламенте (ЮАР и другие страны Юга Африки) // Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы: материалы всероссийской научной конференции РАПН с международным участием, Москва, 06–07 декабря 2019 года. М., 2019. С. 324–325.
5. Enaifoghe A. E. Exploring Africa political structure and the effort to improve women's struggle for representation in politics // Journal of Gender, Information and Development in Africa. 2019. Vol. 8. № 1. P. 257–277.

Об авторе:

ПЕТРОВ Константин Алексеевич – старший преподаватель, кафедра всеобщей истории, Тверской государственный университет (170100, Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31, каб. 215), e-mail: konstantin.al.petrov@gmail.com

THE PROBLEM OF ECONOMIC AND POLITICAL DEPRIVATION OF WOMEN IN POST-COLONIAL TROPICAL AFRICA SOCIETIES IN THE 1980–2000s

K.A. Petrov

Tver State University. *Tver, Russia*

The article is an analysis of the manifestations of women's deprivation in the economic and political life of societies in post-colonial Tropical Africa in the 1980–2000s. Based on a study of periodic reports of African countries to the UN Committee on the Elimination of Gender Discrimination, essays and personal sources, the author identifies areas of deprivation and the reasons for women's alienation from various methods of labor and entrepreneurial activity, opportunities for owning and inheriting property, and low levels of representation in political decision-making institutions. The author concludes that the stereotypes of femininity and masculinity that developed in previous periods preserved the traditional roles of mother and wife for women during the period under study, despite the efforts of national governments to improve the status of women.

Key words: *gender deprivation, position of women, post-colonialism, Tropical Africa*

About the author:

PETROV Konstantin Alexeevich – senior lecturer, the Department of General History, the Tver State University (170100, Russia, Trehsvyatskaya str., 16/31), e-mail: konstantin.al.petrov@gmail.com

References:

- Gribanova V.V., Grishina N.V., Spetsifika gendernykh rolei v srede gorodskogo chernokozhego naseleniya YuAR. Istorya i sovremennost', Vostok. Afroaziatskie obshchestva: istoriya i sovremenost', 2021, № 2, S. 93–103.
- Grishina N.V., Gendernoe neravenstvo v stranakh Afriki yuzhnee Sakhary, Aziya i Afrika segodnya, 2015, № 3, S. 54–56.
- Prokopenko L.Ya., Gendernoe ravenstvo v politicheskem prostranstve stran Yuga Afriki: uspekhi i problemy stanovleniya, Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya, 2022, T. 24, № 1, S. 148–165.
- Prokopenko L.Ya., Dinamika i problema effektivnosti predstavitel'stva zhenschin v parlamente (YuAR i drugie strany Yuga Afriki), Traektorii politicheskogo razvitiya Rossii: instituty, proekty, aktory: materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii RAPN s mezhdunarodnym uchastием, Moskva, 06–07 dekabrya 2019 goda, M., 2019, S. 324–325.
- Enaifoghe A. E. Exploring Africa political structure and the effort to improve women's struggle for representation in politics // Journal of Gender, Information and Development in Africa. 2019. Vol. 8. № 1. P. 257–277.

Статья поступила в редакцию 12.08.2024 г.

Подписана в печать 24.09.2024 г.

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 94(47)+069.02:929Ленин
DOI 10.26456/vthistory/2024.3.104–110

ЗАСТАВИТЬ «ГОВОРИТЬ» ВЕЩЬ: ПРИЁМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОЛЛЕКЦИЙ МЕМОРИАЛЬНЫХ МУЗЕЕВ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ЖЕНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ¹

С.В. Генералова

ФГБУН «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН», г. Москва, Россия

При изучении повседневности особый интерес представляют коллекции мемориальных музеев, которые наиболее полно отражают реалии жизни отдельного человека или семьи. Целью работы является описание подходов, использованных при изучении личных вещей Н.К. Крупской и М.И. Ульяновой, хранящихся в музее «Кабинет и квартира В.И. Ленина в Кремле». За основу взяты приемы аналитической антропологии и гендерных исследований. Позиция исключенного наблюдения позволяет выйти из «глобального мифа», который создан вокруг любой значимой фигуры. «О-странение» – фокусирует исследователя на странном и нелогичном, но характерном именно для этого персонажа. Поиск центрального образа и «вчувствование» в замкнутом пространстве музейной комнаты позволяют прикоснуться к переживаниям людей, когда-то в них живших.

Ключевые слова: повседневность, музей, быт, вещь.

Интерес к истории повседневности вызвал к публикации работы, связанные с традиционными этнографическими аспектами: жилье, питание, одежда, досуг, здоровье. Для расширения источников базы исследователи начинают обращаться к музейным объектам и предметам. Наиболее востребованными оказываются дворцовые комплексы. И.В. Зимин написал серию книг «Повседневная жизнь Российского императорского двора»².

¹ Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра гендерных исследований ФГБУН Ордена Дружбы народов «Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук» (ИЭА РАН), Заслуженный деятель науки Российской Федерации Н.Л. Пушкарева.

² Зимин И.В. Зимний дворец: люди и стены. История императорской резиденции 1762–1917. СПб., 2012; Он же. Царские деньги: доходы и расходы Дома Романовых. Повседневная жизнь Российского императорского двора. СПб., 2011.

Т.Л. Пашкова анализирует структуру повседневности жителей Зимнего дворца при Николае I³. Р.О. Гутенберг изучает специфику жизнедеятельности обитателей Михайловского замка и Таврического дворца⁴. Государственный музей-заповедник «Петергоф» провёл конференцию, посвящённую публичному и приватному⁵. Однако все исследователи ссылаются только на письменные источники и изображения.

На сегодняшний день попытки выработать методику изучения музеиных предметов в качестве источника по истории повседневности предпринимаются в основном к коллекциям фотодокументов. Р.О. Абилова⁶, Е.Н.Андраниanova⁷, Е.Б. Толмачёва⁸ вынуждены признать, что пока фотодокументы используются как иллюстративный материал, использование их как источника затруднено отсутствием общих методов классификации, субъективностью трактовки изображения.

Отдельно стоят этнографические и краеведческие коллекции музеев, которые собирались для презентации быта разных народов и местностей. Однако в них существует проблема субъективности отбора предметов для коллекции, а количество выбранных предметов относительно общей группы не всегда позволяет проследить процесс в развитии, что отмечает И.В. Артюхова⁹.

Таким образом, все исследователи, пытающиеся вводить музейные коллекции, в том числе мемориальные, в качестве источника, отмечают проблему отсутствия теоретико-методологических исследований в области источниковедения.

При реконструкции образа жизни представителей большевистской элиты 1920-х–1930-х гг. особый интерес представляет коллекция музея «Кабинет и квартира В.И. Ленина в Кремле». Музей был открыт в 1955 г., а в 1994 г. его коллекция была перемещена в музей-заповедник «Горки Ленинские», где экспозиция была восстановлена по чертежам и фотографиям

³ Пашкова Т.Л. Император Николай I и его семья в Зимнем дворце: в 2 ч. СПб., 2014. Ч. 1–2.

⁴ Гутенберг Р.О. Дворцовая повседневность в культуре Санкт-Петербурга первой трети XIX века: автореф. ... канд. культурологических наук. СПб., 2019.

⁵ Жизнь дворца: публичное и приватное: сборник статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф». СПб., 2014.

⁶ Абилова Р.О. Фотография как источник по изучению истории повседневности: анализ современной российской историографии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2017.

⁷ Андрианова Е.Н. Коллекция фотографий документального фонда государственного центрального музея современной истории России как источник по истории повседневности: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012.

⁸ Толмачёва Е.Б. Фотография как этнографический источник: по материалам фотоколлекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.

⁹ Артюхова И.В. Традиционная материальная культура русских Томского края в коллекциях Томского областного краеведческого музея: автореф. дис... канд. ист. наук. Томск, 2008.

из Кремля. Таким образом, музей и 54000 мемориальных предметов¹⁰ по-прежнему представляют интерес как аутентичный источник.

Целью исследования является разработка принципов использования коллекции как источника по истории повседневности. Нас интересует, как заставить вещи «рассказать» о социальном статусе, семейном положении, привычках и проч. Для работы будут использованы комнаты М.И. Ульяновой и Н.К. Крупской, расположенные в музее.

За основу взят метод исключенного наблюдения В.А. Подороги, который он разрабатывал для анализа текстового материала¹¹. Так как В.А. Подорога не даёт чётких алгоритмов его применения, но подчёркивает интуитивный характер поиска, мы используем лишь некоторые его приемы.

Первый приём – собственно исключение. Вокруг известной личности складывается «глобальный миф», в плenу которого находится средний культурный человек, что создает иллюзию включенности в происходящее. Поэтому при изучении коллекции желательно исследователя сделать сторонним наблюдателем.

Далее Подорога рассуждает: «Мы не столько понимаем, сколько понимает наше тело»¹². В гендерных исследованиях вчитывается в текст, мы попытаемся почувствовать телом, какие ощущения и эмоции были у хозяйки комнаты. Это представляется возможным, т. к. в музее сохраняется «физическое пространство, принципы его организации… замкнутая, герметичная система вещей»¹³.

Ещё один приём – О-странение. Понятие введено В.Б. Шкловским, который пишет: «Мы не переживаем привычное, не видим его, а узнаем»¹⁴. И для того, чтобы вернуть видение вещи, мы применяем приём «О-странения», в исследовании мы обращаем внимание на странное и нелогичное.

В.А. Подорога в своём анализе использует картирование – это любая иллюстрация идеи автора, «чтобы передать предметно-визуальное соотношение образов в антропограмме»¹⁵. Центральный Образ понимается как главная идея, которая удерживает систему в целостности.

Мы сделали фотосъёмку комнат с разных ракурсов и описали все предметы в каждой из комнат. На следующем этапе предпринята попытка группировки этих предметов для выявления наибольших «множеств».

¹⁰ Государственный каталог музеиного фонда РФ
<https://goskatalog.ru/portal/#/museums?id=2660>

¹¹ Подорога В.А. Антропограммы. Опыт самокритики. СПб., 2017.

¹² Там же. С. 17–18.

¹³ Беззубова О.В. Музей как объект философско-антропологического исследования. // Серия «Symposium», Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. СПб., 2001. Вып. 12. С. 179.

¹⁴ Шкловский В.Б. Самое шкловское [сборник]. Воскрешение слова . [Электронный ресурс]. URL: <https://lit.wikireading.ru/htN80vkM3n> (дата обращения 03.05.2024).

¹⁵ Подорога В.А. Указ. соч. С. 81.

Применение указанных подходов на комнатах музея привело к следующим результатам.

Несмотря на большой корпус литературы о семье Ленина, большинство этих работ агиографичны и не могут служить достоверным источником, а предмет мемориальной коллекции – факт. На этом этапе принимается положение, что мы не знаем, чьи это комнаты. При этом наш культурный багаж не отбрасывается, т. е. нам доступны все накопленные ранее знания. Для простоты изложения будем называть комнаты по именам их хозяек.

В комнате Крупской просторно, стандартный набор мебели для комнаты, которая служит одновременно и кабинетом, и спальней. Определить пол владельца комнаты с первого взгляда сложно: письменный стол с красным бархатом и отделкой в технике маркетри указывает на женщину, тяжелая дубовая диванная группа и полное отсутствие милых мелочей – на мужчину. Остальные предметы могут быть использованы обоими полами. Делаем выбор в пользу женщины (т. к. мужчина не стал бы работать за таким столом) андрогинного типа.

Очень много «Ленина» – его портреты, его имя, его изображения, написанные им книги. Очевидно, что для хозяйки комнаты он очень важная фигура, хотя нельзя сказать, что его обожествляют. Портреты Ленина, сделанные народными умельцами (вышивки, рисунки, выжигание), уbraneы далеко в шкаф и, скорее всего, никогда оттуда не доставались. Среди фотографий Вождя есть очень личные, сделанные в период болезни. Видимо, хозяйка член его семьи, хотя степень родства определить сложно.

Странный выбор книг: 90 % написаны Марксом, Энгельсом, Лениным и Крупской. Причём у первых трёх – ПСС, во всех томах множество закладок, хозяйка явно часто обращалась к этим книгам. В книгах Крупской (69 книг на разных языках, в основном воспоминания о Ленине) закладок нет. В ящиках письменного стола много блокнотов со съездов и конференций, на столе два телефона. Следовательно, мы в комнате видного деятеля партии и государства.

Ещё одна странность – сочетание красивой мебели с плохим состоянием одежды и обуви. На блузках, сарафанах и даже обуви – заплатки, штопка, всё сильно изношено. Причём наличие ниток и иголок позволяет предположить, что хозяйка комнаты чинила одежду сама, хотя делала это небрежно.

Если представить себя хозяйкой этой комнаты, то самое комфортное место – за письменным столом, чувствуется собранность, настрой на работу. Сидеть на диване тяжело, словно остаешься наедине со своими мыслями, и они нерадостные. Есть ощущение «петли времени» – словно постоянно возвращаешься к какому-то моменту, с которого все пошло не так.

Вывод. Хозяйка комнаты – женщина андрогинного типа, равнодушная к быту и красивым вещам, хотя и ценит удобства. Очень цельная натура.

Если попробовать применить картирование, то с любого места в комнате мы видим Ленина – фотографию, книгу, имя на альбоме. Этот факт

позволил предположить, что именно Ленин является центром мира хозяйки комнаты.

Другим вариантом картирования становится попытка группировать предметы, обнаруженные в комнате. Результаты представлены в таблице (см. табл. 1):

Таблица 1.

Группировка вещей в комнате Н.К. Крупской

Группа	Количество предметов
Семья	11
Здоровье	15
Мебель	43
Одежда	141
Бумага	732

При сведении описи предметов в таблицу становится очевидным, что большое значение в жизни Н.К. Крупской имеет бумага – официальный или полуофициальный документ, а также книги основоположников марксизма-ленинизма. Таким образом, получается, что вся бумага идеологически окрашена.

Мы ставили вопрос, на что опирается «в своём изначальном чувственно-телесном переживании мира» Крупская. Картирование приводит к выводу: центром её мира был Ленин – как человек, идущий по пути реализации идеи строительства более справедливого будущего.

Комната М.И. Ульяновой примерно в полтора раза больше по площади. Однако из-за большого количества мебели и обилия безделушек есть ощущение тесноты. Вопрос о половой принадлежности не встаёт, это комната женщины.

Комната с помощью книжного шкафа и ширмы делится на две части – личную и рабочую. Портреты Вождей, ПСС Ленина, папки с документами, блокноты со съездов и конференций указывают на принадлежность к партийному руководству. С другой стороны, перед нами обычная мещанская комната: салфеточки, безделушки, духи, пудра и т. д.

Эта дилемма проявляется во всём. Судя по одежде и духам, хозяйка уделяла большое внимание своему внешнему виду. Но в ящике стола обнаружены молоточек и плоскогубцы.

Комплектность мебели, обилие красивых и ненужных вещей говорят о достатке, в котором живет эта женщина. При этом она хранит стрелку от наручных часов и распоротые платья, штопает чулки, на туфлях у неё заплатка.

Попытка вчувствоваться в телесные переживания хозяйки комнаты приводят к ощущениям, что и внутри есть это разделение – государственный деятель, но очень привлекают простые женские радости. Есть подо-

зрение, что если бы ей было куда сбежать, она бы сбежала. Но характер есть – очень молоточек впечатлил.

Картирование приводит к тому, что мы видим вещи. Цепляет именно количество вещей, их нагромождение. К тому же это количество чётко делится на два подмножества – работа и личное.

Группировка вещей, находящихся в комнате, сведена в таблицу (см. табл. 2):

Таблица 2

Группировка вещей в комнате М.И. Ульяновой

Группа	Кол-во предметов
семья	33
здоровье и красота	39
украшение комнаты и драгоценности	71
мебель	76
одежда	203
бумага	740

Хотя в процентном отношении количество предметов в двух комнатах сопоставимо, тем не менее зашитое в таблице содержимое не позволяет прийти к тому же выводу, что и в комнате Крупской. Есть ощущение, что с помощью вещей М. Ульянова заявляет о своём месте в обществе.

Таким образом, мы провели исследование в отношении двух комнат мемориального музея, в ходе которого применили подходы аналитической антропологии и гендерных исследований – исключение, о-странение, вживление, картирование. С их помощью мы пытались понять принципы внутренней организации личных комнат, прочувствовать, на что опирались их хозяйки в своем «чувственно-телесном переживании мира».

Образ вождей конструируется как сверху, так и снизу, и выйти за границы сложившегося образа сложно. Поэтому позиция принудительного исключения исследователя из «глобального мифа» представляется целесообразной.

Также продуктивным представляется обращение внимания на то, что странно. Указание, что хозяйка комнаты спит на кровати, мало что добавит к нашим знаниям, т. к. это институциональный признак человека. А вот странности и нестыковки позволяют обратить внимание на неочевидные вещи, глубже проникнуть в характер хозяина комнаты.

Чувствование и картирование были в исследовании наиболее захватывающим этапом, однако представляются достаточно субъективными и, как следствие, создают сугубо авторский образ хозяйки комнаты.

Несмотря на последние замечания, указанные приёмы обогатили наши знания и при дальнейшей работе по реконструкции повседневности представительниц большевистской элиты 1920-х – 1930-х гг. будут способ-

ствовать соблюдению фундаментального научного требования – проверке теории на практике.

Список литературы:

1. Беззубова О.В. Музей как объект философско-антропологического исследования. // Серия «Symposium», Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. СПб. 2001. Вып. 12.
2. Подорога В.А. Антропограммы. Опыт самокритики. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт- Петербурге, 2017. – 336 с.
3. Шкловский В.Б. Самое шкловское [сборник]. Воскрешение слова. [Электронный ресурс] URL: <https://lit.wikireading.ru/htN80vkM3n>.

Об авторе:

ГЕНЕРАЛОВА Светлана Владимировна – аспирант, Центр гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, РАН, (Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский пр., 32А). e-mail: generalova_s69@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6021-6688>

**MAKING A THING «TALK»: TECHNIQUES FOR USING THE
COLLECTION OF MEMORIAL MUSEUMS TO RECONSTRUCT
WOMEN'S EVERYDAY LIFE**

S.V. Generalova

Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, *Moscow, Russia*

When studying everyday life, the collections of memorial museums are of particular interest, which most fully reflect the realities of the life of an individual or family. The purpose of the work is to describe the approaches used in the study of personal belongings of N.K. Krupskaya and M.I. Ulyanova, stored in the museum «Office and apartment of V.I. Lenin in the Kremlin». The techniques of analytical anthropology and gender studies are taken as a basis. The position of excluded observation allows you to get out of the «global myth» that is created around any significant figure. «Detachment» focuses the researcher on the strange and illogical, but characteristic of this particular character. The search for a central image and «feeling» in the confined space of the museum room allow you to touch the experiences of people who once lived in them.

Keywords: *everyday life, museum, thing.*

About author:

GENERALOVA Svetlana Vladimirovna – a postgraduate student at the Center for Gender Studies, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (32A Leninsky Ave., Moscow, 119334,

Russian Federation). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6021-6688>, generalova_s69@mail.ru

References:

- Bezzubova O.V., *Muzej kak ob'ekt filosofsko-antropologicheskogo issledovaniya*, Seriya «Symposium», Metodologiya gumanitarnogo znaniya v perspektive XXI veka, Vyp. 12, Sankt-Peterburg: 2001.
- Podoroga V.A., *Antropogrammy. Opyt samokritiki*, SPb., Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2017. – 336 s.
- Shklovskij V.B, *Samoe shklovskoe [sbornik] Voskreshenie slova*, [Elektronnyj resurs] URL: <https://lit.wikireading.ru/htN80vkM3n>

Статья поступила в редакцию 27.07.2024 г.

Подписана в печать 24.09.2024 г.

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 316.346.2-055.2

DOI 10.26456/vthistory/2024.3.111–123

РЕЛИГИОЗНОСТЬ «НОВОЙ СОВЕТСКОЙ ЖЕНЩИНЫ» В 1920-Х ГГ.: ПРАКТИКИ И МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ¹

К.П. Ермоченко

Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Россия

Советскую Россию можно по праву считать одной из первых стран в европейском пространстве, которая смогла дать женщине право голоса, официально провозгласив равенство полов. Для того, чтобы решить поставленные большевистским государством в 1920-х гг. задачи по обновлению общества, одной из основных идей которого выступала концепция «нового человека», необходимо было избавиться от сильного влияния обязательной и неизменяемой истины, утвержденной церковью. Религиозность женщины советского государства, как одной из наиболее подверженных влиянию церкви категории населения, оказалась в фокусе пристального внимания нового руководства страны. Оно ставило перед собой задачу бесповоротной трансформации женского религиозного сознания в сторону общественных начал. В данной статье представлен анализ этапов и форм изменения религиозности женщины советского государства в 1920-х гг., выявлены основные механизмы и регуляторы, оказавшие влияние на религиозное состояние женщины, которая была вынуждена стать «новой советской женщиной». Автор попытался определить способ перенесения мужской традиционно-стереотипной поведенческой модели с приоритетом общественного блага, трудовыми показателями и колlettivizmом на женское сознание.

Ключевые слова: советское государство, женщина, «новая советская женщина», церковь, религия, религиозность, антирелигиозная пропаганда.

Введение. Ещё до прихода к власти большевиков и начала коренного переустройства общества, в 1905 г. В.И. Ленин в одной из своих статей открыто говорил о необходимости изменений в церковно-государственных отношениях. Их основу составляли положения материалистического мировоззрения, а также сам процесс постепенного встраивания в сознание «нового человека» атеистического элемента, который смог бы найти своё

¹ Научный руководитель: канд. ист. наук, заведующий кафедрой истории России Смоленского государственного университета М.В. Каиль.

выражение в антирелигиозной агитации, выступающей одним из главнейших направлений будущего политического режима.

Строительство «новой жизни» в молодом советском государстве стало возможно благодаря череде «экспериментов» власти, которые, не всегда даже целенаправленно, перекраивали традиционный уклад «доБольшевистского» человека. В ходе этого менялся его облик, поведение, трансформировалось сознание, претерпевало изменение его отношение к власти и социальным институтам, в частности, к церкви. В это время на фоне целого ряда декретов и постановлений советского государства («Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви», вступил в силу 23 января 1918 г.), начался процесс формирования новых идеологических конструктов, которые были связаны с глубинными изменениями патриархальных основ.

Советский режим с первых дней существования был неразрывно связан с целенаправленной работой большевистских агитаторов. Они прилагали максимум усилий для пропаганды изменения повседневного быта, норм поведения, а также общественной морали, которая в первые годы существования советской власти шла вразрез с основными задачами нового политического режима и мало коррелировала с той действительностью, в которую был целенаправленно брошен человек².

В фокусе приложения основных социоконструирующих сил советского режима в большей степени оказалась женская аудитория, кардинальная перестройка религиозности и социальных кодов поведения которой стали приоритетной задачей большевистской власти³.

В историческом развитии «женского вопроса», переломными являются события октября 1917 г., когда после свержения Временного правительства к власти пришли большевики. Ими сразу же были определены основные задачи, которые должно было решить «молодое государство» в скончайшее время. Одной из них стала проблема выработки механизмов строительства «новой жизни», которое требовало законодательного выражения⁴.

В это время в общественном сознании, конечно же, руководством страны формируются процессы, связанные с конструированием образа «новой советской женщины» как ролевой модели «истинной» женщины советской. Самостоятельность, самодостаточность и независимость от мужчины становятся социальной основой «нового» в советской женщине.

² Белова Т.П. Женское православное общественное движение в современной России // Женщина в российском обществе. 2011. № 2. С. 100–107.

³ Козлов Ф.Н. «Женский вопрос» как элемент социальной политики советского государства в 1920-е – первой половине 1930-х годов (в контексте государственно-церковных отношений в национальных регионах Среднего Поволжья) // Вестник Чувашского университета. 2013. № 4. С. 29–37.

⁴ Ипатова Л. Православные женщины: пути воцерковления // Устная история и биография: женский взгляд / ред. и сост. Е.Ю. Мещеркина. М., 2004. С. 153–189.

Религиозность советской женщины на пороге изменений. Религиозность «новой женщины», её отношение к сакральному претерпевают кардинальные изменения, которые определяют целиком вектор сознательного религиозного поведения советской женщины. В связи с этим, необходимо определить, как фокус женского служения церкви постепенно начал смещаться на «реальные проблемы»⁵ её социальной жизни. Вопрос места женщины в обществе, культуре даже сегодня не утратил своей актуальности. В современном мире прослеживается явная тенденция постепенного отказа в принятии религиозных норм поведения. Он существует параллельно с непринятием возможного решения проблем социальной реальности, основываясь на религиозных сакральных представлениях и идеалах. В этом отношении, для нас 1920-е гг. являются переломно-критическим временем религиозного поиска, когда советский человек был вынужден незамедлительно реагировать на идеологическое содержание большевистского государственного волевого процесса.

В Советской России 1920-е гг. стали важным этапом, определившим положение и роль женщины в обществе. Это стало возможно в условиях марксистского феминизма, который смог приобрести свою социальную сознательную форму для постоянного существования. На основе комплекса взаимосвязанных мер и программ советской власти, ориентированных на необходимость пробудить «дремлющее» женское сознание, властными структурами вырабатывалась определённая стратегия, нацеленная на процесс общественно-политической включенности женщины в круговорот большевистских процессов и преобразований⁶.

Вопросу места «новой женщины» в церкви, трансформации её религиозности посвящены работы А.Р. Кныш, С.А. Смагиной, Т.П. Беловой, М.В. Васехи⁷. Авторы анализируют отдельные аспекты комплексной послереволюционной советской политики по «раскрепощению женщин», определяют новые корреляции между гендером и верой в первые десятилетия советской власти (П. Херлингер). Также отдельно следует указать на работы ранних советских идеологов (А.М. Коллонтай⁸, Н.К. Крупская⁹, Л.Н. Сталь¹⁰).

Советское государство ставило перед собой важную задачу: попытаться «перекроить» женское сознание, настроив его по модели муж-

⁵ Смагина С.А. «Новая женщина» в советском кинематографе 1920-х гг. как феномен // Вестник славянских культур. 2019. С. 257–266.

⁶ Юкина И.И. Проблемы становления российской истории женщин // Женщины в истории: возможность быть увиденными. Минск, 2001.

⁷ Васеха М.В. Антирелигиозная работа с женщинами в 1920-е годы и процессы феминизации Русской православной церкви (на сибирских материалах) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. № 3(33).

⁸ Коллонтай А.М. // Рабочий суд. 1926. № 5. С. 366.

⁹ Крупская Н.К. Антирелигиозная пропаганда. М.-Л., 1929. 68 с.

¹⁰ Сталь Л.Н. Антирелигиозная работа среди женщин. Сборник. М.; Л., 1926.

ской религиозности. Государство осознавало, что «новая женщина» будет противиться процессу её безоговорочного принятия. Но советскому руководству в условиях строительства «нового общества» было достаточно той степени религиозности, которой обладали на тот момент мужчины. Их отношение к церкви, вере и религиозным таинствам не противоречило целям советской власти.

Основной точечный «идеологический удар» был нанесён формирующемуся конструкту «новой советской женщины», основанному на представлении о её неправильном и ущемлённом месте в обществе. В этой связи многие составители методических пособий по работе с женщинами часто призывали опираться на «несправедливое» её положение в христианстве. На первом месте стояла выигрышная идея, по мнению советских идеологов, о вековом закабалении женщины религией. Доказательством этой основополагающей «христианской» мысли выступали слова и речи святых, например, апостола Павла: «Женщина – сосуд скучельный» и Святого Антония: «Женщина – начало всякого преступления и орудие дьявола». Предлагались также вырванные из контекста слова: «Когда вы увидите женщину, то считайте, что перед вами не человеческое существо, а сам дьявол»¹¹.

Вся эта работа по снижению религиозности «новой женщины» как бы должна сводиться к «рабским» поговоркам: «Люби жену, как душу, тряси ее как грушу» и «бей бабу молотом, она будет золотом». Не зря в народных русских песнях так много поется о тяжелой женской доле: «Распроклятое ты наше житье женское, Распроклятое бабье житье»¹².

Многие авторы неоднозначно определяли проявление религиозности как отражение религии, веры в Бога и поклонение ему в сознании человека и его поступках (И.Н. Яблков, Р.А. Лопаткина)¹³. Для изменения основ религиозного сознания человеку нужны очень весомые преобразования в той среде, в которой он обитает. Такой средой для женщины стало молодое советское государство, в котором патриархальные основы находились в состоянии явного колебания и ждали изменений. Советская власть запустила процесс возможного сознательного перенесения мужских кодов поведения на женщину, которые впоследствии должны были стать основой её поведенческой модели. Но это не означало, что женщины были готовы полностью принять мужской образец религиозности.

Это «новое сознательное поведение» очень сильно отличалось от мужского наличием сакрального, потому что отношение мужчины и

¹¹ Васеха М.В. Указ. соч.

¹² Там же. С. 4.

¹³ Краснова А.Г. Понятие религиозности: религиоведение vs религиозная философия // «Образ» религии: религиозное образование в многообразии религиозных культур. Орёл, 2019. С.35–40.

женщины в рассматриваемый период к церкви, святым, обрядности было различным. С чем это было связано? Следует сказать о женских психологических особенностях. Надежда Константиновна Крупская считала, что «у женщин всех классов эмоциональная сторона сильнее развита, чем у мужчины того же класса; они более впечатительны, более легко поддаются настроениям. Их легче убедить, воздействуя на чувства, чем на их разум»¹⁴.

«Если зайти в церковь, если посмотреть, кто является главным посетителем церковных служб, крестных ходов и всевозможных религиозных церемоний, мы увидим, что женщины составляют огромное большинство посетителей. Так было прежде, и та же картина наблюдается теперь»¹⁵. Объяснить эту высокую степень религиозности можно, во-первых, наличием у женщин мифологического мышления, преобладающего над мужским, и это несмотря на хорошо развитию систему общественного атеистического воспитания в рассматриваемый период. Женщины очень сильно верят в мифологическую силу обрядов. В связи с этим, их отношение к религии было соответствующим: «По их мнению, посещение церкви помогает облегчать печали, переносить невзгоды». Женщины свято верили, что религия приносит счастье в семейную жизнь, делает брак крепче, а детей здоровее.

Во-вторых, речь идёт об эстетической стороне обрядов, которая подкупала верующих женщин. Так, Л.Д. Троцкий считал, что русские крестьянки посещали православную церковь как бытовой обряд, поскольку церкви не удалось «... связать свои догматы и каноны с внутренними переживаниями народных масс», и связь с церковью держится «преимущественно на женской привычке», так как именно женщины «держатся за иконы, светят куличи и красят яйца на Пасху». «И в церковь ходят вовсе не по причине религиозности: светло в церкви, нарядно, людно, хорошо поют - целый ряд общественно-эстетических приманок...»¹⁶.

В-третьих, отсутствие «культурного досуга» выступало катализатором сильной женской религиозности. Этот «женский недосуг», проявляющийся в постоянной загруженности по дому и отсутствии получения необходимого образования, посещения разного рода лекций делали женщину в сравнении с мужчиной менее свободной и образованной, зато более религиозной. А если и возникнут проблемы в семейной или трудовой жизни, то женщина обратиться за помощью к Богу. И чем эти трудности тяжелее, «тем жарче молятся», – писала Н.К. Крупская.

¹⁴ Крупская Н.К. Антирелигиозная пропаганда. М.; Л., 1929.

¹⁵ Здравомыслова Е., Темкина А. Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России // Хрестоматия к курсу «Основы гендерных исследований» / отв. ред. О.А. Воронина. М., 2001. С. 225–234.

¹⁶ Троцкий Л. Вопросы быта. Эпоха «культурничества» и её задачи. М., 1923.

Таким образом, советская власть, взяв за основу поведенческую модель мужской религиозности и предприняв попытку наложить её на традиционное сознание женщины, на практике в процессе целенаправленной трансформации религиозных представлений уже «новой советской женщины», встретила целый ряд трудностей. Они были вызваны преобладающим отношением её к церкви, к религии и к Богу в сравнении с советским мужчиной, который ориентировался, в первую очередь, на общественно-полезную деятельность, при этом сводил к минимуму всякие попытки возвышения религиозного над рациональным.

Почему именно женщина оказалась на «передовой» большевистского строительства общества? Такое пристальное внимание к вопросу положения женщины в «новом государстве» можно объяснить одним, но очень важным фактором: фактором влияния. Оно исходит от матери к сыну, от жены к мужу и т. д. Многие партийные деятели того переломного времени, основываясь на реальном практическом проявлении, имея аргументированные положения, указывали на большой процент негативного влияния женщины, которое, очень часто, могло выступать катализатором нарушения партийной дисциплины, потому что «культурно отсталые родители коммунистов и их жены, на сквозь пропитанные гнилым религиозным дурманом и старыми привычками рабства, ведут усиленную работу с коммунистами». Результатом этого становилось несоблюдение положения партийной программы о всемерном содействии освобождению масс от религиозных предрассудков и организации широкой научно-просветительной и антирелигиозной пропаганды¹⁷.

Чтобы в будущем «жены, насквозь пропитанные гнилым религиозным дурманом» своей религиозностью были не способны подорвать основы партийной дисциплины и оказывать сильное влияние на сознание мужчины, его поведение властные структуры должны были выработать эффективную стратегию, которая бы позволила пробудить сознание женщины, лишив ее навсегда «снов о церкви». Это можно было сделать лишь при соблюдении важного условия: всеми способами, невзирая на общественные реакции, лишить женщину возможности быть отстраненной от происходящих в стране социальных и политических процессов. Это означало, что нужно вовлечь ее в круговорот этого «большевистского безумного переустройства», сделать все возможное и даже больше, чтобы «новая женщина» чувствовала хотя бы в какой-то степени себя ответственной за все происходящие изменения. Зачем нужно женщине это чувство некой ответственности за все те социальные трансформации, которые пытается эффективно встроить в общественную модель советское государство?

¹⁷ Денисов П.В. Религия и атеизм чувашского народа. Чебоксары, 1972.

Самой женщине 20-х гг. XX в., по большей степени, это было не нужно. Её устраивали быт и то поведение, которое изначально диктовалось канонами церкви. В чём была необходимость за короткое время перенимать коды поведения мужчины и встраивать их в норму своего социального существования? Всё связано с тем, что женщина стала заложником социальных трансформаций нового государственного строя. Теперь это не просто женщина, которая регулярно ходит в церковь, воспитывает детей, имеет уважительно-подчинительное чувство к своему мужу, на основе неписаной нормы патриархального уклада. Теперь, это «новая советская женщина» – это идеологический образ, выступающий частью государственной политики, который полностью, без права выбора морального поведения, подчиняется одобренным советским государством нормам социального существования.

«Новая советская женщина» должна была отказаться от всякого рода свойств и качеств, которые определяли бы её гендерную принадлежность. Начинать нужно было с самого детства, запретив гендерно-ориентированные игрушки. «К чему искусственным образом культурировать у девочек ненужные коммунистическому строю способности домашних хозяек, суживающие их горизонты?»¹⁸. Теперь женщина «нового государства» всячески должна демонстрировать свою любовь к коммунизму, и, имея революционный дух, всегда быть готовой бороться за него. «Новая советская женщина» с безупречной честностью должна стремиться к знаниям, быть всегда активной, справедливой и желать стать частью любых перемен новой власти, потому что ее хорошо налаженная трудовая дисциплина не оставляет ни малейшего шанса отступить от «правильного» поведения.

Таких характеристик «новой женщины», её компонентов модели поведения в обществе, крайне много. Настолько много, что этот человек в «новом государстве» больше похож на абстрактный идеальный образ, оторванный от реальной жизни. То есть, образ «новой советской женщины» является иллюстрацией новой культуры, но не ею самой.

Неудивительно, что большое количество обложек женских журналов 1920-х гг. – это результат художественного мастерства автора, потому что проще было вообразить «новую советскую женщину» и умело красками «приписать» большую часть тех характеристик, которые к ней относились. Советский художник-живописец, монументалист А.А. Дейнека (1899–1969) сформулировал в подтверждение этого одну из важнейших характеристик изобразительного искусства первых десятилетий советской власти: «Невозможно сфотографировать то, чего нет, что только хотелось бы, чтобы было, но можно нарисовать и таким образом

¹⁸ Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань, 2007.

воплотить идею в жизнь». Это ещё раз свидетельствует о большой степени абстрактности образа «новой советской женщины»¹⁹.

В искусстве подтверждением вышеизложенного является наличие значительного количества коллажей как сочетания рисунков, фотографий и дорисовок, игравших большую идеологическую роль. Например, мотоциклы, шахматы и т. д. – это предметы, исключительно характеризующие мужские роли. Но постепенное вхождение этих и многих других «мужских» предметов в сферу интересов женщины, требует обращения к мастерству художника, а не к фотофиксации. Нечего было фиксировать, но можно было создать образ женщины с «мужскими» предметами, тем самым сблизив их с возможностью перенесения мужских кодов поведения и выполнения равных социальных ролей.

Работа советского государства в этом направлении постепенно показала свою эффективность. Женщины начали постепенно перенимать мужские коды поведения, которые составили впоследствии идеальный поведенческий образ «новой женщины». Яркий пример постепенной трансформации женского сознания можно найти, если обратиться, в частности, к воспоминаниям женщин тех лет. Вот мнение комсомольской активистки 1920-х годов по этому поводу: «Как мы не старались во всем походить на ребят, природа все равно брала своё... Когда мы остались без кавалеров (которые переметнулись к менее “равноправным” девушкам), то поняли, что можно быть эрудированной, волевой, спортивной, нельзя быть не женственной. Равенство между мужчиной и женщиной должно быть только в гражданских правах, но никак – в одежде и манерах»²⁰.

Личный социальный статус «новой женщины» менялся. Появлялись многочисленные частушки, в доступной форме проецирующие предписываемые черты статуса. «Обобществление» идеологии также можно отследить на плакатном материале. Характерным примером является плакат В.В. Хвостенко (1925 г.): «Я теперча не твоя/ Я теперь Сенина / Он меня в совет водил / Слушать речи Ленина».

«Общество-коммунизм-государство» должны заменить «новой советской женщины» любовь к служению церкви. Что стало основной причиной изменения религиозности «новой женщины» и её отхода от патриархальных устоев? Ответ кроется в разного рода обычных житейских вопросах и проблемах, решать которые как раньше уже не была способна церковь. Вся её ранее удивительная и завораживающая обрядность уже не так привлекательна для женщины, когда она не может «отмолить коровушку в церкви и отпоить святой водой». Женщина поняла, что церковь не в силах решить ее бытовые проблемы. Ходить в церковь и «пра-

¹⁹ Дайнека А. Жизнь, искусство, время// Литературно-художественное наследие. Л., 1974. С. 119.

²⁰ Белова Т.П. Указ. соч. С. 100–107.

вильно» молиться стало не достаточно. Церковь не может вылечить больных детей. То есть, происходит «перекос» в сознании женщины в сторону той рациональной действительности, в которой она находится. Эта «религиозная неспособность» делает женщину сильнее и самостоятельнее в устремлениях, похожей на мужчину. Отказ от сильного влияния церкви нередко «будил» в женщине злость, которая приводила ее к стойкому желанию «порубить» большие и маленькие иконы пополам.

Для того чтобы быстрее освободить женщину «из лап религии», в работу с ними вступали антирелигиозные идеологи и агитаторы, которые «настоятельно рекомендовали» вместо службы в церкви провести коллективное чтение «нужной» литературы, или организовать очередное комсомольское собрание. Их главная задача сводилась к тому, чтобы всеми способами вовлечь женщину в общественную жизнь, чтобы её был приобрёл новый вид. В первую очередь, он привлекал хорошо налаженными социальными благами и справедливостью. На этом фоне общественные столовые и прачечные, ясли стали основной ударной силой по подорвавшейся женской религиозности.

Чтобы появилась возможность выстроить «новый быт» женщины, нужно было избавиться совершенно от всех её прошлых религиозных привычек. Не так легко отказаться от церковных праздников, когда жи-вешь, каждодневно ожидая их наступление. В массы стали внедряться «красные» праздники, как бы взамен «устаревшим» религиозным. В первые десятилетия советской власти культуртрегеры действовали осторожно, заменяя содержание «старых» праздников календарного и семейного цикла «новым». Так появились «комсомольское рождество», «комсомольская пасха», «октябринцы» (вместо крещения), «красная свадьба», «красные похороны» и т. д.

Религиозные праздники, православные обряды в средствах массовой информации описывались как «устаревшие», не имеющие никакого смысла, манипулирующие массами, чаще всего именно женскими. В журнале «Безбожник» так описывался день Параскевы Пятницы, особо почитаемой женщинами святой: «Добровольные помощники попов безжалостным кулачным боем выколачивали из женщин-истеричек («кликуш») нечистую силу, доводя свои несчастные жертвы до обморока».

Действенным способом переориентации женского служения семьи и церкви в сторону общества-коммунизма-государства становится благотворительная деятельность как акт женской духовной жизни. Как яркий пример такого переориентирования женского попечения о ближнем описана «быль», якобы имевшая место в селе Сенивцы Брисадировской волости Кременчугского уезда. Одна из прихожанок церкви, собрав всем миром деньги на ремонт храма, неожиданно сказала: «А знаете, бабоньки, что я задумала? Не завести ли нам в приют, дети там не очень хорошо живут. Нам на женском собрании говорили». Прихожанки хра-

ма поддержали эту «здравую мысль», «забыв гнев батюшки». Рассказ заканчивался словами: «В этот вечер в детском доме был неожиданный праздник. Весело вернулись бабы домой. Недаром день прошёл»²¹.

Как следует из анализа источников и литературы 1920-е гг. стали временем формирования политico-идеологическими методами и серией социальных практик «новой советской женщины», временем кардинальной переориентации ценностей, которые сместились от преувеличеннной степени религиозности, навязанной патриархальным укладом, в сторону решения «реальных проблем» реальными действенными способами. Возможность смещения фокуса «истинного» женского служения церкви произошло в рамках той социальной реальности, в которой она находилась. Женщина осознала: «вылечить сыпной тиф святой водой» нельзя, а помочь прийти к этому осознанию ей помогла антирелигиозная риторика и естественнонаучная пропаганда, заполнившая все информационные каналы. Образ «новой советской женщины» стремительно занял свое место в обновленном обществе, где первостепенным было служение государству, коммунизму и людям. Новая власть в 1920-х гг. провела колоссальную работу по перестройки женского сознания, которая привела её к сближению с мужскими образцами поведения. На кону стояла семейная мораль, религиозность, самоидентификация. Советская идеология разорвала веками складывавшиеся «социальные и духовные наполнители» жизни женщины.

Список литературы:

1. Белова Т.П. Женское православное общественное движение в современной России // Женщина в российском обществе. 2011. № 2. С. 100–107.
2. Васеха М.В. Антирелигиозная работа с женщинами в 1920-е годы и процессы феминизации Русской православной церкви (на сибирских материалах) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. № 3(33).
3. Дайнека А. Жизнь, искусство, время // Литературно-художественное наследие. Л., 1974.
4. Денисов П.В. Религия и атеизм чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1972.
5. Здравомыслова Е., Темкина А. Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России // Хрестоматия к курсу «Основы гендерных исследований» / отв. ред. О. А. Воронина. М.: МЦГИ, 2001. С. 225–234.

²¹ Киселёва Т.Г. Женщина и семья в послеоктябрьский период: Опыт исторического анализа. М., 1995.

6. Ипатова Л. Православные женщины: пути воцерковления // Устная история и биография: женский взгляд / ред. и сост. Е. Ю. Мещеркина. М.: Невский простор, 2004. С. 153–189.
7. Киселёва Т.Г. Женщина и семья в послеоктябрьский период: Опыт исторического анализа. М.: МГУК, 1995.
8. Кныш А.Р. Роль пропаганды в формировании образа новой женщины в 1920-1930-е годы в России // Студенческий электронный журнал СтРИЖ.2022. № 3(44).
9. Козлов Ф.Н. «Женский вопрос» как элемент социальной политики советского государства в 1920-е – первой половине 1930-х годов (в контексте государственно-церковных отношений в национальных регионах Среднего Поволжья) // Вестник Чувашского университета. 2013. № 4. С. 29–37.
10. Коллонтай А.М. // Рабочий суд. 1926. № 5.
11. Краснова А.Г. Понятие религиозности: религиоведение vs религиозная философия // «Образ» религии: религиозное образование в многообразии религиозных культур. Орёл, 2019. С. 35–40.
12. Крупская Н.К. Антирелигиозная пропаганда. М.; Л., 1929. – 68 с.
13. Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань, 2007.
14. Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань, 2007.
15. Смагина С.А. «Новая женщина» в советском кинематографе 1920-х гг. как феномен // Вестник славянских культур. 2019. С. 257–266.
16. Сталь Л.Н. Антирелигиозная работа среди женщин. Сборник. М.; Л., 1926.
17. Троцкий Л. Вопросы быта. Эпоха «культурничества» и ее задачи. М.: Красная новь, 1923. – 115 с.
4. Юкина И.И. Проблемы становления российской истории женщин // Женщины в истории: возможность быть увиденными. Минск, 2001.

Об авторе:

ЕРМОЧЕНКО Константин Павлович – аспирант, Смоленский государственный университет, (214000, Россия, Смоленск, ул. Пржевальского, 4), ermochenko.konstantin@gmail.com, orcid.org/0009-0004-1150-4287

RELIGIOSITY OF THE «NEW SOVIET WOMAN» IN THE 1920S: PRACTICES AND MECHANISM OF REGULATION

K.P. Ermochenko

Smolensk State University, Smolensk, Russia

Soviet Russia can rightfully be considered one of the first countries in the European world that was able to give women the voting rights. It officially proclaimed gender equality. It was necessary to get rid of the strong influence of the obligatory and unchangeable truth approved by the church in order to solve the tasks set by the Bolshevik state in the 1920s to renew society, one of the main ideas of which was the concept of a «new man». The new leadership of the Soviet state focused the close attention on the religiosity of women in the country, as one of the most church-influenced categories of the population. It set the task of irrevocably transforming women's religious consciousness towards social principles. This article presents an analysis of the stages and forms of changes in the women's religiosity in the Soviet state in the 1920s, identifies the main mechanisms and regulators that influenced the religious state of a woman who was forced to become a «new Soviet woman». The author tried to identify a way to transfer the male traditionally stereotypical behavioral model with the priority of the public good, labor indicators and collectivism to the female consciousness.

Keywords: Soviet State, woman, «New Soviet woman», the church, religion, religiosity, anti-religious propaganda.

About author:

ERMOCHENKO Konstantin Pavlovich – the Post-Graduate Student, Smolensk State University, (214000, Russian Federation Smolensk, Przhevalskogo st., 4) ermochenko.konstantin@gmail.com, orcid.org/0009-0004-1150-4287

References:

- Belova T.P., *Zhenskoye pravoslavnoye obshchestvennoye dvizheniye v sovremennoy Rossii, Zhenschchina v rossiyskom obshchestve*, 2011, № 2, S. 100–107.
- Vasekha M.V., *Antireligioznaya rabota s zhenschchinami v 1920-e gody i protsessy feminizatsii Russkoy pravoslavnoy tserkvi (na sibirskikh materialakh)*, Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy, 2021, № 3(33).
- Deyneka A., *Zhizn. iskusstvo. Vremya, Literaturno-khudozhestvennoye naslediye*, L., 1974.

- Denisov P.V., *Religiya i ateizm chuvashskogo naroda*, Cheboksary, Chuvash. kn. izd-vo, 1972.
- Zdravomyslova E.. Temkina A., *Issledovaniya zhenshchin i gendernyye issledovaniya na Zapade i v Rossii*, Khrestomatiya k kursu «Osnovy gendernykh issledovaniy», otv. red. O. A. Voronina, M., MTsGI, 2001, S. 225–234.
- Ipatova L., *Pravoslavnnyye zhenshchiny: puti votserkovleniya*, Ustnaya istoriya i biografiya: zhenskiy vzglyad, red. i sost. E.Yu. Meshcherkina, M., Nevskiy proctor, 2004, S. 153–189.
- Kiseleva T.G., *Zhenshchina i semia v posleoktyabrskiy period: Opyt istoricheskogo analiza*, M., MGUK, 1995.
- Knysh A.R., *Rol propagandy v formirovaniyu obrazov novoy zhenshchiny v 1920–1930-e gody v Rossii*, Studencheskiy elektronnyy zhurnal StRIZh, 2022, № 3(44).
- Kozlov F.N., «Zhenskiy vopros»» kak element sotsialnoy politiki sovetskogo gosudarstva v 1920-e – pervoy polovine 1930-kh godov (v kontekste gosudarstvenno-tserkovnykh otnosheniy v natsionalnykh regionakh Srednego Povolzhia), Vestnik Chuvashskogo universiteta, 2013, № 4, S. 29–37.
- Krasnova A.G., *Ponyatiye religioznosti: religiovedeniye vs religioznaya filosofiya*, «Obraz» religii: religioznoye obrazovaniye v mnogoobrazii religioznykh kultur, Orel, 2019., S. 35–40.
- Krupskaya N.K. *Antireligioznaya propaganda*, M., L.. 1929. – 68 s.
- Salnikova A.A., *Rossiyskoye detstvo v XX veke: Istorya. teoriya i praktika issledovaniya*, Kazan, 2007.
- Smagina S.A., «Novaya zhenshchina» v sovetskom kinematografie 1920-kh gg. kak fenomen, Vestnik slavyanskikh kultur, 2019, S. 257–266.
- Stal L.N., *Antireligioznaya rabota sredi zhenshchin*. Sbornik. M., L., 1926.
- Trotskiy L., *Voprosy byta. Epokha «kulturnichestva» i eye zadachi*, M., Krasnaya nov, 1923. – 115 s.
- Yukina I.I., *Problemy stanovleniya rossiyskoy istorii zhenshchin*, Zhenshchiny v istorii: vozmozhnost byt uvidennymi, Minsk, 2001.

Статья поступила в редакцию 27.08.2024 г.

Подписана в печать 24.09.2024 г.

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 9.93.930.85

DOI 10.26456/vthistory/2024.3.124–137

РОЛЬ ОРГАНОВ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ДЕЛЕ ПОМОЩИ ФРОНТУ В ПЕРИОД РУССКО- ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 ГГ. И РУСССКО- ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 ГГ. (ПО МАТЕРИА- ЛАМ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ)¹

Я.В. Пуневский

ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения»,
г. Москва, Россия

Настоящая статья посвящена изучению роли и степени участия органов городского самоуправления Ярославской губернии в деятельности, направленной на помочь фронту и тылу во время основных военных конфликтов России второй половины XIX–начала XX века. Исследование выполнено на основе неопубликованных материалов Государственного архива Ярославской области и его филиалов, а также малоизвестного газетного материала. В ходе деятельности в означенной сфере органы городского самоуправления столкнулись с рядом проблем. Практическая работа проводилась в тесном контакте с учреждениями земского самоуправления и губернской администрацией. В качестве вывода отмечено, что меры городских дум и управ Ярославской губернии в деле помощи действующей армии и тылу в изучаемый период были фрагментарными, но это не снижает их значимость.

Ключевые слова: городское самоуправление, городская дума, городская управа, призрение, пожертвование, лазарет, финансирование.

Широко известна научному сообществу деятельность органов городского и земского самоуправления в деле помощи действующей армии, снабжению тыла в годы Первой мировой войны². Однако истоки этой деятельности находятся во времени функционирования обновленных во время

¹ Научный руководитель – докт. ист. наук, профессор кафедры истории России факультета истории, политологии и права государственного университета просвещения Ю.Ю. Иерусалимский.

² Асташов А.Б. Городская Россия в Великой войне. Всероссийский союз городов, 1914–1918 гг. М., 2022. С. 77–99; Волкова Т.И. Российское земство и социокультурная модернизация страны в начале XX века (по материалам губерний Центральной России). Ярославль, 2012. С. 110–123.

реформ Александра II органов общественного самоуправления. Во второй половине XIX – начале XX вв. Россия участвовала в двух крупных войнах: русско-турецкой 1877–1878 гг. и русско-японской 1905–1906 гг. В период названных войн органы городского самоуправления в меру своих сил пытались участвовать в деле снабжения армии, медицинском деле, призрения детей-сирот.

Комплексных исследований деятельности городских дум и управ в сфере помощи фронту и тылу в период крупных военных конфликтов России второй половины XIX – начала XX вв. практически не существует. Некоторые исследования этих вопросов выполнены на материалах земских органов самоуправления³. Финансовые аспекты взаимодействия местного самоуправления и военного ведомства на рубеже XIX – начала XX вв., связанные с обеспечение успешного проведения мобилизации, обеспечения всем необходимым расквартированных полков рассмотрели А.Н. Кондратьева и Д.В. Сурмачев⁴. Процесс устройства лазаретов и госпиталей в Поволжье в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. изучила А.Ю. Шепелева. Рассматривая деятельность купечества и губернской администрации, автор почти не касается вопроса участия органов местного, в том числе и городского, самоуправления⁵. Главным образом социальной поддержке семей участников русско-японской войны, исходящей от государственных учреждений и благотворительных организаций посвящены статьи Н.А. Максимовой и Т.А. Кациной⁶. Исследования Д.В. Надсадного, А.И. Чубарова, П.П. Щербинина посвящены деятельности городского самоуправления по признанию детей военнослужащих⁷. Вопросы признания нижних чинов запаса во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. за счет

³ Ключкова Е.С. Лосева Н.В. Мoiseев И.А. Русско-турецкая война и осуществление комплекса военно-мобилизационных мероприятий в рамках регионального земства // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. №1–3. С. 168–173.

⁴ Кондратьева А.Н. Сурмачев Д.В. Финансово-правовые аспекты взаимодействия местного самоуправления и военного ведомства на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. №2–3. С. 92–96.

⁵ Шепелева А.Ю. Устройство лазаретов и госпиталей в Поволжье в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. №4(3). С. 17–22.

⁶ Максимова Н.А. Социальное признание семьям участников русско-японской войны в Иркутской и Енисейской губерниях // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2007. №1–3(29). С. 182–184; Кацина Т.А. Организация и меры социальной поддержки населения Сибири в годы русско-японской войны // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. №2. С. 68–79.

⁷ Надсадный Д.В. Деятельность С. Петербургской городской думы по признанию военных сирот и детей военнослужащих в 1870–1990-х гг. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. №2 (4). С. 131–137; Чубаров А.И. Социальное признание солдатских семей в межвоенное время 1878–1914 годов на типичном примере Курской губернии // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2016. №2(19). С. 183–187; Щербинин П.П. Дети-сироты и их признание в период войн России начала XX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. №9(125). С. 334–341.

средств муниципальных бюджетов затронула в своей работе, выполненной на материалах Симбирской губернии Е.А. Ерохина⁸. Изменения в деятельности городского самоуправления на Среднем Урале в период русско-японской войны 1905–1906 гг. рассмотрела Е.А. Апкаrimова, показав важность деятельности органов городского самоуправления не только в военное, но и в мирное время⁹.

Из приведенного обзора публикаций следует настоящая необходимость изучения всего комплекса социальных мер, применяемых городским самоуправлением в период военных конфликтов: развитие медицинской инфраструктуры, благотворительная деятельность по помощи фронту, призрение сирот погибших воинов и т.д. Кроме того, настоящее исследование выполнено на материалах одного из наименее изученных в контексте развития городского самоуправления в России в конце XIX–начале XX вв. регионов – Ярославской губернии, включая уездные города. Цель настоящей работы – рассмотреть основные направления деятельности городского самоуправления Ярославской губернии в области помощи фронту и тылу в период военных конфликтов России второй половины XIX–начале XX в., определить конкретные мероприятия, их масштаб, степень финансирования, выявить проблемы, существовавшие в процессе их реализации и методы решения.

Настоящее исследование основано на анализе нескольких групп исторических источников. В первую очередь, ими является делопроизводственная документация, извлеченная из региональных архивохранилищ: фондов Государственного архива Ярославской области и его филиалов в городах Угличе, Рыбинске и Ростове. Кроме того, в работе широко используются данные из периодической печати регионы изучаемого периода, а именно официальной и неофициальной частей «Ярославских губернских ведомостей» и газеты «Северный край», которая имела либеральную общественно-политическую ориентацию. Среди опубликованных источников следует отметить «Обзоры Ярославской губернии», а также журналы заседаний ярославской городской думы. Методологической основой статьи являются принципы историзма и системного подхода, позволяющие проследить комплекс мероприятий городского самоуправления Ярославской губернии в рассматриваемой нами сфере в конкретно-исторический период. В исследовании применялись сравнительно-исторический, историко-системный, хронологический методы.

⁸ Ерохина Е.А. Меры органов городского самоуправления по развитию благотворительности, попечительства и здравоохранения (на примере Симбирской губернии во второй половине XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. №3. С. 62–68.

⁹ Апкаrimова Е.Ю. Органы городского самоуправления на Среднем Урале в годы русско-японской войны // Первые уральские военно-исторические чтения: материалы региональной научной конференции (Екатеринбург, 14 ноября 1996 г.). Екатеринбург, 1997. С. 8–9.

Первым крупным военным конфликтом, в который вступила Россия после завершения Крымской войны, стала русско-турецкая война 1877–1878 годов. Война не оставила в стороне созданные в 1860-х–начале 1870-х гг. органы самоуправления: городские и сельские. В частности, русско-турецкая война сказалась на хозяйственной деятельности некоторых городских дум, осложнив процесс формирования доходной сметы бюджета¹⁰. Как известно, русско-турецкая война вызвала патриотический общественный подъем¹¹. Не обошел он и ярославский регион. Свидетельства этому мы находим в местной прессе. Например, «Ярославские губернские ведомости» сообщали, что жители Ярославля оказали теплый прием раненым и больным воинам в 1877 году¹². Кроме того, в военное время усилилась социальная составляющая деятельности городских дум. Например, активную деятельность по призрению военных сирот времен русско-турецкой войны развернула столичная городская дума. Причем, эта деятельность, начавшись в конце 1870-х гг. продолжилась вплоть до начала XX в., когда дети военных составляли постоянную категорию получателей городской помощи¹³.

Серьезной проблемой для органов городского самоуправления Ярославской губернии в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. стало содержание размещенных во многих городах пленных турецких солдат. По данным, приведенным ярославским губернатором, в 1878 г. пленные турки помещались в Ростове отчасти в казармах, находящихся в ведении городского общественного управления, отчасти в наемных домах. В Угличе пленные турки помещались исключительно в нанятых городской управой домах. В Рыбинске они помещались в принадлежащих городу казармах. Сообщалось также о помещении пленных турок в Мологе, Пощеконье и Данилове¹⁴.

В 1878–1879 гг. городская дума Ростова израсходовала на содержание пленных турок в рамках постойной повинности 666,42 руб., а также 17,88 руб. на содержание нижних чинов ярославского батальона, прислан-

¹⁰ Ибннеева Г.В. Якупов А.Г. Хозяйственно-экономическая деятельность Казанской городской думы в 70–80-е годы XIX века: аспект развития местного предпринимательства // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные Науки. 2022. Т. 164. Кн. 3. С. 196.

¹¹ Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. В 4 т. Т. 3. Внешняя политика императоров Александра II и Александра III 1855–1894. М., 2018. С. 352–326; Кочуков С.А. К вопросу о взглядах русского общества на войну с Турцией 1877–1878 годов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2008. Т. 8. №1. С. 19–20; Кочуков С.А. Русско-турецкая война 1877–1778 гг. в поэтической публицистике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2014. Т. 14. №1. С. 19.

¹² Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. 1877. 25 августа.

¹³ Надсадный Д.В. Указ соч. С. 135.

¹⁴ Обзор Ярославской губернии за 1878 год. Ярославль, 1879. С. 32.

ных для надзора за пленными¹⁵. Всего в Ростов прибыло 30 офицеров и до 1000 нижних чинов пленных. Возникла проблема поиска надлежащих помещений. Городской голова для этого лично осмотрел дома и казарменные помещения. Некоторые помещения изъявили желания предоставить ростовские купцы за определенную плату. С купцами, которые представили более выгодное предложение, городская управа заключила контракты¹⁶.

В Рыбинске оказалось 700 человек пленных турок. Одной из главных проблем, с которыми столкнулось городское самоуправление при их размещении стали эпидемии. Причина эпидемий коренилась в неудовлетворительных санитарных условиях содержания пленных. Кроме того, в городской управе отмечали, что в разгуле эпидемий виноваты и сами пленные турки, поскольку трупы погибших от болезней погребались ими на недостаточную глубину. Осмотревший места содержания пленных городской врач предлагал комплекс мер, направленных против эпидемии, которые были во многом традиционным – запрет посещений, особое белье, обеспечение источниками чистой воды и т.д. На здоровых турок возложен был уход за больными. Также было устроено отхожее место для больных тифом¹⁷. Отметим, что ярославским губернатором 15 мая 1878 г. был издан специальный циркуляр для земских и городских учреждений, посвященный правилам обращения с пленными турками¹⁸.

Сложности с размещением значительного количества пленных возникли и у угличского городского самоуправления. В частности, городской управе необходимо было в короткие сроки нанять помещения для 100 человек «с освещением и всеми необходимыми хозяйственными принадлежностями», с принятием его содержания на счет города¹⁹. Угличский городской врач докладывал, что на практике дело не всегда обстояло так, как проектировалось на бумаге. Он отмечал скученность, плохой воздух, что свидетельствовало о наличии опасности распространения эпидемий. Проблемой размещения пленных заинтересовался и комитет общественного здравия, который просил земства Ярославской губернии выделить лекарства, необходимые для лечения эпидемических болезней среди пленных²⁰. Однако, меры по борьбе с эпидемиями не могли переломить ситуацию. Весной 1878 г. Углич был охвачен распространявшейся турками эпидемией тифа²¹. Эпидемии тифа с большей или меньшей интенсивностью про-

¹⁵ Государственный архив Ярославской области в г. Ростове (далее – РСФ ГАЯО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 174. Л. 1–54.

¹⁶ РСФ ГАЯО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22. Л. 29–29об.

¹⁷ Государственный архив Ярославской области в г. Рыбинске (далее – РБФ ГАЯО). Ф. 9. Оп. 1. Д. 269. Л. 2,44, 63–64, 75, 96.

¹⁸ РСФ ГАЯО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 269. Л. 86–86об.

¹⁹ Государственный архив Ярославской области в г. Угличе (далее – УГФ ГАЯО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 84. Л. 1–5.

²⁰ Там же. Л. 11, 14, 18.

²¹ Ярославские губернские ведомости (далее – ЯГВ). Часть официальная. 1878. 30 марта.

должались до конца 1880-х годов²². Спасти город от эпидемий могла лишь самоотверженная деятельность городских и земских врачей. 21 ноября 1878 г. городская управа г. Мологи официально выразила благодарность городовому врачу С.Т. Гликману за борьбу с эпидемическими заболеваниями среди пленных турок²³.

Другим видом деятельности городского самоуправления в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. стало устройство лазаретов. По сведениям, приведенным в отчете ярославского губернатора за 1878 г. по поводу русско-турецкой войны во всех городах Ярославской губернии, кроме Любима, существовали временные лазареты, открытые обществом красного креста, военным ведомством, земскими и городскими учреждениями. Они предназначались для временного помещения эвакуированных раненых воинов. Общее число кроватей во всех таких лазаретах составило около тысячи²⁴.

Раненым и больным воинам при выходе из городского лазарета ярославской городской управой выплачивалось пособие «по три рубля каждому кроме той суммы, которая будет приходиться на его долю из кружки, вывешенной с этой целью на дверях лазарета»²⁵. Оставшиеся после закрытия ярославского городского лазарета для раненых и больных воинов медикаменты на одном из заседаний ярославской городской думы в 1878 г. было решено передать в городскую лечебницу. Однако взамен лечебница принимала на себя обязанность «навсегда отпускать безвозмездно» необходимые лекарства в больницу при пожарном дворе и городскую богадельню²⁶. При обсуждении этого вопроса гласные думы указывали, что «хотя лечебница не есть учреждение городское» оказывает врачебную помощь и отпускает лекарства бесплатно для горожан недостаточного состояния. Кроме того, по решению думы фельдшер городской лечебницы стал получать жалование – 3 руб. в месяц.

Отметим и другие виды помощи фронту и тылу в период русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Так, ростовское городское самоуправление принимало участие в расквартировании полков, вернувшихся с фронта²⁷. Ярославское купечество, широко представленное среди гласных городской думы, активизировало благотворительную деятельность в обществе попечения о раненых и больных войнах²⁸. Согласно постановлению угличской городской

²² Обзор Ярославской губернии за 1887 год. Ярославль, 1888. С. 28.

²³ ЯГВ. Часть официальная. 1879. 1 октября.

²⁴ Обзор Ярославской губернии за 1878 год. Ярославль, 1879. С. 56.

²⁵ Журналы Ярославской городской думы за 1877 год. Ярославль, 1878. С. 226.

²⁶ Журнал Ярославской городской думы 1878 год. Ярославль, 1879. С. 160.

²⁷ Крестянинова Е.И. Никитина Г.А. Преславный град Ростов. История Ростова Великого от начала до наших дней. М., 2012. С. 223.

²⁸ Велитченко Н.С. Ларионов В.Н. Благотворительная деятельность ярославского купечества в пореформенный период // «Минувшее, сливааясь с настоящим...». Тихомировские чтения. Ярославль, 1993. С. 62.

думы от 31 марта 1881 г. семействам убитых на войне с Турцией солдат отвели квартиры в общественном доме, купленном у Лазарева²⁹.

Органы городского самоуправления Ярославской губернии принимали участие в сборе пожертвования на сооружение Добровольного флота, комитет по устройству которого был создан 11 апреля 1878 г. по инициативе Московского Императорского общества для содействия русскому торговому мореплавству. В частности, даниловская дума 5 мая 1878 г. решила пожертвовать 1000 рублей на приобретение судов добровольного флота, «немедленно отослав их в казначейство из городских сумм»³⁰. Петровская городская дума на приобретение судов добровольного флота пожертвовала 300 рублей³¹. Ростовская городская дума выделила на эти цели 2000 рублей³².

Деятельность городского самоуправления во время русско-японской войны 1904–1905 гг. была не менее активной. Она, также, как и во время войны с Турцией, проходила на фоне широкого подъема патриотических настроений в Ярославле и соседней Костроме³³. 28 января 1904 г. ярославская городская дума выразила верноподданнические чувства по случаю войны с Японией. Далее последовал рапорт губернатору от 13 марта 1904 г. о желании внести свою посильную лепту от города Ярославля «к общему глубоко отрадному движению корпораций, весьма многих городов и земств ...», в результате обсуждения этого вопроса в городской думе решено пожертвовать на усиление военного флота 7000 руб., а 3000 руб. – в пользу одного из лазаретов в месте военных действий, который планировался к открытию обществом Красного креста. Из-за сложной ситуации с доходной частью бюджета названные выше суммы пришлось получать в качестве займа сроком на 20 лет. Губернское присутствие по земским и городским делам признало этот заем возможным «принимая во внимание патриотическую цель»³⁴.

19 мая 1904 г. городской голова А.И. Вахромеев принял участие в проводах на дальний Восток санитарного отряда, «снаряженного для действующей армии ярославским губернским земством»³⁵. Провинциальная

²⁹ ЯГВ. Часть официальная. 1881. 26 мая.

³⁰ Там же. Часть официальная. 1878. 25 мая.

³¹ Там же. Часть официальная. 1878. 6 июля.

³² Там же. Часть официальная. 1878.13 июля.

³³ Аманов С.Ф. Влияние русско-японской войны на повседневную жизнь уездных городов Костромской и Ярославской губерний // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т. 18. №3. С. 62–65; Смирнова Е.А. Отношение провинциального общества к русско-японской войне в 1904–1905 гг. (на материалах губерний Верхнего Поволжья) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2005. №12. С.35–38; Карпова Е.А. Деятельность общественных организаций Костромской губернии в годы русско-японской войны 1904–1905 гг. // Костромская провинция: история, традиции, современность. Историко-краеведческий сборник. Кострома, 2004. С. 9–10.

³⁴ Государственный архив Ярославской области (далее – ГАЯО). Ф. 137. Оп. 1. Д. 2269. Л. 1–4.

³⁵ ЯГВ. Часть неофициальная. 1904. 21 мая.

общественность в целом активно откликнулась на призывы помочи фронту. Например, часть жалования в пользу раненых и больных воинов перечисляли сотрудники канцелярии ярославского губернатора³⁶. От 1 до 3 % жалования отчисляли на нужды армии и флота служащие канцелярии ярославской городской управы³⁷. Отчисляли на военные нужды часть жалования также члены городской полиции Ярославля и работники типографии Губернского правления³⁸. 21 января 1906 г. супруга губернского предводителя дворянства А.В. Михалкова проводила лотерею в пользу семейств, пострадавших при защите Порт-Артура³⁹. В Ярославское отделение Красного креста поступали пожертвования от промышленных предприятий, например, от романовской льняной мануфактуры, от частных лиц, учащихся рыбинской гимназии⁴⁰. Земские и городские органы самоуправления Ярославской губернии объединили усилия в оказании помощи больным и раненым воинам в войне с Японией. В частности, оборудование лазарета оплатила городская дума, а лечением безвозмездно занимались врачи губернской земской больницы [22, с. 259–260]⁴¹.

Остро стоял вопрос о признании детей погибших в Японии воинов. Несмотря на то, что институт признания детей погибших воинов существовал и во время русско-турецкой войны и последующих конфликтов в период русско-японской войны вопрос о признании таких детей являлся острой проблемой системы социальной защиты. Власти в этой ситуации попытались возложить практику признания детей-сирот погибших солдат на органы самоуправления⁴². Осуществление этого намерения оказалось сложным, поскольку закон «О признании нижних воинских чинов и их семейств», был принят лишь 25 июня 1912 года. До этого действовали принятые еще в 1877 г. временные правила [9, с. 185]⁴³.

24 февраля 1904 г. циркуляр Исполнительной комиссии Главного управления Российского общества Красного креста, адресованный председателям земских управ, городским головам и городским старостам призывал земские и городские учреждения общественного управления принять участие в финансировании лазаретов на фронте. Предусматривалась и возможность со стороны общественных учреждений содержать один из уже готовых лазаретов⁴⁴.

Главный комитет по признанию детей лиц, погибших в войну с Японией в 1905 г. направлял представления в городские и земские управы с

³⁶ ЯГВ. Часть неофициальная. 1904. 20 февраля.

³⁷ Там же. Часть неофициальная. 1904. 17 февраля.

³⁸ Там же. Часть неофициальная. 1904. 20 февраля.

³⁹ Там же. Часть неофициальная. 1905. 14 января.

⁴⁰ Там же. Часть неофициальная. 1904. 6 февраля; Часть неофициальная. 1904. 13 февраля.

⁴¹ Смирнова Е.М. Государство, общество и здравоохранение российской провинции в XVIII–начале XX вв. (по материалам Верхней Волги). Ярославль, 2015. С. 259–260.

⁴² Щербинин П.П. Указ. соч. С. 335.

⁴³ Чубаров А.И. Указ. соч. С. 185.

⁴⁴ ЯГВ. Часть неофициальная. 1904. 12 марта.

просьбами решить вопрос о признании солдатских детей самостоятельно силами земств и городов или, в случае отрицательного решения этого вопроса, выбрать из своей среды членов в уездные комитеты по признанию «которые в случае надобности имеют быть учреждены». Но большинство городов Ярославской губернии, крайне ограниченные в расходовании бюджетных средств не смогли откликнуться на это предложение. Например, угличская городская управа отклонила предложение Главного комитета о признании детей-сирот за городской счет 13 октября 1905 года. В уездный комитет согласно рекомендации городской думы избрали купца И.И. Мозжухина⁴⁵.

1 сентября 1905 года ярославский губернатор А.П. Рогович просил уездные земские и городские управы поставить на обсуждения своих собраний вопрос о возможности признания сирот нижних чинов, погибших в войне с Японией⁴⁶. Комиссия по общим вопросам ярославской городской думы, рассмотрев предложение губернатора, заключила: «организация помощи... является вообще крайне сложной и имеющей характер общегосударственный, так что участие городского управления... сводится к чисто исполнительным функциям». В помощи решено отказать, но в тоже время городской думе предлагалось провести выборы члена от городской думы в комитет для признания детей воинов, если такой будет создан⁴⁷. На заседании думы 2 декабря 1905 г. на эту должность единогласно был избран А.Г. Лопатин⁴⁸. Следует отметить, что гораздо активней откликнулись на предложения губернатора земские органы, на которые в сущности и легло основное бремя работы по признанию детей обывателей, ушедших на фронт⁴⁹.

Несмотря на отказы городских самоуправлений принять обязанность признания детей погибших воинов в целом, некоторые мероприятия в этом направлении все же проводились. В 1904 г. десять сирот офицеров и нижних чинов, умерших от ран и болезней во время войны с Японией было освобождено от платы за обучение в ярославской торговой школе⁵⁰. Конечно, освобождались от платы и другие ученики, не являвшиеся сиротами участников войны, «вследствие крайней бедности»⁵¹. Показательны инициативы органов городского самоуправления по социализации вернувшихся с войны солдат. Так, В 1905 г. ярославская городская управа предложила участковым пожарным попечителям заместит свободные места ночных сторожей вернувшимися с дальнего востока ранеными нижними чинами⁵².

Настоящее исследование позволило установить основные направления деятельности органов городского самоуправления Ярославской губер-

⁴⁵ УГФ ГАЯО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 608. Л. 1–7.

⁴⁶ ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 1152. Л. 1–1об.

⁴⁷ Там же. Л. 6.

⁴⁸ Журналы Ярославской городской думы за 1905 год. Ярославль, 1906. С. 311.

⁴⁹ ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 3489, 4090.

⁵⁰ Журнал Ярославской городской думы за 1904 год. Ярославль, 1905. С. 312.

⁵¹ Журнал Ярославской городской думы за 1909 год. Ярославль, 1910. С. 130.

⁵² Северный край. 1905. 15 июля.

нии в сфере организации помощи фронту и тылу в период наиболее важных военных конфликтов России второй половины XIX–начала XX века. Основными мероприятиями, предпринимаемыми в этой сфере стало устройство лазаретов, оказание помощи раненым и больным воинам, размещение пленных турок, участие в благотворительной деятельности, направленной на помочь действующей армии, призрение детей-сирот погибших воинов. Как во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., так и во время русско-японской войны 1905–1906 гг. деятельность городских дум и управ в отмеченных выше направлениях проходила на фоне общественного и патриотического подъема. В связи с этим обновленные реформой 1870 г. органы городского самоуправления, претендовавшие на обладание правом выражать интересы городского общества, не могли оставаться безучастными к происходившим событиям во внешней политике России.

В ходе проведения своих мероприятий в изучаемой сфере органы городского самоуправления столкнулись с большим количеством проблем: вспышки эпидемий среди пленных турок, нехватка финансирования для открытия достаточного количества коек в лазаретах, выборочный и адресный характер призрения семей погибших воинов и их детей-сирот. Как и во всей своей деятельности в целом городские органы действовали в изучаемой нами сфере в контакте с губернской администрацией, откликаясь на распоряжения и предложения губернатора. Важными в деле помощи фронту и тылу были контакты и совместная деятельность городских учреждений самоуправления с земскими. В целом, усилия городских дум и управ в этой сфере стали важным опытом, который позволил развернуться в полную силу уже в период Первой мировой войны.

Список литературы:

1. Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. В 4 т. Т. 3. Внешняя политика императоров Александра II и Александра III 1855–1894. М.: Кучково поле, 2018. 904 с.
2. Аманов С.Ф. Влияние русско-японской войны на повседневную жизнь уездных городов Костромской и Ярославской губерний // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т. 18. №3. С. 62–65.
3. Апкарикова Е.Ю. Органы городского самоуправления на Среднем Урале в годы русско-японской войны // Первые уральские военно-исторические чтения: материалы региональной научной конференции (Екатеринбург, 14 ноября 1996 г.). Екатеринбург: УрГУ, 1997. С. 8–9.
4. Асташов А.Б. Городская Россия в Великой войне. Всероссийский союз городов, 1914–1918 гг. М.: Древлехранилище, 2022. 330 с.
5. Велитченко Н.С. Ларионов В.Н. Благотворительная деятельность ярославского купечества в пореформенный период // «Минувшее, сливаясь с настоящим...». Тихомировские чтения. Ярославль, 1993. С. 60–63.

6. Волкова Т.И. Российское земство и социокультурная модернизация страны в начале XX века (по материалам губерний Центральной России). Ярославль: Издательское бюро «ВНД», 2012. 228 с.
7. Ерохина Е.А. Меры органов городского самоуправления по развитию благотворительности, попечительства и здравоохранения (на примере Симбирской губернии во второй половине XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. №3. С. 62–68.
8. Ибнекеева Г.В. Якупов А.Г. Хозяйственно-экономическая деятельность Казанской городской думы в 70–80-е годы XIX века: аспект развития местного предпринимательства // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные Науки. 2022. Т. 164. Кн. 3. С. 187–198.
9. Карпова Е.А. Деятельность общественных организаций Костромской губернии в годы русско-японской войны 1904–1905 гг. // Костромская провинция: история, традиции, современность. Историко-краеведческий сборник. Кострома: изд-во КГТУ, 2004. С. 9–10.
10. Катцина Т.А. Организация и меры социальной поддержки населения Сибири в годы русско-японской войны // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. №2. С. 68–79.
11. Ключкова Е.С. Лосева Н.В. Моисеев И.А. Русско-турецкая война и осуществление комплекса военно-мобилизационных мероприятий в рамках регионального земства // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. №1–3. С. 168–173.
12. Кондратьева А.Н. Сурмачев Д.В. Финансово-правовые аспекты взаимодействия местного самоуправления и военного ведомства на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. №2–3. С. 92–96.
13. Крестьянинова Е.И. Никитина Г.А. Преславный град Ростов. История Ростова Великого от начала до наших дней. М.: Научный мир, 2012. 340 с.
14. Коцуков С.А. К вопросу о взглядах русского общества на войну с Турцией 1877–1878 годов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2008. Т. 8. №1. С. 19–25.
15. Коцуков С.А. Русско-турецкая война 1877–1778 гг. в поэтической публицистике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2014. Т. 14. №1. С. 17–24.
16. Максимова Н.А. Социальное признание семьям участников русско-японской войны в Иркутской и Енисейской губерниях // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2007. №1– 3(29). С. 182–184.
17. Надсадный Д.В. Деятельность С. Петербургской городской думы по призрению военных сирот и детей военнослужащих в 1870–1990-х гг. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. №2 (4). С. 131–137.
18. Смирнова Е.А. Отношение провинциального общества к русско-японской войне в 1904–1905 гг. (на материалах губерний Верхнего Поволжья) //

- Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2005. № 12. С.35–38.
19. Смирнова Е.М. Государство, общество и здравоохранение российской провинции в XVIII–начале XX вв. (по материалам Верхней Волги). Ярославль: «Аверс Плюс», 2015. – 447 с.
20. Чубаров А.И. Социальное признание солдатских семей в межвоенное время 1878–1914 годов на типичном примере Курской губернии // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2016. № 2(19). С. 183–187.
21. Шепелева А.Ю. Устройство лазаретов и госпиталей в Поволжье в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. № 4(3). С. 17–22.
22. Щербинин П.П. Дети-сироты и их признание в период войн России начала XX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 9(125). С. 334–341.

Об авторе:

ПУНЕВСКИЙ Ярослав Викторович – аспирант, кафедра истории России средних веков и нового времени, факультет истории, политологии и права, Государственный университет просвещения (141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24), e-mail: moskva221090an@gmail.com

**THE ROLE OF CITY GOVERNMENT IN HELPING THE FRONT
AND REAR DURING THE RUSSIAN-TURKISH WAR OF 1877–
1878. AND THE RUSSIAN-JAPANESE WAR OF 1904-1905 (BASED
ON THE MATERIALS OF THE CITIES OF THE YAROSLAVL
PROVINCE)**

Ya.V. Puneovsky

State University of Education, Moscow, Russia

This article is devoted to the study of the role and degree of participation of the city self-government bodies of the Yaroslavl province in activities aimed at helping the front and rear during the main military conflicts of Russia in the second half of the XIX-early XX century. The research was carried out on the basis of unpublished materials from the State Archive of the Yaroslavl Region and its branches, as well as little-known newspaper material. In the course of their activities in this area, the city self-government bodies faced a number of problems. The practical work was carried out in close contact with the institutions of the zemstvo self-government and the provincial administration. As a conclusion, it is noted that the measures of the city councils and administrations of the Yaroslavl province in helping the active army and the rear during the period under study were fragmentary. This does not diminish their importance

Keywords: city government, city Duma, city council, charity, donation, infirmary, financing.

About the author:

PUNEVSKY Yaroslav Viktorovitch – Postgraduate student of the Department of the History of Russia of the Middle Ages and Modern Times, Faculty of History, Political Science and Law of the State University of Education (141014, Moscow region, Mytishchi, Vera Voloshina str., 24), email: moskva221090an@gmail.com

References

- Ajrapetov O.R. *Istorija vneshnej politiki Rossijskoj imperii*. V 4 t. T. 3. Vneshnjaja politika imperatorov Aleksandra II i Aleksandra III 1855–1894. M.: Kuchkovo pole, 2018. 904 s.
- Amanov S.F. *Vlijanie russko-japonskoj vojny na povsednevnuju zhizn' uezdnyh gorodov Kostromskoj i Jaroslavskoj gubernij*. Izvestija Samarskogo nauchnogo centra rossijskoj akademii nauk. 2016. T. 18. №3. S. 62–65.
- Apkarimova E.Ju. *Organy gorodskogo samoupravlenija na Sredнем Urale v gody russko-japonskoj vojny*. Pervye ural'skie voenno-istoricheskie chtenija: materialy regional'noj nauchnoj konferencii (Ekaterinburg, 14 nojabrja 1996 g.). Ekaterinburg: UrgU, 1997. S. 8–9.
- Astashov A.B. *Gorodskaja Rossija v Velikoj vojne. Vserossijskij sojuz gorodov, 1914–1918 gg.* M.: Drevlehranilishhe, 2022. 330 s.
- Velitchenko N.S. Larionov V.N. *Blagotvoritel'naja dejatel'nost' jaroslavskogo kupechestva v poreformennyj period*. «Minuvshee, slivajas' s nastojashhim...». Tihomirovskie chtenija. Jaroslavl', 1993. S. 60–63.
- Volkova T.I. *Rossijskoe zemstvo i sociokul'turnaja modernizacija strany v nachale XX veka (po materialam gubernij Central'noj Rossii)*. Jaroslavl': Izdatel'skoe bjuro «VND», 2012. 228 s.
- Erohina E.A. *Mery organov gorodskogo samoupravlenija po razvitiyu blagotvoritel'nosti, popechitel'stva i zdravoohranenija (na primere Simbirskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX veka)*. Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. 2011. T. 13. №3. S. 62–68.
- Ibneeva G.V. Jakupov A.G. *Hozjajstvenno-ekonomiceskaja dejatel'nost' Kazanskoj gorodskoj dumy v 70–80-e gody XIX veka: aspekt razvitiya mestnogo predprinimatel'stva*. Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye Nauki. 2022. T. 164. Kn. 3. S. 187–198.
- Karpova E.A. *Dejatel'nost' obshhestvennyh organizacij Kostromskoj gubernii v gody russko-japonskoj vojny 1904–1905 gg.* Kostromskaja provincija: istorija, tradicii, sovremennost'. Istoriko-kraevedcheskij sbornik. Kostroma: izd-vo KGTU, 2004. S. 9–10.
- Katcina T.A. *Organizacija i mery social'noj podderzhki naselenija Sibiri v gody russko-japonskoj vojny*. Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 2015. №2. S. 68–79.

- Klochkova E.S. Loseva N.V. Moiseev I.A. *Russko-tureckaja vojna i osushhestvlenie kompleksa voenno-mobilizacionnyh meroprijatij v ramkah regional'nogo zemstvo*. Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2016. №1–3. S. 168–173.
- Kondrat'eva A.N. Surmachev D.V. *Finansovo-pravovye aspeкty vzaimodejstvija mestnogo samoupravlenija i voennogo vedomstv na rubezhe XIX–XX vv.* Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2014. №2–3. S. 92–96.
- Krestjaninova E.I. Nikitina G.A. *Preslavnyj grad Rostov. Istorija Rostova Velikogo ot nachala do nashih dnej*. M.: Nauchnyj mir, 2012. 340 s.
- Kochukov S.A. *K voprosu o vzgljadah russkogo obshhestva na vojnu s Turcijej 1877–1878 godov*. Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija. 2008. T. 8. №1. S. 19–25.
- Kochukov S.A. *Russko-tureckaja vojna 1877–1778 gg. v pojeticheskoy publicistike*. Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija. 2014. T. 14. №1. S. 17–24.
- Maksimova N.A. *Social'noe prizrenie sem'jam uchastnikov russko-japonskoj vojny v Irkutskoj i Enisejskoj gubernijah*. Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tehnicheskogo universiteta. 2007. №1–3(29). S. 182–184.
- Nadsadnyj D.V. Dejatel'nost' S. Peterburgskoj gorodskoj dumy po prizreniju voennyh sirot i detej voennosluzhashhih v 1870–1990-h gg. Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2012. №2 (4). S. 131–137.
- Smirnova E.A. *Otnoshenie provincial'nogo obshhestva k russko-japonskoj vojne v 1904–1905 gg. (na materialah gubernij Verhnego Povolzh'ja)*. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. 2005. №12. S. 35–38.
- Smirnova E.M. *Gosudarstvo, obshhestvo i zdравоохранение rossijskoj provincii v XVIII–nachale XX vv. (po materialam Verhnej Volgi)*. Jaroslavl': «Avers Pljus», 2015. 447 s.
- Chubarov A.I. *Social'noe prizrenie soldatskih semej v mezhvoennoe vremja 1878–1914 godov na tipichnom primere Kurskoj gubernii*. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija i pravo. 2016. №2(19). S. 183–187.
- Shepeleva A.Ju. *Ustrojstvo lazaretov i gospitalej v Povolzh'e v russko-tureckuju vojnu 1877–1878 gg.* Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. 2012. №4(3). S. 17–22.
- Shherbinin P.P. *Deti-siroty i ih prizrenie v period vojn Rossii nachala XX v.* Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. 2013. №9(125). S. 334–341.

Статья поступила в редакцию 17.08.2024 г.

Подписана в печать 24.09.2024 г.

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 94(491)-054.72

DOI 10.26456/vthistory/2024.3.138–088

«Evict the tourists, not migrants»: повседневный опыт мигрантов в Исландии в начале 2020-х годов¹

Г.А. Снедков

ФГБУН «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН», г. Москва, Россия

В статье рассматривается проблема дискриминации и расализации мигрантов в современной Исландии. Исследуя их повседневный опыт, автор опровергает сложившееся в общественном дискурсе представление об Исландии как «крае для мигрантов» и приходит к выводу о том, что многие мигранты в этой стране по-прежнему сталкиваются с расовыми предрассудками и скрытым неравенством. Повседневный расизм вытесняет традиционные формы эксклюзии, что накладывает отпечаток и на жизнь мигрантов, (не)успешная интеграция которых в исландское общество до сих пор во многом зависит от цвета их кожи.

Исследование основано как на полевых материалах самого автора, собранных в ходе включённого наблюдения и неструктурированных интервью, так и на анализе официальных статистических данных, публикаций в СМИ и научной литературы.

Ключевые слова: Исландия, мигранты, дискурс, дискриминация, расализация, расизм.

Введение

В 2023 г. в самом центре Рейкьявика, на желтой стене у лютеранского собора Хатльгримскиркья, крупными красными буквами была выведена надпись «evict the tourists, not migrants», которую можно перевести на русский как: «высылайте туристов, а не мигрантов». Подобные надписи, сделанные, вероятно, одной и той же рукой, можно было увидеть и в других частях города: «evictions of migrants [is] the real (e)state of Iceland», «stop war on migrants», «your gluten-free bread consists of human labour».

¹ Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра европейских исследований ФГБУН Ордена Дружбы народов «Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук» (ИЭА РАН), Заслуженный деятель науки Российской Федерации М.Ю. Мартынова.

В крупнейших исландских СМИ периодически освещаются единичные, вызвавшие особый резонанс случаи, связанные с депортацией мигрантов (отметим, что все эти случаи связаны с выходцами из стран, не входящих в Евросоюз). Однако несмотря на то, что в таких публикациях затрагиваются существующие в стране проблемы, акцент в них сделан на недочеты в работе официальных органов, ответственных за взаимодействие с мигрантами, с одной стороны, и на доброжелательном отношении местного населения к приезжим, с другой².

Так, в 2023 г. в Исландии активно обсуждалась тема мигрантов из Венесуэлы, которых лишили статуса беженцев и специальной дополнительной защиты на основании постановления Апелляционного иммиграционного комитета (Kaerunefnd útlendingamála) о том, что «ситуация в Венесуэле улучшилась»³ по сравнению с июлем 2022 г., когда принималось решение⁴ о предоставлении протекций венесуэльцам.

16 ноября 2023 г. исландский Минюст отчитался о том, что власти страны «помогли 180 гражданам Венесуэлы вернуться на родину в рамках добровольной депатриации», уточнив, что «люди, оставшиеся в Исландии в поиске международной защиты, либо получили отказ, либо отзовали свои заявления»⁵.

² Eleven-year-old Afghan girl who made headlines to be deported from Iceland // Morgunblaðið, URL: https://icelandmonitor.mbl.is/news/politics_and_society/2017/09/05/eleven_year_old_afghan_girl_who_made_headlines_to_b/ (дата обращения: 01.11.2023); Hafstað V. Deportation of Iranian Trans Boy Postponed // Morgunblaðið, URL: https://icelandmonitor.mbl.is/news/politics_and_society/2020/02/17/deportation_of_iranian_trans_boy_postponed/ (дата обращения: 01.11.2023); Idem. Egyptian Family Granted Residence Permits // Morgunblaðið, URL: https://icelandmonitor.mbl.is/news/news/2020/09/25/egyptian_family_granted_residence_permits/ (дата обращения: 01.11.2023); Idem. Deportation of pregnant woman causes fury // Morgunblaðið, URL: https://icelandmonitor.mbl.is/news/news/2019/11/06/deportation_of_pregnant_woman_causes_fury/ (дата обращения: 01.11.2023).

³ Nr. 231/2022 Úrskurður // Stjórnarráð Íslands, URL: <https://www.stjornarradid.is/gogn/urskurdir-og-alit-/stakur-urskurdur/?newsid=5f3cf6f2-09bc-11ed-9bac-005056bc4727&cname=K%C3%A6runefnd%20%C3%BAtlendingam%C3%A1la&cid=e219adbc-4214-11e7-941a-005056bc530c> (дата обращения: 01.12.2023).

⁴ Guðmundsson B.P. Útlendingastofnun mátti synja Venesúelabúum um vernd // Ríkisútvarpið ohf., URL: <https://www.ruv.is/frettir/innlent/2023-09-29-utlendingastofnun-matti-synja-venesuelabuum-um-vernd-392762>; Jósefsdóttir S. D., Erlingsdóttir M. H. „Líklega mjög miklir fólks-flutningar“ til Venesúela fram-undan // Vísir., URL: <https://www.visir.is/g/20232469023d-líklega-mjög-miklir-folksflutningar-til-venesuela-framundan> (дата обращения 18.11.2023).

⁵ Vegna aðstoðar við sjálfviljuga heimför til Venesúela // Stjórnarráð Íslands, URL: <https://www.stjornarradid.is/efst-a-baugi/frettir/stok-frett/2023/11/16/Vegna-adstodar-vid-sjalfviljuga-heimfor-til-Venesuela-/> (дата обращения 18.11.2023).

При этом в других новостных материалах на тему миграции подчеркивается, что Исландия – «одна из самых благоприятных для миграции стран»⁶, которая создает «образцовые условия для беженцев»⁷.

По данным Statistics Iceland (официальная статистическая служба Исландии), в 2022 г. в стране зарегистрировали рекордный миграционный прирост. В Исландию, население которой составило к началу 2024 г. 383 тыс. человек, иммигрировали 17487 человек⁸, а доля приезжих в общем числе граждан составила 16,3 %⁹. Эти цифры во многом связаны с актуальной международной конъюнктурой, но динамика внешней миграции в стране оставалась позитивной с 2004 по 2022 г., за исключением периода с 2009 по 2012 г.¹⁰, когда Исландия восстанавливалась после тяжелейшего кризиса.

В связи с этим особенно важным представляется изучение повседневного опыта мигрантов в Исландии и их мнения насчет отношения государства и местных жителей к ним, в частности, проблем дискриминации мигрантов. Тем более что данные вопросы совсем не освещены в отечественной историографии и слабо разработаны зарубежными исследователями.

Статья основана на официальных документах, количественных данных, дискурс-анализе публикаций в СМИ, а также шестнадцати неформальных неструктурированных интервью длительностью от 5 до 30 минут на английском, исландском и русском языках с приезжими из Афганистана, Германии, Китая, Малайзии, Мексики, Нидерландов, Польши, России, Филиппин, Франции, Чили, Японии, проведённых автором в ходе включенного наблюдения в августе–декабре 2023 года в различных городах Исландии (Акюрейри, Рейкьявик, Коупавогюр, Хабнарфьордюр). Возраст респондентов варьировался от 20 до 50 лет, большинство из них были работниками сферы услуг с высшим образованием или студентами (более детальная личная информация по каждому опрошенному не раскрывается по соображениям конфиденциальности).

⁶ *Hafstað V. Iceland among most accepting countries for migrants // Morgunblaðið* URL: https://icelandmonitor.mbl.is/news/news/2020/09/24/iceland_among_most_accepting_countries_for_migrants/ (дата обращения: 01.11.2023).

⁷ *Sigurbjörnsson S.R. 32 000 manna fólksflutningar // Vísir.*, URL: <https://www.visir.is/g/2015707229961/32.000-manna-folksflutningar> (дата обращения: 01.11.2023).

⁸ *Highest positive net migration ever // Statistics Iceland*, URL: <https://www.statice.is/publications/news-archive/inhabitants/migration-2022/#:~:text=Highest%20positive%20net%20migration%20ever&text=In%202022%2C%20a%20unusually%20large,to%20Iceland%20than%20from%20it> (дата обращения: 01.11.2023).

⁹ *Immigrants 16.3% of the population of Iceland // Statistics Iceland*, URL: <https://statice.is/publications/news-archive/inhabitants/immigrants-and-persons-with-foreign-background-2022> (дата обращения: 01.11.2023).

¹⁰ *External migration // Statistics Iceland*, URL: <https://statice.is/statistics/population/migration/external-migration/> (дата обращения: 01.11.2023).

Один из моих информантов (Интервью № 10) – филиппинец, который уже около пяти лет живёт в Исландии, – признался, что часто сталкивается как с прямым, так и с косвенным расизмом. По его словам, больше всего он боится столкнуться на улице с исландскими подростками: для его опыта типичны насмешки и негативные комментарии со стороны молодых исландцев, а один раз, как отметил информант, в него даже швырнули консервной банкой¹¹.

Также информант описал ситуацию, когда, стоя вечером зимой на автобусной остановке и ожидая вместе с местным парнем транспорт (на остановке были только они двое), он услышал от молодого исландца следующее: «Знаю, ты меня слышишь. Почему ты не свалишь назад в свою страну?». По его мнению, исландские подростки чувствуют себя в этом плане абсолютно безнаказанно¹².

Кроме того, он указал на случаи бытового расизма. В частности, когда он со своей девушкой (она – белая женщина из Польши) приходит в какое-нибудь кафе или бар, исландцы начинают говорить с ней на исландском, предполагая, что она местная, хотя она не знает исландский язык. В то же время с ним, даже если он пытается говорить на исландском (которым владеет почти на уровне носителя), общаются исключительно по-английски: то есть, судя по внешности, делают вывод, что он точно никак не может владеть их языком¹³.

Тем не менее респондент не раз подчёркивал всевозможные преимущества проживания в Исландии, в основном экономические и политические¹⁴.

Другая информантка (Интервью №1) подтвердила, что среди исландцев есть сочувствующие правым идеям, указав, что консервативные настроения особенно сильны в сельской местности, где, по её словам, у темнокожего человека могут спросить: «Чего ты здесь забыл?»¹⁵.

Она считает, что в исландском обществе растёт напряжённость, потому что за последние 2–3 года в стране «значительно ухудшилась ситуация с бесконтрольной миграцией», в то время как многие образованные исландцы, наоборот, уезжают из страны в поисках лучшей работы и новых возможностей¹⁶. По её мнению, местные жители «смотрят на мир через розовые очки» и не замечают реальных проблем в области миграционной политики, здравоохранения и образования, а также преступность и коррупцию¹⁷.

¹¹ Интервью № 10 //Полевые материалы автора, Рейкьявик, Коупавогюр, Хабнафьордюр (Исландия), август–декабрь 2023 г. (далее – ПМА 2023).

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Интервью № 1 // ПМА 2023.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

Информант № 3 указала на проблемы с бюрократией в министерстве миграции и министерстве труда. Ей приходилось месяцами ожидать получения разрешения на работу, хотя его обещали выдать за неделю. По её словам, без помощи друга-исландца она бы вообще не смогла получить нужных документов¹⁸.

Многим мигрантам приходится работать нелегально при постоянной угрозе депортации из-за того, что у них нет средств к существованию, пока они ждут от властей разрешения на трудовую деятельность. То есть люди, lawfully въехавшие в страну и удовлетворяющие первичным требованиям государства, вынуждены рисковать своим легальным статусом из-за неотложенной работы бюрократических структур.

Информант № 2, которая на момент нашего разговора уже более трёх лет жила в Исландии и работала менеджером в ресторане быстрого питания, считает, что многие исландцы не одобряют миграцию в страну и весьма прохладно (если не сказать враждебно) относятся к приезжим. Она несколько раз была свидетелем того, как на полулегальных работников её заведения специально писали заявления в миграционную службу недоброжелатели из местных жителей. Впрочем, она сама не испытывала каких-либо трудностей с поиском работы или во взаимодействии с исландцами, хотя достаточно долго ждала разрешения на работу от официальных органов¹⁹.

Информант № 6 считает, что исландское правительство многое сделало в области прав женщин и меньшинств, однако, по её словам, в области расового равноправия ещё остаётся множество пробелов. Она описала несколько случаев дискриминации и бытового расизма. Например, ситуацию, связанную с постановкой оперы, действие которой разворачивается в Азии: вместо того, чтобы пригласить артистов азиатского происхождения, постановщики отдали роли исландцам, лица которых разрисовали жёлтой краской. Многие мигранты и местные жители нашли это неуместным и оскорбительным²⁰.

При этом почти все мои информанты были убеждены, что Исландия по многим параметрам превосходит их родные страны, что жить в Исландии им нравится гораздо больше и они не хотят уезжать с острова, несмотря на некоторые трудности²¹. То есть заявления об Исландии как о «рае для мигрантов» хотя и являются явным преувеличением, не совсем лишены оснований.

Негативное отношение некоторых исландцев к мигрантам выражается чаще всего пассивно, на бытовом уровне. Так, некоторые люди (даже работники сферы услуг) принципиально отказываются разговаривать на иностранном языке, хотя практически всё местное население отлично знает английский²².

¹⁸ Интервью № 3 // ПМА 2023.

¹⁹ Интервью № 2 // ПМА 2023.

²⁰ Интервью № 6 // ПМА 2023.

²¹ Интервью № 1–16 // ПМА 2023.

²² ПМА 2023.

Иногда случается обратная ситуация. В Столичном регионе (*Höfuðborgarsvæðið*) большинство кассиров в супермаркетах, на заправках, в сувенирных магазинах, а также официантов в кафе – приезжие. Они, как правило, общаются абсолютно со всеми на английском. В то же время кассир-исланец будет в первую очередь обращать внимание на внешность: если к нему подходит, например, высокий блондин, то он начинает разговор на исландском; если же покупатель темнокожий, то вся коммуникация будет проходить на английском языке, даже если человек неплохо владеет исландским²³.

При этом многие исландцы в повседневном общении подчёркивают недопустимость любой дискриминации. Обычной практикой считается участие в митингах и демонстрациях в поддержку прав женщин, гендерных или национальных меньшинств²⁴.

Отрицательный опыт мигрантов, как показывают включённое наблюдение и общение с информантами, связан чаще всего с расовыми предрассудками, а не с негативным отношением к мигрантам самим по себе. Белые мигранты гораздо легче воспринимаются местными как «свои», что находит выражение в том числе в статистике смешанных браков, согласно которой большинство иностранцев, вступивших в брак с исландками, являются выходцами из Европы и США²⁵.

Согласно законодательству Исландии, граждане ЕС имеют упрощённый доступ на местный рынок труда. Из-за этого людям из неевропейских стран гораздо сложнее мигрировать в страну. Подобная ситуация приводит к тому, что в Исландию чаще всего приезжают белые люди с высшим образованием, как правило – европейцы или североамериканцы²⁶. Так, около 6 % населения Исландии в 2024 г. составили поляки²⁷. То есть самая крупная диаспора, проживающая в Исландии, – белая диаспора.

При этом, как выяснили Т. Эйнарсдоухтир, Т.М. Хейстра и Г.Л. Рафнсдоухтир в ходе исследования социальной и политической интеграции мигрантов, к концу 2010-х годов в Исландии по-прежнему существовал серьёзный разрыв в уровне вовлечённости в общественную и политическую жизнь страны между исландцами и мигрантами²⁸. Приезжие гораздо ниже

²³ ПМА 2023.

²⁴ Там же.

²⁵ *Sveinsdóttir I.B.* Sex prósent para hér á landi af ólíkum uppruna // Vísir., URL: <https://www.visir.is/g/2013711129971/sex-prosent-para-her-a-landi-af-olikum-uppruna> (дата обращения: 07.04.2024).

²⁶ *Loftsdóttir K.* Racism and Racialization in Iceland // Mobility and Transnational Iceland: Current Transformations and Global Entanglements. P. 45.

²⁷ External migration by citizenship and sex (1986-2022) // Statistics Iceland (Statistical Database), URL: https://px.hagstofa.is/pxen/pxweb/en/Ibuar/Ibuar__buferlaflutningar__buferlaflimillilanda/MA_N01406.px/ (дата обращения: 07.04.2024).

²⁸ *Einarsdóttir P., Heijstra T.M., Rafnssdóttir G.L.* The politics of diversity: Social and political integration of immigrants in Iceland // Icelandic Review of Politics and Administration. Special Issue on power and democracy in Iceland, P. 131.

оценивали свой собственный социальный статус, в то время как у коренных жителей Исландии субъективная социальная самооценка была гораздо выше²⁹. То есть даже белые мигранты сталкиваются с некоторыми проблемами при переезде в Исландию. Так, общим моментом в сообщениях моих информантов было упоминание сложностей с трудоустройством, особенно в контексте оформления разрешений на работу и других долгих и дорогостоящих бюрократических процедур, на что указывают и другие авторы³⁰.

Согласно исследованиям К. Лофтсдоухтира и Г. Гвудйоунсдоухтира, мигранты в Исландии гораздо реже, чем в других странах, подвергаются прямой дискриминации и открытому выражению предвзятости (нападениям, оскорблением и т. п.)³¹. Впрочем, скрытые формы дискриминации по-прежнему являются частью повседневного опыта многих приезжих³². Это подтверждается и моим полевым материалом: лишь один информант (выходец из Филиппин) заявил, что неоднократно подвергался оскорблению, а один раз даже физическому насилию, в то время как другие информанты, также являющиеся гражданами различных азиатских стран (Афганистана, Китая, Японии), ничего подобного не испытывали. При этом та же Лофтсдоухтири считает, что некоторые выражения расизма более приемлемы в Исландии, нежели в других европейских странах³³.

Как отмечают многие исследователи³⁴, современная мобильность постоянно расализируется и встраивается в постколониальный контекст. В Европе и Северной Америке традиционные формы дискриминации вытесняет повседневный расизм, характеризующийся скрытыми формами неравенства и эксклюзии³⁵. Эти процессы накладывают отпечаток в том числе и на повседневный опыт мигрантов в Исландии, (не)успешная интеграция которых в исландское общество до сих пор во многом зависит от их цвета кожи.

²⁹ Einarsdóttir P., Heijstra T.M., Rafnsdóttir G.L. Op. cit. P. 144.

³⁰ Loftsdóttir K. Op. cit. P. 45–46.

³¹ Guðjónsdóttir G. Birtingarmyndir dulinna fordóma og mismunun í garð innflytjenda á Íslandi // Íslenska þjóðfélagið. 2013. Vol. 4. № 1. P. 34; Loftsdóttir K. Imagining blackness at the margins: Race and difference in Iceland // Afro-Nordic landscapes: equality and race in Northern Europe. New York, 2014. P. 17–38; Loftsdóttir K.. “Still a Lot of Staring and Curiosity”: Racism and the Racialization of African Immigrants in Iceland // In New Dimensions of Diversity in Nordic Culture and Society. Cambridge Scholars Publishing, 2016. P. 263–282.

³² Guðjónsdóttir G. Op. cit. P. 29, 34; Tryggvadóttir H. K., Loftsdóttir K. The Word I Hate: Racism, Refugees and Asylum Seekers in Iceland // Icelandic Review of Politics & Administration 1/ 2020. P. 23–42.

³³ Loftsdóttir K. Racism and Racialization in Iceland...P. 45–46.

³⁴ Guðjónsdóttir G., Loftsdóttir K. Being a desirable migrant: perception and racialisation of Icelandic migrants in Norway // Journal of Ethnic and Migration Studies, 43(5), 2017. P. 791–808; Andreassen R., Keskinen S. Developing Theoretical Perspectives on Racialisation and Migration // Nordic Journal of Migration Research, 2017. 7(2)/ P. 64–69; Garner S. Injured Nations, Racialising States and Repressed Histories: Making Whiteness Visible in the Nordic Countries // Social Identities, 2014. 20 (6)/ P. 407–422; et al.

³⁵ Alvarez A.N. Filipino Americans and racism: A multiple mediation model of coping // Journal of Counseling Psychology, 57/ 2010. Pp. 167–178.

Список литературы:

1. Alvarez A.N. Filipino Americans and racism: A multiple mediation model of coping // Journal of Counseling Psychology, 57, 2010. P. 167–178.
2. Andreassen R., Keskinen S. Developing Theoretical Perspectives on Racialisation and Migration // Nordic Journal of Migration Research, 2017. 7(2)/ Pp. 64–69.
3. Einarsdóttir P., Heijstra T. M., Rafnsdóttir, G.L. The politics of diversity: Social and political integration of immigrants in Iceland // Icelandic Review of Politics and Administration. Special Issue on power and democracy in Iceland, 2018. P. 131–148.
4. Garner S. Injured Nations, Racialising States and Repressed Histories: Making Whiteness Visible in the Nordic Countries // Social Identities, 2014. 20 (6). P. 407–422.
5. Guðjónsdóttir G. Birtingarmyndir dulinna fordóma og mismunun í garð innflytjenda á Íslandi // Íslenska þjóðfélagið. 2013. Vol. 4. № 1. P. 27–38.
6. Guðjónsdóttir G., Loftsdóttir K. Being a desirable migrant: perception and racialisation of Icelandic migrants in Norway // Journal of Ethnic and Migration Studies, 2017. 43 (5). P. 791–808.
7. Loftsdóttir K. Imagining blackness at the margins: Race and difference in Iceland // Afro-Nordic landscapes: equality and race in Northern Europe. New York, 2014. P. 17–38.
8. Loftsdóttir K. Racism and Racialization in Iceland // Mobility and Transnational Iceland: Current Transformations and Global Entanglements. 2020. P. 39–52.
9. Loftsdóttir K. Within a ‘white’ affective space: racialization in Iceland and development discourse // Social Identities, 2014. 20 (6). P. 452–470.
10. Loftsdóttir K. “Still a Lot of Staring and Curiosity”: Racism and the Racialization of African Immigrants in Iceland // In New Dimensions of Diversity in Nordic Culture and Society. Cambridge Scholars Publishing, 2016. P. 263–282.
11. Tryggvadóttir H.K., Loftsdóttir K. The Word I Hate: Racism, Refugees and Asylum Seekers in Iceland // Icelandic Review of Politics & Administration, 1, 2020. P. 23–42.

Об авторе:

СНЕДКОВ Геннадий Алексеевич – аспирант, Институт этнологии и антропологии РАН (Российская Федерация, (119334, Россия, Москва, Ленинский пр-т, 32-А), e-mail: jgus@bk.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7797-4271>

«Evict the tourists, not migrants»: everyday experiences of migrants in Iceland in the early 2020s

G.A. Snedkov

Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The article focuses on the everyday experiences of migrants in modern Iceland and is based on the author's own field research as well as on an analysis of official statistics, media materials and research literature.

The media and public discourse often talk about Iceland as a “paradise for migrants,” although this thesis, as the author shows, is not entirely justified. Migrants in Iceland are indeed much less likely than in other countries to experience direct discrimination and open expression of bias (attacks, insults, etc.). Nonetheless, hidden forms of inequality – including various manifestations of racism – continue to be an integral part of migrants' everyday experience in Iceland, while their (un)successful integration into Icelandic society still largely depends on colour of skin.

Keywords: *Iceland, migrants, discourse, discrimination, racialization, racism.*

About author:

Snedkov Gennady Alekseevich - graduate student, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, 119334 Moscow, Leninsky Prospekt, 32-A). e-mail: jgus@bk.ru
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7797-4271>

Статья поступила в редакцию 17.08.2024 г.

Подписана в печать 24.09.2024 г.

СООБЩЕНИЯ

УДК 94(47)+930.253

DOI 10.26456/vthistory/2024.3.147–154

ДАРСТВЕННЫЕ НАДПИСИ КАК ИНФОРМАЦИОННЫЙ КОМПЛЕКС В ЛИЧНЫХ ФОНДАХ ТВЕРСКИХ АРХИВОВ

О.Г. Леонтьева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия

В статье рассматриваются вопросы информационной значимости дарственных надписей как особой группы документов в личных фондах региональных архивов. Государственные архивы регионов активно комплектуются документами личного происхождения, но информационная ценность отдельных видов документов, отнесённых к этому комплексу, неодинакова и требует проведения экспертизы в каждом конкретном случае. Цель, поставленная автором статьи, состоит в попытке проведения анализа особенностей презентации профессиональной среды и профессиональных отношений в дарственных надписях. Итогом проведённого изучения является определение важности информации дарственных надписей для биографического исследования.

Ключевые слова: дарственные надписи, история, личные фонды, архивные документы, Государственный архив Тверской области, Тверской центр документации новейшей истории, автографы, М.М. Фрейденберг, М.А. Ильин.

Дарственные надписи (инскрипты) уже давно являются объектом изучения, в первую очередь в качестве источника бытования печатного издания. При этом дарственные надписи позволяют в определённой мере осветить отношения между дарителем и получателем. Именно с этой точки зрения дарственные надписи могут рассматриваться как источник в исторических исследованиях, особенно биографического характера. Этому способствует и всё более возрастающий интерес к информации документов личного происхождения. В архивах чаще всего дарственные надписи содержатся в личных фондах и коллекциях, они выделяются в отдельную группу документов личного фонда.

В процессе проведённого исследования были рассмотрены группы дарственных надписей двух личных фондов, хранящихся в Государственном архиве Тверской области и Тверском центре документации новейшей истории. Это – фонд профессора Тверского государственного университета, доктора исторических наук, (1924-2007), заведующего кафедрой исто-

рии древнего мира и средних веков, заведующего сектором исторической славистики Тверского государственного университета, профессора, доктора исторических наук Марэна Михайловича Фрейденберга¹ и руководителя архивной службы Тверской (Калининской) области, историка, архивиста, краеведа, общественного деятеля Марка Александровича Ильина (1919–1999)².

В обоих личных фондах сохранились дарственные надписи многочисленных корреспондентов и респондентов, с которыми контактировали фондообразователи. Как правило, структура дарственных надписей схожа и включает четыре компонента – обращение, содержание, подпись, дата. Все достаточно лаконично, но, с нашей точки зрения, каждая дарственная надпись содержит свой подтекст, позволяющий увидеть профессиональный статус человека, которому адресована дарственная надпись, сопровождающие акт дарения обстоятельства, отношения, связывающие дарителя и реципиента. Инскрипты являются своеобразной характеристикой человека, его места в научном сообществе. Дарственным надписям присущ некий субъективизм, но в определённых случаях именно этот факт позволяет составить полный и объективный портрет человека. При изучении дарственных надписей в личных фондах важно также то, что они представляют в виде комплекса, что повышает их информационную ёмкость.

Следует отметить, что дарственные надписи являются тем случаем, в котором архивы могут оставлять в составе личных фондов печатные издания, что позволяет рассматривать этот документный комплекс, с одной стороны, как мини коллекцию автографов, с другой – как мини библиотеку авторефератов диссертационных работ, статей, сборников и монографий. Печатные издания в личном фонде, с нашей точки зрения, расширяют представление об интересах фондообразователя, особенно если учесть пометки, которые были оставлены на полях подаренных экземпляров.

Личный фонд М.М. Фрейденberга включает 63 единицы хранения с дарственными надписями³. В целом, количество дарственных надписей больше, чем количество единиц хранения, что объясняется принципами формирования дел. В деле может находиться только одно печатное издание с дарственной надписью или несколько с дарственными надписями одного и того же автора на разных изданиях.

Дарственные надписи условно можно поделить на две большие группы – дарственные надписи на автореферах диссертационных работ на соискание учёных степеней кандидатов и докторов наук (30 единиц хранения) и дарственные надписи на титульных листах статей и оттисках научных работ (33 единиц хранения). Авторефераты с дарственными надписями М.М. Фрейденберг получал как научный руководитель и как рецензент, по ним можно судить о его профессиональной деятельности. Дарственные надписи на оттисках научных статей интересны как свидетельствауваже-

¹ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. Р-1981.

² Тверской центр документации новейшей истории (далее – ТЦДНИ). Ф. 2090. Ильин Марк Александрович, историк, архивист, краевед, общественный деятель

³ ГАТО. Ф. Р-1981. Оп. 1. Д. 457–520.

ния к мнению М.М. Фрейденберга по профессиональным вопросам, иногда далёким от его основного исследовательского приоритета.

В продолжение статистики можно отметить, что 23 дарственные надписи сделаны на автореферах диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, 10 – доктора наук, на титульных листах научных статей оставлена 31 дарственная надпись. В фонде можно увидеть дарственные надписи на книгах, брошюрах, учебных пособиях и даже лекциях. Восемь дарственных надписей оставлены на статьях иностранных авторов, среди которых известные слависты Сербии, Чехии, Германии, что характеризует широту взаимосвязей профессора М.М. Фрейденberга в сфере профессиональной деятельности.

Большинство дарственных надписей содержат слова благодарности и уважения, эти надписи очень кратки и ограничиваются обращением и подписью дарителя: «Дорогому Марэну Михайловичу от ...» или «Глубокоуважаемому Марэну Михайловичу. Подпись». Таких надписей большинство, иногда текст расширяется за счёт приписок «в знак глубокого уважения и приязни», «с благодарностью», «с благодарностью за помощь и поддержку». Например, можно обратиться к дарственным надписям Н.П. Мананчиковой на отдельном оттиске статьи⁴, В.А. Закса на автореферате диссертации на соискание звания кандидата исторических наук⁵, Б.Л. Губмана также на автореферате диссертации⁶, Г.Л. Курбатова на титульном листе учебного пособия⁷, Мамчино Стремича на подборке статей о Иване Божиче⁸.

Дарственных надписей такого типа в фонде сохранилось 41. При изучении этих надписей важно знать положение дарителя, в этом случае информация наполняется пониманием обстоятельств акта дарения. Н.П. Мананчикова, например, была преподавателем Воронежского государственного университета, историком, славистом, автором работ по истории средневекового города–государства Дубровник. Статья Н.П. Мананчиковой с дарственной надписью была подарена не просто коллеге, а сотоварищу области научных интересов. Несомненно, интерес у исследователя биографии М.М. Фрейденберга вызовут и две дарственные надписи, оставленные историком–медиевистом, доктором исторических наук, профессором РГГУ Ю.Л. Бессмертным⁹. Несмотря на краткость содержания надписей по их характеру можно сделать вывод о дружеских отношениях двух учёных. В.А. Закс и Б.Л. Губман – преподаватели Калининского (ныне – Тверского) государственного университета, область научных интересов которых лежала вне исследований по истории славян, можно предположить, что их дарственные надписи сделаны в знак расположенности и благодарности. Для биографических исследований такие нюансы важны, они позволяют

⁴ ГАТО. Ф. Р-1981. Оп. 1. Д. 485. Л. 2.

⁵ Там же. Д. 473. Л. 1.

⁶ Там же. Д. 470. Л. 1 об.

⁷ Там же. Д. 482. Л. 2.

⁸ Там же. Д. 520. Л. 2.

⁹ Там же. Д. 460. Л. 1, 12.

определить характер взаимоотношений между дарителем и фондообразователем – случайные это встречи на форумах и конференциях или это отношения учителя и ученика. Например, дарственная надпись С.И. Муртузалиева в обращении к Марэн Михайловичу даёт ему характеристику – «прекрасному педагогу и рецензенту»¹⁰. Надпись М.Х. Алешковского на оттиске научной статьи содержит упоминание о встречах в Новгороде¹¹.

В целом текст дарственных надписей сохраняет формальность и сущность обращения, но есть эмоционально окрашенные надписи. Например, еще одна дарственная надпись С.И. Мутурзалиева на отдельном оттиске его статьи содержит следующий текст: «Дорогому Марэну Михайловичу давшему жизнь этой статье от автора ...»¹². Дарственная надпись, сделанная С.А. Ивановым на автографе диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, гласит: «Дорогому Марэну Михайловичу – на строгий суд»¹³, а дарственная надпись Л.Г. Фризмана звучит по иному: «Дорогому Марэну Михайловичу – другу и “болельщику” – Ваш Л.Ф.»¹⁴. Эти незначительные характеристики в комплексе позволяют раскрыть не только круг научных и педагогических интересов М.М. Фрейденберга, но и оттенки этих отношений.

К сожалению, большинство обстоятельств дарения остались не прояснёнными. И это касается, в первую очередь, дарственных надписей на автографах диссертационных работ: не всегда ясно, был Марэн Михайлович рецензентом, оппонентом или коллегой, т. е. не понятен характер взаимоотношений. Неясные взаимоотношения не позволяют полностью раскрыть сферу интересов реципиента, сужают личностную характеристику одариваемого.

Разумеется, большую информацию содержат дарственные надписи с развернутыми текстами. Интересна дарственная надпись Е.Б. Смилянской на автографе диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук, которая содержит обращение и благодарность за «душевную поддержку» не только Марэну Михайловичу, но и к его супруге Лидии Аркадьевне, а также имеет приписку: «А ведь год назад Вы, Марэн Михайлович, еще ругали меня, что ничего не сделано...»¹⁵. Текст показывает особые отношения между дарителем и одариваемым, тем более что тема диссертационной работы Е.Б. Смилянской не совпадает с основным направлением научных интересов М.М. Фрейденберга.

Хотелось бы отметить дарственные надписи еще четырех авторов. Особенность этих инскриптов в том, что это не отдельные надписи по конкретному случаю, а группы дарственных надписей на изданиях, подаренных в течение нескольких лет. В этом случае хорошо видно, как меняется

¹⁰ ГАТО. Ф. Р-1981. Оп. 1. Д. 490. Л. 146.

¹¹ Там же Д. 458. Л. 6.

¹² Там же. Д. 490. Л. 122 об.

¹³ Там же Д. 475. Л. 1.

¹⁴ Там же. Д. 505. Л. 2.

¹⁵ Там же. Д. 500. Л. 1.

дарственная надпись – изменяется стиль обращения, появляются дополнения, упоминания событий, не связанных с актом дарения, подписи автора.

Пять дарственных надписей сделано историком–медиевистом, специалистом по истории скандинавских народов А.А. Сванидзе. Первая дарственная надпись 1964 г. содержит очень краткий текст, по сути только обращение «глубокоуважаемому Марэну Михайловичу»¹⁶. На протяжении десяти лет в дарственные надписи добавляются слова благодарности и уважения. Изменяется и подпись, сначала это – просто роспись, позднее в качестве подписи используется имя – Ада.¹⁷ Дарственная надпись 1973 г. очень лаконична, но указывает на очень тёплые, дружеские отношения: «Дорогому ММФ от ААС»¹⁸.

Самое большое количество дарственных надписей в личном фонде принадлежит историку – скандинисту А.С. Кану, профессору университетов Упсалы и Осло¹⁹. Дарственные надписи А.С. Кана достаточно краткие, но содержащие много личного, например, обращение по имени: в одной из дарственных надписей А.С. Кан обращается к Марэну Михайловичу «старый вояка». Некоторые дарственные надписи содержат подробности личного характера, указывающие на тесные контакты между учёными в течение двух десятилетий. Первая дарственная надпись относится к 1952 г., последняя сделана в 1973 г.

Дарственные надписи, сделанные В.К. Рониным, отличаются личной характеристикой М.М. Фрейденберга. Например, на автореферате диссертации В.К. Ронин оставил дарственную надпись «знатоку и доброму советнику, лучшему читателю, которого себе желает автор»²⁰.

В отдельную группу можно выделить дарственные надписи М.А. Когана, их пять²¹, они оставлены в течение восьми лет на оттисках статей, ярко демонстрируют перерастание профессиональных связей в дружеские отношения. Первая дарственная надпись сделана на переводе статьи другого автора по истории Сербии, последняя – на автореферате диссертации М.А. Когана, посвящённой истории Швеции.

Стоит отметить ещё одну интересную информацию, которую содержат дарственные надписи, это изменения в написании дат. Вплоть до середины 1970-х гг., например, при написании месяца использовались римские цифры. Сохранилось несколько дарственных надписей 1950-х гг., в которых число и месяц указываются между цифрами года.

В личном фонде М.А. Ильина сохранилось меньшее количество дарственных надписей, их – 25, они помещены в 15 дел²². Дарственные надписи сделаны на титульных листах книг, на оттисках статей, фотоальбоме.

¹⁶ ГАТО. Ф. Р.-1981. Оп. 1. Д. 497. Л. 6.

¹⁷ Там же. Л. 16, 31, 42.

¹⁸ Там же. Л. 49.

¹⁹ ГАТО. Ф. Р-1981. Оп. 1. Д. [] Л. 2, 11, 14, 17, 26, 32, 40об, 41, 52.

²⁰ Там же. Д. 495. Л. 1.

²¹ Там же Д. 479. Л. 1 об, 29, 48, 65, 92.

²² ТЦДНИ. Ф. 2090. Оп. 1. Д. 272–286.

Как правило, в одном деле находятся несколько печатных изданий с дарственными надписями. Акты дарения связаны не только с профессиональной, но и общественной деятельностью М.А. Ильина. Фактически отсутствуют дарственные надписи, связанные с актами дарения печатного произведения по служебному случаю. Можно привести только один такой пример: это дарственная надпись от историков-архивистов г. Штипа (Македония)²³, в связи со служебной поездкой М.А. Ильина в Македонию.

Дарственную надпись американского исследователя Родни Бохача на оттиске его статьи, написанной по результатам работы с документами в Государственном архиве Тверской области, правильнее отнести к служебной деятельности М.А. Ильина, но слова надписи и на русском, и на английском языках лишены официальности и указывают на добрые отношения между дарителем и одариваемым. Р. Бохач в русской части дарственной надписи пишет: «Спасибо за ваши совет, помошь и поддержку»²⁴. Эта дарственная надпись содержит определённую оценку деятельности государственного чиновника.

Большинство дарственных надписей в личном фонде М.А. Ильина сделаны на книгах и статьях по истории тверского края, подаренных Марку Александровичу как человеку, активно содействовавшему развитию краеведения в Тверской области. Даже в самых кратких дарственных надписях, состоящих из обращения и подписи, читается благодарность и теплота. Например, обращение всегда начинается со слова «дорогой».²⁵ Среди авторов дарственных надписей крупные российские историки, краеведы, со-курсанты Марка Александровича, писатели. Удивительно, что они считали мнение М.А. Ильина значимым по результатам исторических исследований разной тематики, хотя Марк Александрович не оставил крупных научных трудов, но его потрясающая способность определять важнейшие задачи исторической науки и желание поддержать интересные проекты в нужный момент, в нужной ситуации делали его союзником и помощником разных людей. Например, в дарственной надписи историка В.А. Кучкина на оттиске статьи написано: «Дорогому Марку Александровичу Ильину с глубоким уважением от худейшего из публикаторов»²⁶. Содержание дарственной надписи несколько шутливое, что указывает и на добрые отношения, и на совместную работу по публикации документов.

Естественно, привлекают внимание дарственные надписи известных людей. С.О. Шмидт оставил на экземпляры газеты «Досье», опубликовавшей статью о Торжке, не только дарственную надпись: «Дорогому Марку Александровичу Ильину в день, когда мы открыли, что Ильин – рассказчик, что Ильин – деятель архивный», но и приписку: «Этот совершенно особый мир. Люди формировали среду, она влияла на них»²⁷. Разумеется,

²³ ТЦДНИ. Ф. 2090. Оп. 1. Д. 281. Л. 2.

²⁴ Там же. Д. 284. Л. 1.

²⁵ Там же. Д. 272. Л. 1; Д. 273. Л. 26, 30; Д. 276. Л. 3.

²⁶ Там же. Д. 273. Л. 13.

²⁷ Там же. Д. 285. Л. 1.

библиографу М.А. Ильина надо знать факт активного участия Марка Александровича в создании туристического маршрута «Пушкинское кольцо Верхневолжья» и его знаменитых экскурсиях для коллег архивистов и историков, чтобы понять высокую оценку деятельности Марка Александровича по открытию особой страницы истории края.

Достаточно эмоциональную дарственную надпись оставил на своём произведении и председатель областного общества тверских карел В.А. Виноградов: «Дорогому Марку Александровичу, последнему из могикан Тверского краеведения, с уважением и самыми добрыми пожеланиями автор “карельской” статьи»²⁸. Марк Александрович очень активно поддерживал возрождение и восстановление культуры и истории тверских карел, содействовал созданию коллекции документов по истории карел в муниципальных архивах области.

Среди дарственных надписей М.А. Ильину достаточно большое количество содержит благодарность за его организаторскую деятельность²⁹. Писатель П. Дудочкин в дарственной надписи упомянул, что тверская земля обязана Марку Александровичу «очень многим за большую исследовательскую деятельность по возвышению истоков русской культуры»³⁰.

Дарственные надписи личного фонда М.А. Ильина более содержательны и эмоциональны, чем в фонде М.М. Фрейденберга. Они характеризуют фондообразователя как человека активного, увлекающегося, сохранившего теплые отношения со многими достаточно разными людьми, что дополнят его профессиональный и общий портрет.

Подводя итог, можно сказать, что дарственные надписи в личных фондах не могут быть самостоятельным источником информации о фондообразователе, как, впрочем, и другие группы документов. Дарственные надписи позволяют увидеть и даже проследить отношения дарителя и одариваемого, увидеть характер этих отношений. Достаточно часто с помощью дарственных надписей можно восстановить некоторые факты и события из жизни фондообразователя, определить его круг общения. Существует и другая сторона вопроса – насколько рационально сохранение значительного объёма дарственных надписей в личном фонде? Ответить на этот вопрос однозначно нельзя. Дарственные надписи позволяют сохранять экземпляры печатных изданий в составе фонда и, как указывалось выше, пометки на их страницах, но печатные экземпляры увеличивают физический объём фонда. Анализ выдачи дарственных надписей в государственных архивах показал, что степень выдачи таких дел не высока, исследователи, работающие с документами фондов, ориентируются в первую очередь на заголовок дела в описи и заказывают дела с автографами известных людей. В данном случае, как при работе с документами личного происхождения

²⁸ ТЦДНИ. Ф. 2090. Оп. 1. Д. 282. Л. 1 об.

²⁹ Там же. Д. 273. Л. 15. Д. 279. Л. 1, 4; Д. 280. Л. 1 об.

³⁰ Там же. Д. 277. Л. 1 об.

особая роль принадлежит архивисту и его уже профессиональной подготовке в распознавании значимости информации дарственной надписи.

Об авторе:

ЛЕОНТЬЕВА Ольга Геннадьевна – кандидат исторических наук, заведующая кафедрой, кафедра документоведения и архивоведения, Тверской государственный университет, (170100, Россия, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31, каб. 208); e-mail: Leonteva.OG@tversu.ru

GIFT INSCRIPTIONS AS AN INFORMATION COMPLEX IN THE PERSONAL FUNDS OF TVER ARCHIVES

O.G. Leonteva

Tver State University, Tver

The article discusses the issues of the informational significance of gift inscriptions as a special group of documents in the personal collections of regional archives. The state archives of the regions are actively equipped with documents of personal origin, but the information value of certain types of documents attributed to this complex varies and requires examination in each specific case. The purpose set by the author of the article is to attempt to analyze the features of the presentation of the professional environment and professional relations in gift inscriptions. The result of the study is to determine the importance of the information of gift inscriptions for biographical research.

Keywords: *inscriptions, history, personal funds, archival documents, State Archive of the Tver region, Tver Center for Documentation of Modern History, autographs, M.M. Freudenberg, M.A. Ilyin.*

About author:

LEONTIEVA Olga Gennadyevna – Candidate of History, Head of the Department, the Department of Documentation and Archival Studies, Tver State University, (170100, Russia, Tver, Trekhsvyatskaya str., 16/31, of. 208), e-mail: Leonteva.OG@tversu.ru

Статья поступила в редакцию 12.09.2024 г.

Подписана в печать 24.09.2024 г.

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 902/904+061.3

DOI 10.26456/vthistory/2024.2.155–166

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ НЕЛЕПОСТЕЙ

В.П. Булдаков

Институт российской истории Российской академии наук,
г. Москва, Россия

Автор обращает внимание на одну из самых экзотических болезней современной российской историографии – графомании. На конкретном примере показано, что некоторые авторы просто не могут остановиться от бесконечного переписывания определенных сюжетов, рассчитывая при этом на научное призвание. Особо заметно это в работах, посвященных Гражданской войне в России. В значительной мере это связано с тем, что в связи с крахом марксистской методологии в 1990-е годы значительная часть историков утратила ценностные ориентиры. Началось переписывание истории соответственно смене общественных симпатий. В частности, деятельность белых генералов стали описывать в такой же манере, в какой некогда прославлялись «пламенные революционеры». При этом откровенно делается ставка не на качество, а на количество публикуемых работ.

Ключевые слова: Россия, Гражданская война, военная интервенция, «красные и белые», историография, графомания.

Историку подобает быть незаметным. Что его личность на фоне событий, о которых он рассказывает? Обычно летописец становится смиренным по мере осознания этой истины. Бывают, однако, времена, когда все меняется.

Я имею в виду не годы перестройки, когда историк невольно оказывался в роли «Геродота на эстраде». Пугающие события последующих лет заставили людей еще более опасливо вспоминать некогда пережитое. Сегодня ситу-

ация кажется иной. История «надолела», историкам «не верят». И это вопреки тому, что «отвергнутое» советское прошлое как никогда рифмуется с современностью.

Конечно, когда одни авторы клеймят прошлое, другие восторгаются им, наступает нечто вроде аннигиляции исторической мысли. К тому же история, как наука, тонет в море всевозможной «попсы». Как проявить себя на этом фоне?

Впервые с работами В.И. Голдина я столкнулся довольно давно.

Это были безликие «историографические» сочинения, состоящие в основном из аннотированного перечня опубликованных монографий. Так было принято. Сей жанр возник в советское время в связи с необходимостью «направлять» историографический поток в нужное высокому начальству русло. Авторы, со своей стороны, могли довольствоваться упоминанием своих трудов, а также возможностью узнать, чем занимаются коллеги. Что интересно, «историографов» воспринимали всерьез – таков результат привычного почитания «руководителей науки». Однако в годы перестройки этот жанр, казалось, должен был выявить свою неуместность: в то время как одни историки корпели в архивах, а другие мучительно тужились над «новыми подходами», «историографы» старой формации пытались по-прежнему их поучать.

Историографическая ситуация осложнялась тем, что наступила пора ценностных переверсий. Так в шеренгу новых героев встали противники большевиков: от лидеров «контрреволюционных» партий до «белых» генералов. Примечательно, что их деятельность описывали в такой же агиографической манере, в какой некогда прославлялись «пламенные революционеры». Это не удивительно: активизировались «перевертыши» из среды бывших историков КПСС. На этой волне возникали новые организационные центры и доморощеные «ассоциации» (Об одной из них см.: Булдаков В.П. Историографическая показуха. Заметки о книге «Между канунами. Исторические исследо-

вания в России за последние 25 лет» (Под ред. Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2013) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2016. № 2. С. 125–141). Так, В.И. Голдин неожиданно возглавил Ассоциацию исследователей Гражданской войны в России, прописанную (ни на Юге России, ни в Сибири, ни даже в Санкт-Петербурге или в Москве), а в... Архангельске, то есть по месту его жизнедеятельности. Что и говорить: поразительно удачный выбор штаб-квартиры!

Понятно, что серьёзные исследователи этот центр игнорировали, однако он привлек молодых авторов, устремившихся в большую науку. С другой стороны, эта вроде бы независимая «ассоциация» привлекла зарубежных авторов и даже грантодателей. В общем, всплывшая, как водится, историографическая шелуха обрела некое организационное оформление. Это был обычный для того времени «мыльный пузырь», хотя среди публикаций «ассоциаций» встречались и полезные работы.

Историография, как и все на свете, движется порой неожиданными тропами. Возникает вопрос, как удалось Голдину выбиться в лидеры?

Всё по-своему закономерно – достаточно проследить за его научной биографией, подробно рассказалой им самим. Так, в 1979 г. он написал и защитил кандидатскую диссертацию «Деятельность Коммунистической партии по повышению роли Ленинского комсомола в подготовке кадров социалистической интеллигенции

в СССР. 1928–1937 гг.». Звучит странновато, но не стоит удивляться: в застойные годы предлагалось и не такое.

Особенности карьеры Голдина прослеживаются по его же сочинениям. Оказывается, в юношеские годы он мечтал «получить юридическое образование и поступить на службу в КГБ»¹. От этой перспективы пришлось отказаться: работа в его местном отделении не обещала карьерного роста². Пришлось двинуться по комсомольской линии, где, по его словам, и стали формироваться его «организаторские и лидерские качества»³ – по-своему незаурядные.

Относительно роли комсомола в перестройке и в последующих общественно-политических коллизиях стоило бы произвести особое расследование. Когда-то действовал принцип: «Партия сказала – комсомол ответил: «Есть!»». А один комсомольский работник раскрыл мне главный «производственный» секрет. Помощник партии должен уметь в любых обстоятельствах, хоть спросонья, моментально произнести пылкую речь – о чем потребуют. Что и говорить, очень нужная способность! Главное – иметь в запасе набор штампов. А они, между прочим, не забываются.

Не менее полезным для Голдина стал еще один опыт. «Осенью 1969 года вошел в состав лекторской группы Архангельского об-

кома комсомола, и в конце октября – начале ноября совершил первую поездку как лектор обкома ВЛКСМ, специализируясь на международном молодежном движении...», – детально вспоминает он. – Лекторская работа способствовала, без преувеличения, моему интеллектуально-профессиональному росту. ...Лектор обязан был знать все и должен быть ответить на любой вопрос». К тому же эта работа «позволяла и подзаработать»⁴. Последнее, увы, справедливо. Кто из студентов не соблазнялся тогда возможностью «подзаработать» через общество «Знание»? Правда, Голдин действовал на «более высоком» уровне, что требовало особой «трибунной» уверенности, а также идеологической осторожности. И то и другое, как видно, также запомнилось на всю жизнь. А потому не стоит удивляться тому самонадеянному вздору, который порой адресуется академической аудитории с высоких трибун. Авторы старой закваски никак не могут выйти из привычного амплуа.

Прошлое, как известно, «не уходит» – тем более, что некоторые цепляются за него как утопающий за соломинку. В сочинении, появившемся связи с 65-летием и названном «монографией» (таково непременное название всех его книг), Голдин поведал о своем «большом научном, научно-организационном и научоведческом (!) опыте»⁵. При этом заявлено: «Я также считаю себя в первую

¹ Голдин В.И. На перекрестках памяти: монография. Архангельск: САФУ, 2021. С. 59.

² Там же. С. 77–78.

³ Там же. С. 65.

⁴ Там же. С. 65–66.

⁵ Голдин В.И. Ученый и книга, или Сорок лет служения науке: монография. Архангельск: САФУ, 2016. С. 5.

очередь исследователем, но имею право именоваться и ученым, что обусловлено присвоением почетного звания “Заслуженный деятель науки Российской Федерации”. В соответствии с положением о государственных наградах Российской Федерации это звание присваивается «выдающимся ученым за личные заслуги»⁶. Сильно сказано! Правда, «ученые» не назначаются указами. А вклад в науку определяется не почетными званиями. В любом случае человек, желающий выделиться своими заслугами, не внушает доверия. Но что делать, если очень хочется себя показать, а тебя не замечают?

Ситуация понятная. Те «историки», которые не смогли выбраться из болота усвоенных в советское время «научных» представлений, рисковали остаться не у дел. И потому им пришлось использовать прошлые связи и навыки саморекламы ради выживания в новой обстановке. Комичности своих действий они не замечали.

Вообще-то путь Голдина в науку был непростым: «отработал два года в сельской школе, поступил в аспирантуру в ЛГПИ». Однако «учебу в аспирантуре пришлось прервать: служба в армии»⁷. Когда-то он «мечтал перебраться в МГИМО»⁸. Не удалось. В общем, было трудно. Зато каков итог и какая перспектива: «в среднем ежегодно публикую до 20 статей и книги... В планах – более десяти

книг»⁹. Конвойер? Впрочем, относительно количества (это сообщалось в 2016 г.) Голдин малость преувеличил. Однако счет его продукции все равно идет на сотни. Не многовато ли?

Я тоже, грешным делом, много публикую. Однако количества опубликованного скорее смущаюсь: уважаемые мною в прошлом авторы отнюдь не забрасывали в печать такого количества текстов, зато многие из их работ вспоминались через десятилетия. А о количественных показателях их продукции обычно становилось известно лишь из некрологов. Напротив, некоторые современные авторы успешно клонируют свои компилятивные сочинения в многочисленных изданиях.

Так или иначе, Голдин фактически монополизировал тему Гражданской войны на Севере России. Какие же при этом были сделаны «основополагающие» выводы?

Возьмем одну из последних книг Голдина «Арктическая жемчужина России. Русский Север в эпоху реформ, революций и Первой мировой войны», изданной в серии «Библиотека Российского военно-исторического общества». Название звучит претенциозно и аляповато, но в наше время случается и не такое. Главное что автор обещает «междисциплинарный и мультидисциплинарный подход» и уверяет, что «многообразие привлеченных... и тщательно проанализированных источников позво-

⁶ Там же. С. 8.

⁷ Там же. С. 85–86, 88.

⁸ Там же. С. 69.

⁹ Голдин В.И. Ученый и книга, или Сорок лет служения науке. С. 152.

ляет претендовать на полноту исследования»¹⁰. Обратимся, однако, к заключительной части работы. Здесь обнаруживается не совсем обычный набор выводов: «На страницах этой книги рассмотрена сложная и противоречивая эпоха истории России и Русского Севера»; «На материалах северных губерний исследована сложная и противоречивая диалектика реформ и революций»; «Охарактеризованы процессы борьбы за переход власти к Советам», «Раскрывается генезис идей интервенции Антанты в России и прежде всего на Севере страны»¹¹. В общем, заключение больше похоже на формальный отчет: «номер отработан». По существу проблематики – ничего!

Тем не менее, на задней стороне обложки книги она была названа «фундаментальной», а ее автор – «классиком». Чудеса, да и только! Столь сильные выражения обычно употребляют, когда искренних слов не находится.

Следует признать: ситуация, когда «кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку», в современной историографии не редкость. Действует и другой принцип: «себя не похвалишь...». В заключительной части другого сочинения Голдина читаем: «На страницах книги рассмотрена сложная и противоречивая эпоха истории России, Русского Севера и международных отношений на северной оконечности европейского континента...»;

¹⁰ Голдин В.И. Арктическая жемчужина России. Русский Север в эпоху реформ, революций и Первой мировой войны. М.: Вече, 2022. С. 18.

¹¹ Там же. С. 194, 195, 196.

«В ней представлена многогранная картина...»; «В книге на материалах северных губерний раскрывается сложная диалектика реформ и революций»¹². В общем, всё сложно, противоречиво и многогранно – набор штампов и непременная «диалектика»! А где же авторские открытия? Их то ли не нет, то ли автор считает, что сам по себе его торжественный выход на историографическую сцену – научное событие. Вроде появления лектора обкома КПСС перед малообразованной аудиторией.

Впрочем, стоит особо остановиться на особом «изобретении» автора. «В книге рассмотрен процесс перерастания так называемой “малой” Гражданской войны в стране в широкомасштабное и фронтовое противоборство в конце весны – летом 1918 года, роль и значение международной интервенции в многообразии ее форм в этом процессе»¹³, – уверяет он. Серьезные авторы вроде бы давно согласились (в соответствии с мнениями современников событий), что Гражданская война в России началась 25 октября 1917 г. Уже тогда большевики, их противники и даже простые обыватели не птили иллюзий относительно смысла развернувшихся событий. Однако сталинская историография навязала «нужное» представление: возникновение Гражданской войны следует относить к лету 1918 г., то

¹² Голдин В.И. Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 – лето 1918 г. Архангельск: САФУ, 2018. С. 553.

¹³ Там же. С. 554.

есть к началу «интервенции Антанты», прервавшей провозглашенное Лениным «триумфальное шествие Советской власти». В связи с этим для некоторых возникла непростая историографическая – точнее политico-идеологическая – ситуация. Для того, чтобы не «потеряться» и сохранить внушительное «лицо», и была выдумана Голдиным «малая» Гражданская война. Выглядит, прямо скажем, наивно, хотя некоторые рецензенты готовы принять это всерьез¹⁴. Более того, встречаются утверждения, что «единственный современный авторитет в области историографии истории Гражданской войны В.И. Голдин»¹⁵.

Между тем, Гражданская война всегда **большая**. Не по количеству выстрелов, а потому, что «брать идет на брата», а обратно пути нет. К тому же гражданские войны начинаются и кончаются фактически помимо воли людей. Все это наносит духовную травму на века.

¹⁴ См.: Силин А. На переломе: Русский Север на пути к Гражданской войне (*Голдин В.И. Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 – лето 1918 г. Архангельск: САФУ, 2018*) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 1 (16). С. 288–306; Шадрина О.Н. Рец. на кн: Голдин В.И. Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 – лето 1918 г. Архангельск: САФУ, 2018 // Ученые записки Петрозаводского гос. унта. 2019. № 4 (181). С. 109–111.

¹⁵ Войтиков С.С. Узда для Троцкого. Красные вожди в годы Гражданской войны. М.: АИРО-XXI, 2016. С. 26.

Понятно, что бывшие «историки КПСС», по природе своей неспособные к любым новациям, стараются сохранить атмосферу привычного интеллектуального застоя вокруг себя. Так, в той же книге Голдин указывает, что в наше время «по существу складывается целое направление критики российских революций, именуемое коллегами “смутоведением”. Происходившее в 1917 году и в последующие годы лидерами и сторонниками “смутоведения” трактуется как апофеоз хаоса, и предпринимаются попытки доказать, что российские революции свершились ввиду кризиса сознания, потери широкими массами разума, здравого смысла, что они были результатом аффективных действий маргинализованных элементов, являлись болезнью, психопатологией»¹⁶. В общем, привычный образ революции «извращается».

Это камень в мой огород. Правда, на создание «направления» я не претендовал, термин «смутоведение», тем более, не употреблял, за прытких пародистов ответственности не несу. В моих работах была сделана попытка описания российской революции (в широком смысле слова), как **системного кризиса империи**, по характеру протекания сходного со Смутой XVII в. Сопоставление предложено давно и отнюдь не мной, я лишь пытался обобщить намеченное. Представляется, что Россия пережила масштабное явление синергетического, а не эле-

¹⁶ Голдин В.И. Север России на пути к Гражданской войне. С. 23–24.

ментарного (как некогда учили) – причинно-следственного – характера. Оно не может подменить собой революцию, зато может включать ее (или даже ряд революций) в себя (См.: Булдаков В.П. *Quo vadis. Кризисы в России: пути переосмыслиния*. М., 2007; Булдаков В.П. *Красная смута: природа и последствия революционного насилия*. М., 2010).

Полезно было бы в связи с этим компаративистское сопоставление «красной смуты» с Французской революцией на культурно-антропологическом уровне.

Но что делать, если иные авторы путают метафору с концепцией? Сообщаю об этом для характеристики «аналитического» уровня Голдина.

Походя Голдин подверг остракизму еще одного автора. Оказывается, «кандидат исторических наук Л.Г. Новикова стремилась доказать укорененность белого движения в массах», а в целом обнаружила «стремление, так или иначе, снять ответственность с интервентов за Гражданскую войну на Севере»¹⁷. Звучит странно: в свое время Голдин пытался внедрить в научный обиход свое «открытие» – «интервенция по приглашению». Понятно, сия новация отражала стремление смягчить былую антиимпериалистическую риторику. Теперь же «дружественная» интервенция вновь приобрела у Голдина агрессивное звучание. Примечательно также, что, критикуя Новикову, он ухитрился перевратить

название ее книги¹⁸: «провинциальная» контрреволюция превратилась в «северную». Такие «небрежности» у него – в порядке вещей. Да что говорить: с высоких трибун звучало и не такое. Кстати сказать, Новикова привела в своей работе массу архивного материала, «не замеченного» Голдиным. И её книга неслучайно была переведена на Западе.

Возникает вопрос, чому и кому обязан Голдин своей «научной» карьерой? Секрет прост. В своих «автомонографиях» он подробно рассказывает где, когда, с кем из корифеев он соприкасался. Дело понятное: на принципе клиентелы и держался пресловутый застой. А ныне вокруг Голдина возник целый круг панегиристов соответствующего уровня.

Не нужно думать, что Голдин ограничивает свои изыскания Гражданской войной. Поскольку некогда он отмечался в качестве лектора-международника и хаживал в местный Интерклуб, то как было не развить это начинание. Так, в 2009 г. неожиданно появилась его книга «Латинская Америка: вехи истории и современность». Эта тоже «монография» представляла собой что-то вроде бойкого пересказа содержимого нескольких путеводителей¹⁹. Но это было только началом. На про-

¹⁸ См.: Новикова Л.Г. Провинциальная «контрреволюция»: белое движение и гражданская война на русском Севере. 1917 – 1920. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

¹⁹ См.: Голдин В.И. Латинская Америка: вехи истории и современность. Монография. Мурманск: МПГУ, 2009.

¹⁷ Голдин В.И. Север России на пути к Гражданской войне. С. 28.

тяжении последующих лет Голдин посетил несколько десятков стран (70 к 1916 г.), удостоившихся новых публикаций²⁰. Одна из них заканчивается эпически: «И это повествование, воплотившееся в данную монографию, ныне займет свое место в летописи авторских книг, посвященных страноведению и международным отношениям»²¹.

Надо бы позавидовать Голдину: и мир повидал, и себя показал. Однако что-то смущает. Похоже, что все его «страноведческие» книги можно было сочинить, не выходя из кабинета – с помощью Интернета. Однако автор в уже известной тональности уверяет, что «на страницах книги представлена широкая и многогранная панорама развития разных стран и народов пяти континентов нашей планеты, международных отношений в прошлом и настоящем»²².

Возникает вопрос: мог ли автор поверхностных travelогов выступить в роли серьезного историка? Мог, поскольку современное историографическое пространство все еще пропитано легковесными мифами и литературной стилисти-

кой советской эпохи. Причем такая ситуация применительно к проблемам революции и Гражданской войны сохраняется в «научной» литературе до сих пор.

Впрочем, кажется, что неутомимым путешественником движет отнюдь не интерес к собственно истории и прочей экзотике. В его книгах множество низкопробных фотографий. На пестром фоне диковинных лиц, животных и пейзажей непременно представлен сам автор: преимущественно в цветных шортах и всегда в картичных позах – то уперев «руки в боки», то заложив их за спину, то попаполеоновски скрестив на груди. Настоящий «новый русский» 1990-х годов, «жизнь удалась!»

Впрочем, политическая и организационная карьера Голдина не всегда была удачливой. В 1999 г. он участвовал в выборах в Государственную думу при поддержке А.И. Подберезкина, руководителя движения «Духовное наследие». Однако проиграл²³. А в 2011 г. лишился должности проректора (по его версии) в связи с вхождением Поморского университета в состав Северного (Арктического) федерального университета²⁴. И это обидно. Но в целом редкий человек в ученом мире бывает столь откровенно доволен собой, как Голдин.

Оказывается, и этому он находит свое объяснение. Среди прочих достижений Голдин сообщает, что по гороскопу он – Лев, а «кему необходимо находиться в центре

²⁰ См.: Голдин В.И. По странам и континентам: монография. Архангельск: САФУ, 2016;; Голдин В.И. Мир в прошлом и настоящем: наблюдения, впечатления, размышления: монография. Архангельск: САФУ, 2020.

²¹ Голдин В.И. Китайская мозаика: Китайская народная Республика в начале XXI века: монография. Архангельск: САФУ, 2017. С. 225.

²² Голдин В.И. Экзотика нашей планеты. Очерки страноведения и международных отношений: наблюдения, впечатления, размышления: монография. Архангельск: САФУ, 2014. С. 551.

²³ Там же. С. 146.

²⁴ Голдин В.И. Ученый и книга, или Сорок лет служения науке. С. 149.

внимания и восхищать своей царственной особой». Впрочем, для него отнюдь не характерна «непоколебимая уверенность», нет «стремления находится в центре внимания»²⁵. Однако, в одной из его книг приводятся фотографии 5 (пяти!) изданий, посвященных его юбилеям.

Конечно, самолюбование в нашей историографии – вовсе не изобретение Голдина. Такое стало особенно заметно в конце 1980-х – начале 1990-х годов, когда бывшие историки КПСС просыпались наутро поклонниками белогвардейцев (см.: Булдаков В.П. «Отцы» и «дети» российской Клио. Историографическое эссе // Историческая экспертиза. 2023. № 3. С. 193–201).

Голдин в этом смысле опоздал. Припозднились и некоторые его хвалители. Так А.В. Ганин в своё время поспешил с докторской диссертацией – справочнике об офицерах Генерального штаба, раздерганным позднее на ряд отдельных монографий²⁶. Другой более доношный автор высказался по поводу подобных писаний уничижительно: «Самое забавное заключается в совершенно искренней уверенности Ганина в том, что его “труды” представляют собой шедевры научной мысли и что чем чаще и больше он будет копировать и публиковать архивные материалы, тем лучше будут его

“творения” и что его вклад в науку зависит исключительно от объема его “работ” в печатных листах»²⁷.

Вероятно, в связи с высказанным мнением (отнюдь не единственным) Ганин стал защищаться не в родной Москве, а в далеком Архангельске. Конечно, после этого нельзя было не восхвалить труды председателя тамошнего диссертационного совета Голдина, работы которого неуклонно именуются фундаментальными. Возникает подозрение: «Каков поп – таков и приход!». И сколько еще таких «приходов» в нынешней исторической, с позволения сказать, науке?

В свое время Ганин получил полезный совет: «Прекратите, пожалуйста, заниматься историческими исследованиями, ибо Вы этого делать не умеете, и, видимо, уже и не научитесь. Единственная область деятельности, которая Вам удается – это собирание архивных материалов в неимоверно больших количествах. Но и собранными материалами Вы толково распорядиться тоже не умеете»²⁸. Словно в ответ Ганин разразился серией монографий, так или иначе перетасовывающих все тот же материал²⁹.

²⁵ Каминский В.В. Ганин А.В. – «творец» «мертвых душ» в Корпусе Генерального Штаба Красной Армии или повесть о том, как не следует заниматься научно-исследовательской работой. Уфа: Словохотов А.А., 2013. С. 72.

²⁶ Там же. С. 73.

²⁷ Критический отзыв на одну из них см.: Булдаков В.П. Плоды методологической беспомощности. О книге А.В. Ганина «“Семь почему” российской Гражданской войны» (М., 2018) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2019. № 1. С. 125–141.

²⁵ Голдин В.И. На перекрестках памяти. С. 467–468.

²⁶ Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в год Гражданской войны 1917 – 1922 гг. М.: Русский путь, 2009.

Как видно, оба автора решили «взять количеством». Увы, оно отнюдь не всегда переходит в положительное качество. Случается с точностью до наоборот. Ибо графомания, как и нарциссизм, – неизлечимые болезни, которые поражают не в меру амбициозных авторов. Особенно, если у них утрачено представление о соотношении масштабности истории и мимолетности собственного в ней существования. Да и с чувством юмора не все в порядке.

Будем откровенны: информационная революция создает идеальные условия для графоманов т любителей саморекламы. Появилась масса «первооткрывателей» и даже «основателей» исследовательских «направлений». Порой это раскрашено вычурной (не к месту заимствованной) терминологией. Так или иначе, вал «монографических» компиляций растет.

Список литературы:

1. Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в год Гражданской войны 1917 – 1922 гг. М.: Русский путь, 2009. – 894 с.
2. Голдин В.И. Арктическая жемчужина России. Русский Север в эпоху реформ, революций и Первой мировой войны. М.: Вече, 2022. – 445 с.
3. Голдин В.И. Китайская мозаика: Китайская народная Республика в начале XXI века: монография. Архангельск: САФУ, 2017. – 253 с.
4. Голдин В.И. Латинская Америка: вехи истории и современность. Монография. Мурманск: МПГУ, 2009. – 167 с.
5. Голдин В.И. Мир в прошлом и настоящем: наблюдения, впечатления, размышления: монография. Архангельск: САФУ, 2020. – 559 с.
6. Голдин В.И. На перекрестках памяти: монография. Архангельск: САФУ, 2021. – 495 с.
7. Голдин В.И. По странам и континентам: монография. Архангельск: САФУ, 2016. – 525 с.
8. Голдин В.И. Север России на путях к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 – лето 1918 г. Архангельск: САФУ, 2018. – 619 с.

Случай Голдина можно было бы отнести к разряду персональных несуразностей, которыми столь богата наша современность. Настораживает другое: кто-то повторяет их потоку, кто-то считает происходящее нормой, а кто-то даже видит в этом нечто «фундаментальное». Возникает круговорот низкокачественной (мягко говоря) продукции. Может, хватит?

Обо всем этом пришлось написать вовсе не для того, чтобы устыдить авторов, непомерно озабоченных собственным имиджем. Им стоит скорее посочувствовать. Тень нашего прошлого куда длиннее и причудливее, чем нам кажется. А потому не лишне на конкретных примерах напомнить о происхождении давних недугов, от которых все равно придется избавляться.

9. Голдин В.И. Ученый и книга, или Сорок лет служения науке: монография. Архангельск: САФУ, 2016. – 168 с.
10. Голдин В.И. Экзотика нашей планеты. Очерки страноведения и международных отношений: наблюдения, впечатления, размышления: монография. Архангельск: САФУ, 2014. – 564 с.
11. Каминский В.В. Ганин А.В. – «творец» «мертвых душ» в Корпусе Генерального Штаба Красной Армии или повесть о том, как не следует заниматься научно-исследовательской работой. Уфа: Словохотов А.А., 2013. – 160 с.
12. Новикова Л.Г. Провинциальная «контрреволюция»: белое движение и гражданская война на русском Севере. 1917 – 1920. М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 337 с.

Об авторе:

БУЛДАКОВ Владимир Прохорович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории, РАН, (Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19), e-mail: kuroneko@mail.ru

ON THE QUESTION OF THE ORIGIN OF HISTORIOGRAPHICAL ABSURDITIES

V.P. Buldakov

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

The author draws attention to one of the most exotic diseases of modern Russian historiography – graphomania. Well known example shows that some authors simply cannot stop at the endless rewriting of certain plots, while counting on scientific goals. This is especially noticeable in works devoted to the Civil War in Russia. This is largely due to the fact that after collapse of Marxist methodology in the 1990s, a significant part of historians lost their value orientations. History began to be rewritten in accordance with changing public sympathies. In particular, the activities of the “white generals” began to be described in the same manner in which “fiery revolutionaries” were once glorified. At the same time, the emphasis is openly placed not on the quality, but on the quantity of published works.

Keywords: Russia, Civil War, military intervention, “reds and whites”, historiography, graphomania.

About the author:

BULDAKOV Vladimir Prokhorovich – Doctor of History, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, (Russia, Moscow, D. Ulyanov str., 19), e-mail: kuroneko@mail.ru

References:

- Ganin A.V., *Korpus oficerov General'nogo shtaba v god Grazhdanskoy vojny 1917 – 1922 gg.*, M., Russkij put', 2009. – 894 s.
- Goldin V.I., *Arkticheskaya zhemchuzhina Rossii. Russkij Sever v epohu reform, revolyuciij i Pervoj mirovoj vojny*, M., Veche, 2022. – 445 s.
- Goldin V.I., *Kitajskaya mozaika: Kitajskaya narodnaya respublika v nachale XXI veka: monografiya*, Arhangel'sk, SAFU, 2017. – 253 s.
- Goldin V.I., *Latinskaya Amerika: vekhi istorii i sovremennost'*, Monografiya, Murmansk, MPGУ, 2009. – 167 s.
- Goldin V.I., *Mir v proshlom i nastoyashchem: nablyudeniya, vpechatleniya, razmyshleniya: monografiya*, Arhangel'sk, SAFU, 2020. – 559 s.
- Goldin V.I., *Na perekrestkah pamyati: monografiya*, Arhangel'sk, SAFU, 2021. – 495 s.
- Goldin V.I., *Po stranam i kontinentam: monografiya*, Arhangel'sk, SAFU, 2016. – 525 s.
- Goldin V.I., *Sever Rossii na puti k Grazhdanskoy vojne: Popytki reform. Revolyucii. Mezhdunarodnaya intervenciya. 1900 – leto 1918 g.*, Arhangel'sk:, SAFU, 2018. – 619 s.
- Goldin V.I., *Uchenyj i kniga, ili Sorok let sluzheniya nauke: monografiya*, Arhangel'sk, SAFU, 2016. – 168 s.
- Goldin V.I., *Ekzotika nashej planety. Ocherki stranovedeniya i mezhdunarodnyh otnoshenij: nablyudeniya, vpechatleniya, razmyshleniya: monografiya*, Arhangel'sk, SAFU, 2014. – 564 s.
- Kaminskij V.V., Ganin A.V. – «tvorec» «mertyvh dush» v Korpuse General'nogo Shtaba Krasnoj Armii ili povest' o tom, kak ne sleduet zanimat'sya nauchno-issledovatel'skoj rabotoj, Ufa, Slovohotov A.A., 2013. – 160 s.
- Novikova L.G., *Provincial'naya «kontrrevolyuciya»: beloe dvizhenie i grazhdanskaya vojna na russkom Severe. 1917 – 1920*, M., Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. – 337 s.

Статья поступила в редакцию 24.05.2024 г.

Подписана в печать 24.09.2024 г.

**Вестник
Тверского государственного
университета
Серия: История**

СВЕДЕНИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Адрес редакции: 170001, Россия, Тверь,
ул. Трёхсвятская, д. 16/31, каб. 201.
Телефон/факс: 8 (4822) 34–16–85.

E-mail: history.decanat@tversu.ru

Журнал «Вестник Тверского университета. Серия История» является научно-теоретическим журналом, представляющим широкий спектр проблем всеобщей и отечественной истории, историографии, источниковедения, археологии, вспомогательных исторических дисциплин. Выходит с 2007 г. по 4 номера в год. Журнал учреждён Тверским государственным университетом и является подписным периодическим научным изданием. Публикуются статьи, подготовленные преподавателями и сотрудниками исторического Тверского государственного университета, а также учёными из других научных и образовательных учреждений России, ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы несут персональную ответственность за содержание статей, представленных к публикации.

Журнал зарегистрирован в Международном центре ISSN в Париже (1998-5037), что обеспечивает информацию о нём в соответствующих международных реферативных изданиях.

Требования к оформлению, содержанию и доставке текстов в редакцию

К публикации принимаются статьи кандидатов и докторов наук объёмом 1 п. л. (40 тыс. зн. с пробелами), статьи докторантов, аспирантов и соискателей объёмом 0,5 п. л. с аннотациями 800 знаков; **сообщения** (краткая информация о научной проблеме, заметки о достижениях отдельных учёных или юбилейных датах) в объёме от 0,2 до 0,4 п. л.; **рецензии** (0,3 п.л.) с аннотациями до 400 знаков.

В статье допускаются ссылки на авторефераты диссертационных работ.

Статьи и сообщения высылаются по почте заказным письмом главному редактору (Леонтьевой Татьяне Геннадьевне) или ответственному секретарю журнала (Богданову Сергею Владимировичу) по адресу: 170021, Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31, каб. 201, доставляются лично автором по указанному адресу или высылаются по электронной почте.

Вместе с распечатанным вариантом (межстрочный интервал – полуторный, шрифт – Times New Roman Стандарт, 14 кегль, сноски постраничные, нумерация сносок сквозная) представляется электронная версия на CD дисках. В отдельных файлах должны содержаться: статья, резюме, сведения об авторе (авторах). Сведения об авторах статьи включают: фамилию, имя и отчество полностью, учёное звание, степень, должность, место работы (полное название), почтовый адрес места работы с индексом города и указанием страны, номера контактных телефонов (с кодом города) и адрес электронной почты. **Сведения об авторах указываются на русском и английском языках.**

Рукопись статьи должна представлять собой готовый оригинал-макет на одной стороне чистой белой бумаги формата А4. Рукопись статьи сопровождают: фамилия, имя, отчество автора, указанные полностью, название статьи; **аннотация** (800 зн.), содержащая постановку проблемы, историографию, краткий анализ источников и основной вывод статьи;

ключевые слова (до 10 слов или слово-сочетаний) на русском и английском языках. Английский вариант должен быть идентичен русскому.

Статья должна сопровождаться списком цитированной литературы на русском языке и в транслитерации.

Требования к оформлению приложений к тексту статьи

1. Фамилии авторов

Фамилии авторов статей представляются в одной из принятых международных систем транслитерации для авторов.

Чтобы избежать дублирования профилей в БД авторам важно:

придерживаться одной системы транслитерации для всех своих публикаций;

придерживаться указания одного места работы, так как данные о принадлежности к организации (аффилиации) являются одним из основных определяющих признаков для идентификации автора. Отсутствие данных об аффилиации ведёт к потере статей в профиле автора, а указание на различные места работы ведёт к созданию дублей профилей.

2. Название организации и ведомства

Название организации используется для идентификации авторов, для создания их профилей и профилей организаций. Данные о публикациях авторов, связанных с конкретными организациями, используются для получения полной информации о научной деятельности организаций (и в целом страны). Во избежание создания дублирующих профилей организации в статьях необходимо *употреблять официальное (общепринятое) без сокращений название организации на английском языке*, что позволит более точно идентифицировать принадлежность авторов и предотвратит потерю статей в системе анализа. Узнать правильное англоязычное название вузов и многих других организаций можно на их официальном сайте. Исключение составляют не переводимые на английский язык наименования фирм, которые даются в транслитерированном варианте.

Использование перед основным названием дополнительных данных («Учреждение Российской академии

наук...», «ФГБОУ ВО» и т. п.) является лишним – это только затрудняет идентификацию организации.

3. Заглавие статей на английском языке

– заглавия научных статей должны быть информативными;

– в заглавиях статей можно использовать только общепринятые сокращения;

– в переводе заглавий статей на английский язык не должно быть транслитераций с русского языка, кроме непереводимых названий собственных имен и др. объектов, имеющих собственные названия; также не используется непереводимый сленг, известный только русскоговорящим специалистам. Это также касается авторских резюме (аннотаций) и ключевых слов.

4. Авторские резюме (аннотации) на английском языке

Авторское резюме призвано выполнять функцию независимого от статьи источника информации, должно излагать существенные факты работы, и не должно преувеличивать или содержать материал, который отсутствует в основной части публикации.

Аннотации должны быть:

- информативными (не содержать общих слов);
- содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированными (следовать логике описания результатов в статье);
- «англоязычными» (написаны качественным английским языком);
- компактными (укладываться в объем 800 зн.).

Аннотации должны быть написаны качественным английским языком. Текст должен быть связным с использованием слов «следовательно», «например», «в результате» и т. д. («consequently», «forexample», «thebenefitsofthisstudy», «as a result» etc.), либо разрозненные излагаемые положения должны логично вытекать один из другого. Необходимо использовать активный, а не пассивный залог, т.е. «The study tested», но не «It

wastestedinthisstudy» (частая ошибка российских аннотаций).

Предпочтительным вариантом аннотации является краткое повторение в ней структуры статьи, включающей введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение.

В качестве помощи для написания англоязычных аннотаций (рефератов) можно рекомендовать обратиться к российскому ГОСТу 7.9-95 «Реферат и аннотация. Общие требования», который был разработан, в основном, для информационных изданий и к «Рекомендациям к написанию аннотаций для англоязычных статей, подаваемых в журналы издательства Emerald» (Великобритания): (<http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm>).

5. Пристатейные списки литературы

Список литературы приводится отдельным блоком («References»), русскоязычные ссылки даются в транслитерированном виде, иностранные источники приводятся без изменений. Если список литературы состоит только из англоязычных источников, то блок References может отсутствовать.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет учтена при оценке научной деятельности её авторов, а также организации, региона, страны. В транслитерированных ссылках **недопустимо использовать** разделительные знаки российских ГОСТов (//, – и т. п.).

Наиболее значимыми составляющими в библиографических ссылках являются **фамилии авторов, названия журналов, книг, конференций, выходные данные (включая название издательства для монографий и №№ страниц для статей, опубликованных в журналах или сборниках). В ссылках на сборник статей указывается фамилия составителя или научного редактора.** При транслитерации в описание ссылки необходимо **вносить всех авторов**.

Другие требования к предоставляющим материалам

К предлагаемым для публикации в «Вестнике ТвГУ» статьям прилагается рецензия научного руководителя (консультанта) и рекомендация кафедры, где выполнена работа (подпись заверена, печать) или внешнего оппонента-специалиста. Отзыв заверяется в организации, где работает рецензент. В рецензии раскрывается и конкретизируется исследовательская новизна, научная логика, отмечается научная и практическая значимость статьи, указывается на соответствие её оформления требованиям «Вестника ТвГУ».

Основные разделы статьи: введение, содержащее историографию и источниковедческий анализ проблемы, основная часть, заключение (выводы), в котором указаны новые результаты и их теоретическое или практическое значение; список литературы.

За ошибки и неточности научного и фактического характера, перевод аннотации ответственность несёт автор статьи.

Постстраничные сноски должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятymi в журнале «Вестник ТвГУ. Сер.: История»: в сноске указываются выходные данные, достаточные для библиографического поиска, при этом должны быть соблюдены правила библиографических сокращений (сб. ст., Мат. конф., дисс. ... канд. ист. наук и т. д.), фамилии и инициалы авторов выделяются курсивом, ссылка на архивные фонды первично оформляется с полным назначением архивного учреждения, затем даётся только аббревиатура. **В постраничные сноски не помещаются примечания к тексту статьи!** При их наличии они могут быть размещены после текста статьи, редактор оставляет за собой право удалить примечания.

Иллюстрации

Рисунки выполняются в графическом редакторе и представляются в редакцию отдельным файлом. Рисунки к статье должны иметь расширение *.jpg и чёткую легенду.

За оформление имеющихся в статье графических материалов (графики, диа-

грамм) ответственность несёт автор. При вёрстке журнала они не редактируются.

Порядок рецензирования рукописей

Поступившей в редакцию рукописи присваивается регистрационный номер, о чём редакция информирует авторов по электронной почте. Рукописи, оформленные с нарушением правил для авторов, не рассматриваются. **Представление в редакцию ранее опубликованных статей не допускается.**

По получении статьи от автора редакция направляет её на рецензирование двум рецензентам, которые выносят заключение о возможности публикации. На основании экспертного заключения редколлегия принимает текст к изданию, либо направляет на доработку. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что она принята к публикации.

Редакция не берёт на себя обязательства по срокам публикации и оставляет за собой право редактирования, сокращения публикуемых материалов и адаптации их к рубрикам журнала. Корректура автору не предоставляется. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования.

Если статья отклонена, то автору сообщается мотивированное заключение рецензента. После переработки автором материалы рассматривает главный редактор и принимает решение о публикации.

Оплата за публикацию рукописей аспирантов не взимается.

Полнотекстовые сетевые версии выпусков научного журнала «Вестник Тверского университета. Серия История» можно найти в свободном доступе в Научной Электронной Библиотеке ТвГУ (<http://eprints.tversu.ru>) и на сайте журнала «Вестник Тверского государственного университета. Серия: История»: <http://vestnik.tversu.ru/history>

Формат цитирования статей из журнала

В целях обеспечения корректного представления информации о статьях в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ) редакционная коллегия рекомендует следующее оформление ссыл-

лок на статьи, опубликованные в серии «История» журнала «Вестник ТвГУ»:

Автор Название статьи // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. Год. № 1. С. [страницы].

Пример:

Булдаков В. П. Постреволюционная Россия: идеология и управление // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2015. № 3. С. 49.

в транслитерации:

Bul'dakov V. P., *Postrevolyutsionnaya Rossiya: ideologiya i upravlenie*, VestnikTvGU, Seriya «Istoriya», 2015, № 3, S. 49.

Контактные данные ответственных за выпуск

170100, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31, к. 201.

Телефон/факс: 8 (4822) 34-16-85.

Главный редактор – Татьяна Геннадьевна Леонтьева 8 (4822) 34-16-85.

Ответственный секретарь – Сергей Владимирович Богданов

Bogdanov.SV@tversu.ru)

E-mail:history.decanat@tversu.ru

URL: <https://journal.tversu.ru/index.php/history>

Вестник Тверского государственного университета.

Серия: «История». № 3(71). 2024

**Подписной индекс: 85716 (подписной интернет-каталог
«Пресса России»)**

Подписано в печать 12.09.2024. Выход в свет 17.10.2024.

Формат 70x108¹/16. Бумага типографская № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,96.

Тираж 500 экз. Заказ № 214.

Издатель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Тверской государственный университет».

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Отпечатано в издательстве Тверского государственного университета.

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д. 12, корпус Б.

Тел. издательства: 8 (4822) 35-60-63.

Цена свободная.